

"Влюблена и очень опасна, или Кто подставил пушистую зайку"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Полина Раневская

Влюблена и очень опасна

© Раевская П., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Один раз в жизни фортуна стучится в дверь каждого человека, но во многих случаях человек в это время сидит в соседнем кабачке и не слышит ее стука.

Марк Твен.

«Закон звездного часа»

Глава первая

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на диеты, жадных мужчин и плохое настроение...

Ф. Раневская

Солнце отыскало путь между неплотно задвинутыми портьерами и теперь настойчиво слепило в мои веки, настоятельно предлагая проснуться. Я лениво потянулась, зевнула и перевернулась на другой бок. Покидать объятия Морфея отчаянно не хотелось. Но так уж я устроена – чуть пробудившись, вновь ни за что не усну. Пришлось все же открыть глаза. И тут же их закрыть, чтобы не ослепнуть – рядом со мной нежно сопел ослепительной красоты субъект. Такому «приобретению», пожалуй, могла бы позавидовать сама Анджелина Джоли. В конце концов, Бредди парень хоть куда... был когда-то. Иное дело – лежащий в моей постели красавец. Мало того, что он хорош собой, так еще и неприлично молод. Не настолько, чтобы привлечь меня к ответственности за соращение малолетних, но довольно, чтобы его сил хватило на долгий и неоднократный любовный акт, заняться которым с подобным красавцем мне хотелось прямо сейчас. Может, стоит разбудить парня поцелуем и реализовать задуманное? Было бы неплохо, но куда лучше перед этим освежиться, ведь это только в кино главные герои сразу после пробуждения принимают неистово заниматься любовью, выглядя при этом так, как будто только что покинули салон красоты. В жизни, по крайней мере в моей, подобное не практикуется – уж больно непрезентабельный внешний вид у меня сразу после пробуждения.

Томно потянувшись, я грациозно поднялась, бросила соблазнительный взгляд через обнаженное плечо на парня (на случай, если тот уже проснулся и наблюдает за мной) и с легкостью пантеры отправилась в ванную комнату. Щелкнув выключателем, шагнула в ванную и была вынуждена вновь зажмуриться. Как же много света! Отражаясь ото всех начищенных до блеска поверхностей, он в итоге собирался в один слепящий луч, направленный прямо на меня. И чего я не выбрала матовую плитку или мозаику для отделки стен? Да и сантехнику вполне можно было приобрести поскромнее. Наверное, следует переделать ремонт. Во всяком случае, подумать об этом на досуге явно следует.

Взяв с полочки электрическую зубную щетку, я выдавила на щетину маленький шарик дорогой пасты и приступила к гигиенической процедуре. Поймав свое отражение в зеркале, невольно охнула, чуть не задохнувшись от восхищения. Ну, надо же! Как это мне удастся выглядеть так свежо и привлекательно после страстной ночи любви? Из зеркала на меня смотрела почти

незнакомая красотка, поразительно напоминающая Джулию Робертс в молодости. В который раз за утро я рисковала подорвать зрение. На этот раз от собственной красоты.

Предаваясь подобным размышлениям, я не сразу заметила подошедшего сзади прекрасного незнакомца. Парень подкрался ко мне «на мягких лапах» и обнял за талию. Тело немедленно отозвалось сладостной истомой, заполнившей все внутренние органы, и я затрепетала от предвкушения. Красавчик явно знал свое дело – он провел ладонью по моей груди и отправился дальше в свое бесстыдное путешествие, одновременно губами лаская мою шею. Дело явно двигалось к фееричному сексу, когда раздался телефонный звонок. Застонав от недовольства, я жестом приказала парню продолжать, решив ни за что на свете не реагировать на настойчивый сигнал. Увы, волшебный момент был упущен. Аппарат не умолкал, призывая к ответу.

- Не останавливайся, – просипела я, но ослепительный красавец уже прервал свои волнующие кровь действия и вдруг начал растворяться. В буквальном смысле этого слова. Вместе с ним померкли и очертания шикарной ванны, а затем исчезла и я сама.

- Соня, ты что, не слышишь? – недовольный голос Андрея окончательно вывел меня из забытья. Интересно, что он тут делает? – У тебя будильник разрывается. Вставать пора. Выключи его, ради бога. Дай поспать!

Ах да, я же всегда встаю первой, чтобы успеть сварить нам обоим кофе и приготовить завтрак. Хотя минуточку... Кому это нам? Сосредоточившись на только что пережитых ощущениях, я вновь попыталась вернуться в прерванную сказку. Тщетно. Сон уходил все дальше, уступая место унылой и тоскливой реальности.

Шикарное помещение прямо на глазах превратилось в малюсенькую комнату со скучной мебелью, ослепительный красавец – в... В общем, в Андрюшу. Мой парень в постели настоящая звезда. Во всяком случае, здорово на нее смахивает, когда вот так лежит на спине, раскинув ручки и ножки. Андрейка всегда так спит, нимало не заботясь о том, что мне при этом остается совсем немного места на нашем и без того небольшом спальном ложе. Взглянув на такое родное и мягкое пивное брюшко, я попыталась вызвать испытанное во сне желание, но ничего, кроме желания предложить любимому абонемент в спортзал и строгую диету, не возникло.

Вздыхнув, медленно поплелась в нашу убогую ванную. Ничего общего с той комнатой, которую я видела во сне. Не порадовало и собственное отражение в зеркале. Да уж, Джулия Робертс из меня та еще – всклокоченные волосы, рубец от подушки на щеке и узенькие после сна глазки.

Взяла зубную щетку с истрепанной щетиной (какой день забываю приобрести новую), выдавила на нее пасту и приступила к исполнению неперемного, отработанного до мелочей ритуала. Я точно знала, что будет потом – макияж, кухня, уборка постели и никаких ослепительных красавцев в радиусе тысячи метров.

Ну и пусть! Зато у меня есть Андрюшка. Может, не бог весть какое богатство, но зато родной, любимый и... И вообще. Что скрывалось под этим «вообще», я еще не придумала, но точно знала, что мне очень повезло. В конце концов, не каждой удастся заполучить такого классного парня, почти что «мужа» (в том, что Андрейка сделает мне предложение со дня на день, я не сомневалась). Кроме того, мой суженый без пяти минут нотариус. Сейчас он правая рука шефа в нашей конторе и уже разобрался во всех тонкостях этой сложной профессии. Ему осталось только дожидаться подходящей вакансии. Экзамен он сдал, деньги на открытие собственной конторы почти накопил.

Конечно, я понимаю, здесь слишком много «почти», но ведь это же реальная жизнь, а не кино или роман, где все легко и просто. Я не так уж и плохо устроилась, учитывая, что многие девушки моего возраста вообще не имеют хоть какого-нибудь парня. Да чего далеко ходить? Взять хотя бы Марию. Первая красавица офиса и до сих пор одна. Наверняка рада была бы заполучить Андрейку, но он выбрал меня, чем, собственно, и покорила. Не только этим, конечно, но сама бы я и помыслить не могла влюбиться в такого парня. Не из-за заниженной самооценки, просто я всегда реально смотрю на жизнь.

Андрей, может, и не принц на белом коне, так ведь и я не королевских кровей. В свои двадцать пять я вполне себе твердо стою на ногах и давно не витаю в облаках. По-своему люблю будущего мужа и уверена, что буду ему верной женой. Главное, чтобы Андрей поскорей получил статус нотариуса, а там и звон свадебных колоколов не за горами.

А сон? А что сон? Мне не пятнадцать лет, чтобы заниматься толкованием сновидений. Мало ли что может присниться. Однажды я вообще во сне предавалась лесбийским утехам с Марией. И что? А ничего. В реальности просто испытывала несколько дней неловкость и стеснялась красивой коллеги, пока воспоминания полностью не стерлись из памяти. Одним словом, мало ли что привидится, это вовсе не означает, что я недовольна своим Андрейкой.

Кроме того, нет никаких сомнений – сегодняшнее сновидение – не что иное, как отклик на просмотренную накануне мелодраму. Точно! Я тут на днях ужасик вечером посмотрела, так потом до утра с вампирами боролась. Правда, один из них оказался весьма привлекательным, сильно напоминал Эдварда из саги «Сумерки» и в конце концов начал испытывать ко мне влечение, но это все равно ни о чем не говорит! Довольно фантазировать! Пора на грешную землю возвращаться.

Размышляя подобным образом, я между тем успела нанести макияж. Как известно, косметика способна творить чудеса – вот и теперь вместо замученной замухрышки из зеркала на меня смотрела привлекательная молодая особа двадцати с лишним лет.

В ванную зашел Андрейка. Зевнув, почесал свой животик и взял меня за локти. Яркие впечатления ночного сновидения, по-видимому, до конца меня не покинули, так как я невольно напряглась, ожидая продолжения. Андрея нельзя назвать спонтанной особой, и я не могла припомнить ни одного случая неожиданного проявления чувств с его стороны, но ведь все когда-то бывает в первый раз. Неужели моему сну суждено стать явью? Затрепетав от сладостного предчувствия, я прикрыла глаза.

Напрасно старалась – возлюбленный просто освободил себе место у зеркала. Довольно грубо отодвинув меня в сторону, он недовольно проворчал:

– Соня, поторапливайся. Ты же знаешь – Юрий Павлович терпеть не может опозданий. И не забудь сделать мне кофе.

Я поплелась на кухню. Не то чтобы мне так уж хотелось заняться любовью с Андрейкой. В конце концов, основу наших отношений составляет не пылкая страсть. Ведь, как хорошо известно, она не самый прочный фундамент для построения крепкой семьи. И все же иногда мне казалось, что нам не хватает романтики и каких-то авантюр, что ли. Конечно, в данном случае подобное вряд ли можно назвать уместным. Опоздай мы на работу хотя бы на минуту, шеф непременно сжил бы нас со свету. По крайней мере меня точно. К моему возлюбленному Креольский относится вполне терпимо, что вполне оправдано беспятиминутным нотариальным статусом Андрея. Мои карьерные перспективы также определены, и именно поэтому опаздывать мне никак нельзя – начальник с легкостью заменит меня более молодой

и расторопной, – каждый день так грозитя. Энергично, едва ли не с остервенением помешав кофе в турке, я наблюдала за поднимающейся пенкой. Не приведи господи упустить момент – будучи кофейным гурманом, Андрей не терпел ни малейшего нарушения утвержденной им рецептуры приготовления ароматного напитка. Что до меня, то я никогда не понимала, чем отличается «отвратный» кофе от «сносного» (иных эпитетов мои творения все равно никогда не заслуживали). Андрей – дело другое: он в таких вещах хорошо разбирается. Правда, Маринка утверждает, что дело вовсе не в моих способностях, а в настроении дегустатора, но ведь она необъективна – по непонятным для меня причинам подруга моего парня явно недолюбливает. Впервые услышав мои жалобы на собственную никчемность, она безапелляционно заявила, что, если уж Андрейка так хорошо знает, каким должен быть превосходный кофе, пусть бы сам его и готовил. Если честно, иногда мне очень хочется озвучить эту мысль своему возлюбленному, но я, разумеется, не решаюсь. В конце концов, у каждого свои недостатки, и прочные отношения базируются на умении партнеров с ними мириться.

Я сварила кофе, поджарила яйца и тост, сервировала стол – Андрей терпеть не мог перекусов на бегу, поэтому трапезничал всегда обстоятельно. Придирчиво оглядев снедь, я похолодела, не обнаружив сливок в молочнике. То, что их нет на столе – еще полбеда. Куда хуже, что они и в холодильнике тоже отсутствуют. И вообще дома. Молочный продукт закончился еще вчера, а я забыла пополнить запасы! Возможно, для кого-то этот промах и пустяк – дело житейское, но Андрей, увы, не относится к числу людей, столь легкомысленно относящихся к жизни. Мой возлюбленный – перфекционист и не терпит отступлений от заведенного им порядка. Я же с завидной регулярностью наступаю на одни и те же грабли, давно и прочно претендуя на звание сеятеля этого садового инструмента.

Утро добрым не бывает. Не то чтобы Андрейка такой уж деспот и тиран. Нет! Больше того – уверена, он и слова не скажет. Всего-то сокрушенно покачает головой, тяжело вздохнет и спрячет (не очень, впрочем, умело) разочарование во взгляде. Затем он, как бы невзначай, напомнит мне о том, что в моем новеньком смартфоне есть специальная программка под названием «За покупками». С ее помощью так удобно составлять списки того, что мне нужно приобрести.

В моем коммуникаторе действительно есть такая функция. Вся беда в том, что она сама по себе не работает – ею необходимо активно пользоваться. Где бы взять «напоминалку», которая бы напоминала сделать запись в «напоминалку». Конечно, я безмерно благодарна Андрею за подаренную им технику и за титанические усилия меня с нею подружить, но сама лично в успех этого мероприятия верила слабо – количество «иконок» на экране мобильного внушало мне благоговейный ужас, а уж о том, чтобы разобраться в их назначении, и мечтать не приходится.

Я быстренько достала телефон и набрала в списке планируемых покупок одно слово – «сливки».

– Андрей, ты представляешь, – нарочито веселым тоном обратилась я к вошедшему в кухню возлюбленному, – я забыла купить сливки, – кажется, мне удалось изобразить искренний смех. – Ты же знаешь, какой забывчивой я иногда бываю? Самое интересное, соответствующая запись в телефоне имеется, и вот... – в подтверждение своих слов я сунула парню под нос смартфон. Идиотский смешок должен был если не снять, то хотя бы минимизировать воцарившееся в кухне напряжение.

Андрей скользнул взглядом по экрану, вздохнул и закатил глаза.

- Соня, - страдальческим голосом обратился он ко мне, - как это на тебя похоже. Вот только врать-то зачем?

Я непонимающе уставилась на парня. О чем это он?

Андрей ткнул пальцем в экран. Вперив в него взгляд, я снова похолодела. Вот черт! Умная программа, формируя список планируемых к покупке продуктов, поставила сегодняшнее число. Чертовы технари - все-то они предусмотрели, все продумали. Крыть нечем - я попалась. Полное фиаско!

Надо отдать Андрею должное - он умеет быть великодушным. Вздохнув, мой возлюбленный принялся за трапезу. Я достала из холодильника йогурт и уныло принялась размешивать его ложкой. Дело в том, что недавно Андрей тактично намекнул мне на необходимость обратить внимание на свою фигуру. По его мнению, в последнее время мой живот и бедра стали неприлично выпирать. Я действительно поправилась на несколько килограммов, но большой проблемы в этом не видела, так как вообще не сильно заиклена на своей внешности. С другой стороны, разочаровывать Андрея тоже не хотелось, поэтому пришлось сесть на строжайшую диету. И вот теперь я, с отвращением глотая йогурт, наблюдала, как мой довольный сотрапезник поглощает вкусный завтрак. Конечно, он ведь мужчина, а им, как известно, допустимо иметь некоторую округлость форм. Более того, по мнению моего парня, это даже придает сильному полу некую солидность. Худых парней Андрей терпеть не мог, считая хороший аппетит одной из отличительных черт настоящего мужчины. Он любил пространно рассуждать о том, что желание вкусно и сытно покушать у представителей сильного пола зафиксировано генетической памятью. Дескать, в давние времена их праотцы тратили массу энергии, охотясь за мамонтами.

Лично я в этой теории видела некоторые изъяны, главным из которых являлся тот факт, что образ жизни современных парней существенно отличается от времяпровождения их далеких предков, но спорить с Андреем не считала нужным. В конце концов, мне удалось вытянуть «счастливый билет» и терять его ради возможности беспрепятственно поесть пирожки было как минимум глупо.

Кроме того, не так уж я и обездолена, ведь иногда, когда Андрея нет рядом, я позволяю себе схмячить сочный гамбургер или (о ужас!) полакомиться кусочком торта. Так что жизнь прекрасна и удивительна, а йогурт, если вдуматься, вполне съедобен и, несомненно, крайне полезен.

Как известно, мир таков, каким мы его видим. Поэтому темным очкам я всегда предпочитаю розовые. Нацепив их мысленно на свой нос, я оглядела окружающую меня действительность. Все не так уж и плохо - да, мой парень не Бред Питт, но ведь и я не Анджелина, да, у меня не лучшая в мире работа, но какая разница, если в скором времени мне суждено стать женой и матерью, и, следовательно, о карьере все равно придется забыть. Да, мой суженый не богат, но он без пяти минут нотариус, а значит, не за горами тот час, когда все может измениться. А то, что мои формы далеки от совершенства, так это дело поправимое.

Одним словом, еще немного, еще чуть-чуть, и все будет просто идеально! А пока нужно немножечко потерпеть. Самую малость.

На самом деле, если бы не шеф, и терпеть бы особенно ничего не пришлось. Но Юрий Павлович Креольский был той еще занозой в заднице моего огромного счастливого слона. От одной мысли о предстоящей встрече с начальником меня бросало в дрожь. И так каждый день, не считая выходных, коих я ожидала, словно манну небесную. Хотя и их Креольский

умудрялся мне регулярно попортить. Трудоголик по натуре и скряга по сути, он нередко работал на выезде в субботу и в воскресенье, неизменно привлекая меня в качестве своего помощника. Это было более чем странно, учитывая, что из всех работников конторы я раздражала его больше всех. Он вечно ругал меня за «несобранность, тупость, отсутствие коммуникативных навыков, медлительность и нерасторопность». По его мнению, я и аттестата о среднем образовании не заслуживала, не говоря уж о дипломе вуза. Просто удивительно, как это я умудрилась не только окончить юрфак, но сделать это с отличием. Но надо отдать должное шефу – он умел быть красноречивым. Его обвинительные проповеди отличались такой убедительностью, что даже я в итоге стала замечать у себя признаки целого ряда умственных заболеваний. Порой мне действительно хотелось прислушаться к рекомендациям Креольского и обратиться за профессиональной врачебной помощью. Жаль только, что не было никакой уверенности в том, что это лечится. Во всяком случае, если верить шефу, мой случай точно относился к безнадежным.

Глава вторая

Всю жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй...

Ф. Раневская

Но в это утро мне повезло – в контору мы с Андреем прибыли самыми первыми. Первыми из сотрудников. Что до клиентов, то их, по традиции, возле входа толпилось немало.

Необходимо отметить, что одним из «пунктиков» нашего шефа была пунктуальность. Поэтому тот факт, что возле входа нас ожидали посетители, вовсе не свидетельствует о том, что мы опоздали. Просто основные наши клиенты – пенсионеры. А вернее, пенсионерки. Парадоксально, но, как правило, среди наших пожилых посетителей представительниц слабого пола всегда намного больше. То ли потому, что женщины сохраняют активность в любом возрасте (мужчины в основном приглашают нотариуса на дом), то ли из-за большей продолжительности жизни прекрасных дам. Как бы то ни было, но и в тот день в очереди я заметила исключительно старушек. Кто-то пришел оформить наследство, кто-то написать или даже переписать завещание.

Кстати, о последнем. Есть у нас одна бабушка, которая оставляет распоряжения на случай своей смерти ежемесячно, аккуратно в день получения пенсии. Подозреваю, что для нее это своеобразное развлечение, почище просмотра сериалов и передач о здоровье. Она то отпишет все имущество сыну, то порадует дочь, то осчастливит внука. В результате родственники ради расположенной в центре квартиры готовы на все. Что они только не предпринимают, чтобы ублажить старушку. Правда, между собой они давно не общаются и вообще ненавидят друг друга лютой ненавистью, но бабушку это, похоже, ничуть не печалит.

А вообще есть в моей работе и плюсы. Во всяком случае, скучать она мне точно не дает. И пусть мои непосредственные обязанности рутинны и скучны, зато клиенты колоритны и интересны. Наблюдать за ними куда увлекательнее, чем смотреть знаменитые жизненные ток-шоу с говорливыми ведущими.

Бесцеремонно растолкав толпу, Андрей пробился к двери. Достав из сумки ключ с брелоком сигнализации, он снял охрану, открыл замок и вошел внутрь. Бабульки ринулись за ним следом, едва не сметая меня со своего пути. В общем, все как обычно.

- Так, женщины, – грозно произнес мой партнер, перекрикивая гул голосов, – нотариуса пока нет, так что располагайтесь в холле и ждите. Принимать будем в порядке живой очереди.

Старушки вновь загомонили, выясняя, кто за кем стоял. У одной бабушки даже список нашелся. Да уж, достаточно двум пенсионеркам собраться вместе, и они непременно образуют очередь. Это более чем объяснимо, ведь чем сложнее цель, тем больше удовольствия получаешь, ее достигнув. Для многих женщин – в прошлом деятельных активисток, достойное место в очереди – прекрасная возможность вновь почувствовать свою важность, значимость и значительность. И это одновременно трогательно и печально.

Правда, сами пенсионерки отнюдь не грустили о своей участи. Напротив, все происходящее им явно доставляет удовольствие – по крайней мере, хоть один день имеет все шансы пройти не зря.

В последние дни мучительное чувство голода сопровождало меня повсюду, и, разумеется, йогурт, съеденный за завтраком, никак не мог этого изменить. Одиноко болтаясь в желудке, он даже не пытался создать иллюзию его наполнения. С тех пор, как я села на диету, компанию немногочисленным продуктам, которые мне разрешалось съедать, составлял лишь зеленый чай. Андрейка где-то вычитал, что этот напиток способствует сжиганию жиров. Разумеется, в тот же день мне была торжественно вручена коробка самых лучших (как же иначе) листов, выращенных где-то на китайском высокогорье. Между нами говоря, напиток оказался редкостной гадостью и почему-то имел запах не совсем свежих мужских носков, но мой суженый объяснил, что так и должно быть, ведь мне повезло отведать знаменитый элитный чай, который в течение нескольких лет подвергался специальной обработке и выдержке. Подозреваю, что стоило это пойло недешево, хотя, на мой взгляд, явно незаслуженно.

Но, как выяснилось позднее, мне еще повезло! В магазине, где Андрей приобретал чудный напиток, ему предложили фантастические кофейные зерна, прошедшие обработку в... кишечнике какого-то балийского зверька. Милый пушистик поедает зерна, которые, проходя через его ЖКТ, особым образом ферментируются и преобразуются из обычных в самые дорогие зерна в мире. Подозреваю, что только баснословная цена удержала моего возлюбленного от покупки столь чудного напитка. Как по мне, так перспективу пить кофе из «какашек» обезьянки вряд ли можно назвать сильно заманчивой. Но у Андрея, разумеется, на этот счет было иное мнение.

Он провозгласил меня невеждой, а затем долго и пространно рассуждал о «плебействе», которое свойственно некоторым личностям (угадайте, кому) и которое непременно следует искоренять из себя всеми правдами и неправдами.

Почему мне для этого нужно было обязательно пылать любовью к кофе из экскрементов, я так и не поняла, но от греха подальше решила все же не уточнять. Как бы то ни было, к счастью для меня, мне достался только чай «из носков», что уже неплохо. Как говорится, и на этом спасибо. Правда, чудный напиток еще предстояло заварить, поэтому я взяла чайник и направилась с ним в туалет, чтобы набрать воды. Толкнув дверь, я шагнула внутрь и ахнула. Весь пол был залит... Даже говорить неудобно. Одним словом, керамическую плитку покрывал ровный слой воды вперемешку с тем самым, из чего на Бали получают самый дорогой в мире кофе.

– Алтуфьева! – услышав голос шефа, я так и подскочила на месте. – Что здесь происходит? – Креольский, как всегда, подкрался незаметно. Его поразительное умение появляться, словно Сивка-Бурка, из пустоты не раз доводило меня до полуобморочного состояния. Но в этот раз я испугалась особенно. Конечно, в засоре канализации моей вины не было, но ведь любому очевидно – шефа в этом не убедишь. Что бы ни произошло в офисе, крайней всегда назначали меня.

- Я жду! - недовольно произнес шеф.

Интересно, что именно ждет? Видимо, ответа. А я-то наивно полагала этот вопрос риторическим. Неужели начальник действительно не понимает, что здесь происходит? Наверное, по его мнению, плавающие в воде нечистоты могут иметь какое-то иное значение. Увы, мне оно было незнакомо, поэтому я предложила единственно возможное, на мой взгляд, объяснение происходящему:

- Видимо, туалет засорился, Юрий Павлович.

- А то я не вижу, - недовольно пробурчал Креольский. - Меня интересует, как такое могло произойти.

- Даже не знаю, - я аккуратно стала пятиться к двери, так как мозг уже послал импульс полупустому желудку, и тот был готов избавиться от своего содержимого. Конечно, в описываемых обстоятельствах это более чем логично, но шеф все равно бы не понял моего порыва, а вернее, позыва.

Креольский заметил, что со мной происходит что-то неладное, и, безразлично поморщившись, на всякий случай отодвинулся подальше. А затем и вовсе, бесцеремонно оттолкнув, покинул помещение, отдав на ходу приказ немедленно решить вопрос с туалетом. Сказал, как отрезал. Впрочем, как обычно.

Глава третья

Женщины умирают позже мужчин потому. Что вечно и везде опаздывают...

Ф. Раневская

Весь последующий час я исполняла волю руководства. Для начала вызвала аварийную и клининговую службы, чьи представители на удивление явились довольно быстро. Весьма оперативно была выявлена и причина засора - кто-то умудрился засунуть в унитаз огромную тряпку. Чтобы до нее добраться, фаянсовое изделие пришлось разбить. Воду, разумеется, перекрыли и посоветовали вызвать сантехников. За сим «аварийщики» и откланялись.

Вся эта история основательно испортила и без того нерадужное настроение шефа. Он терпеть не мог, когда ход событий отклонялся от его привычного курса. А так как жизнь полна неожиданностей, вообще довольно редко пребывал в благодушном расположении.

А тут еще ему самому пришлось принять кое-какое участие в разрывании ситуации. Больше того! Еще и просить соседей об одолжении. Учитывая, что Креольский не очень-то с ними ладил, миссия далась ему не слишком легко.

Дело в том, что наш офис располагался в одном здании с продовольственным магазином. Когда-то, еще в советские времена, здесь было некое учреждение, все комнаты которого имели единый проход. Затем ведомство расформировали, здание приватизировали, перестроили и продали с молотка. Одно из помещений выкупил брат нашего шефа, другое - предприниматель из Армении. Первый предоставил родственнику возможность открыть нотариальную контору, второй занялся снабжением жителей близлежащих домов продуктами питания. В проходе поставили железную дверь и надежно заперли на засов. Тесное соседство с торговой организацией по какой-то причине являлось для Креольского раздражающим фактором. Он не раз демонстрировал ее владельцу (весьма радушному и приятному, надо

сказать, человеку) свое пренебрежение. И вот теперь именно к нему ему пришлось обращаться с просьбой позволить нам пользоваться туалетной комнатой магазина.

Уж как там велись переговоры, не знаю, но дверь открыли, и я наконец-то смогла набрать воды в чайник. Соседи проход использовали как склад, поэтому вдоль его стен стояли огромные коробки с продуктами, многие из которых выглядели и пахли весьма аппетитно. Протискиваясь мимо них, я пыталась уговорить свой желудок так тоскливо не стонать.

Но тот мой призыв отказывался слышать. Они сговорились с йогуртом, который, видимо, еще больше ощутил всю отчаянность своего одиночества и теперь призывал меня обеспечить его товарищами. Конечно, я бы с радостью удовлетворила его потребности, но не воровать же, в самом деле, еду из магазина!

Так что пришлось ограничиться «носочным» чаем, после чего мой организм смирился со своим положением и решил поберечь силы, что было более чем мудро с его стороны при таком рационе.

В офисе же дела шли как обычно. Андрей принимал посетителей, я оформляла их документы, вносила записи в реестр, выполняла поручения работников конторы. Креольский лишь милостиво ставил свою подпись на бумагах. Хорошо быть нотариусом!

Так, в суете и заботах прошел этот день – точно так же, как множество дней до него и после. По крайней мере, именно так я полагала. Увы, судьба не наградила меня даром предвидения и даже женской интуицией не одарила. Так что никакие предчувствия о грозящих мне крутых жизненных поворотах мою душу не посетили. А жаль... Знай я, что меня ждет впереди, тут же собрала бы чемодан и, подобно Чацкому, отправилась бы к тетке в Саратов.

Глава четвертая

Склероз нельзя вылечить, но о нем можно забыть...

Ф. Раневская

- Соня, ты идешь?

Я в очередной раз восхитилась сдержанностью и деликатностью Андрея. В его голосе, конечно, проскальзывало раздражение, но уловить его нотки было не просто. И только отличное знание характера моего возлюбленного позволяло мне безошибочно определить – я снова где-то накосячила. А что делать, если мне вечно не удавалось закончить свои дела вовремя и потому всегда приходилось покидать офис последней? Правда, тот день был исключением – Креольский прочно обосновался в своем кабинете, мотивируя это желанием поработать.

Наскоро собрав вещи, я закинула их в сумочку и побежала за Андрейкой, который решительным шагом направлялся к своей машине. Догнать парня мне удалось только на стоянке. Ну, хоть здесь ему ждать меня не пришлось. Но выяснилось, что теперь ожидание «светило» мне. Андрей растерянно шарил по карманам, явно что-то разыскивая.

- Вот черт, – тихо выругался он, – ключи в офисе забыл. – Grimаса недовольства на секунду изменила лицо моего возлюбленного, но он быстро взял себя в руки. – Послушай, – Андрей растянул губы в ослепительной улыбке, – не в службу, а в дружбу, сгоняй за ключами, а? – И, улыбнувшись еще шире, добавил: – Тебе ведь это будет полезно.

Какой тонкий намек! Досадливо поморщившись, я, правда, тут же взяла себя в руки, принявшись мысленно убеждать невидимого собеседника в том, что подобные замечания продиктованы исключительно заботой обо мне. Но, как ни пыталась я вызвать у себя чувство благодарности к Андрею, ничего не получалось. Видимо, родители что-то упустили в моем воспитании. Но это ведь еще не повод вести себя по-хамски, не так ли? Поэтому, изобразив на лице радость и взяв под козырек, я помчалась исполнять поручение возлюбленного.

К слову, сделать это оказалось не так-то просто: Андрей куда-то засунул свои ключи, и, как ни старалась я их отыскать, ничего не выходило. Не найдя ничего на столе, в столе, на тумбочке, в шкафу и даже в холодильнике, я в итоге сдалась и набрала номер своего парня в надежде найти если уж не ключи, то хотя бы поддержку и понимание. Тщетно!

- Ну что ты там копаешься, Соня? - недовольным тоном поинтересовался парень. - Сколько тебя можно ждать?

«Столько, сколько нужно», - разумеется, эту фразу я произнесла мысленно. Вслух же сказала совсем другое:

- Извини, Андрюшенька, но твоих ключей нигде нет. Ты уверен, что забыл их в офисе?

- Конечно, уверен. - Парень явно начинал терять терпение. - Я проверил все карманы: и в пиджаке, и в брюках.

- А в портфеле ты смотрел? - робко поинтересовалась я.

- Соня, за кого ты меня принимаешь? - возмутился Андрейка, и я услышала щелчок и шелест бумаг. - Подожди, - недовольно произнес возлюбленный. - Кажется, нашел.

- Ну вот видишь! - Я постаралась скрыть торжество, но Андрей и не думал извиняться.

- Если уж ты там, прихвати красную папку, хочу дома поработать.

- Где она? Ааа, вижу, - я схватила документы и радостно потрусила к выходу.

Плюхнувшись на пассажирское сиденье, протянула возлюбленному пластиковый «уголок». Андрей недовольно поморщился и велел мне держать его в руках. Автомобиль, урча двигателем, повез счастливую пару домой.

Вернее, он повез домой только Андрюшку, высадив меня по дороге возле магазина. Если бы не мой суженый, я бы наверняка снова забыла приобрести сливки.

* * *

- Соня, ты что, забыла закрыть офис? - В голосе Андрея не было недовольства и гнева. Там присутствовал благоговейный ужас - чувство, которое тут же передалось и мне. Близкая к обмороку, я уставилась на дверь конторы - зеленый огонек, подмигивая, сообщал нам о том, что помещение не поставлено на сигнализацию.

Так, спокойно! Это еще не конец света! Ну, не включила я сигнализацию, и что? Есть же еще ключ. Лелея надежду, я потянула дверную ручку и похолодела - створка гостеприимно распахнулась, приглашая всех присутствующих войти внутрь.

О господи! Я действительно не закрыла офис. И теперь меня ждет неминуемая, скорая

и ужасная расправа. Оставить нотариальные документы без присмотра на ночь – это не просто оплошность, это настоящее преступление!

Как я могла такое допустить? Конечно, рассеянность и несобранность – мои всегдашние «спутники», но даже для меня ЭТО слишком.

Прокручивая в голове ленту вчерашних событий, мучительно пыталась я отыскать ответ. И нашла!

– Постой, так ведь не мы вчера последние покидали контору. – Груз ответственности, прижавший меня к земле, стал немного легче, и мне даже удалось расправить плечи.

– Ну, конечно! Когда я уходила, в конторе оставался еще и Юрий Павлович! Я еще удивилась, что он не просил меня остаться, но это значит, значит... – Я все еще не могла поверить своему счастью. – Это значит, дверь не закрыл сам шеф! – Плохо скрываемая радость сквозила в каждом моем слове.

Конечно, я переживала из-за того, что наша контора может лишиться ценностей, но если бы это произошло из-за меня... Даже подумать страшно, какое наказание могло ожидать меня в этом случае.

Глава пятая

Все обязательно сбудется! Стоит только расхотеть...

Ф. Раневская

Чуть позже выяснится, что подобное развитие событий оказалось бы благом, и незапертый офис – меньшее из предстоящих зол, но, к несчастью, я, как уже упоминалось выше, не обладала даром предвидения, да и интуиция у меня, прямо скажем, весьма «слабенькая». Поэтому в данный момент все шло по единожды заведенному порядку, и я даже не подозревала, что судьба уже занесла свой карающий меч с целью разделить мою жизнь на «до» и «после».

Андрей толкнул дверь, бабульки дружной толпой двинулись за ним следом, по традиции оттеснив меня от двери. Последовала типичная в таких случаях переключка, и мне наконец-то удалось зайти в контору. Я кинула сумку на стол и осмотрела помещение. На первый взгляд ничего не изменилось. По крайней мере, компьютеры и оргтехника стояли на своих местах, а ведь именно их предполагаемые воры должны были вынести в первую очередь. Значит, есть шанс, что забывчивость шефа по счастливой случайности осталась незамеченной злоумышленниками.

– Вот черт! – Из задумчивости меня вывел окрик Андрея из соседней комнаты. Будучи помощником нотариуса, Андрюша имел собственный кабинет. Я же делила маленькую каморку с Машей Вольской – первой красавицей конторы.

– Что такое, Андрей Петрович? – На работе я всегда соблюдала субординацию, именуя возлюбленного исключительно по имени-отчеству.

– Да комп не грузится.

Щелкнув кнопкой на своем ноутбуке, я поспешила на помощь к возлюбленному. Не то чтобы я

понимала что-то в компьютерной технике, но считала своим долгом проявить хотя бы элементарное участие к проблемам суженого.

Глянув на монитор, безошибочно угадала – дело плохо. Мигающая линия «подчеркивания» – единственное, что отображал экран.

– Я вызову Костю, а пока ты можешь воспользоваться моим ноутбуком, – как могла, я успокоила Андрея.

Тот недовольно хмыкнул, но промолчал – даже он не смог бы отыскать намек на присутствие моей вины в данной ситуации.

Вернувшись в кабинет, я удивленно уставилась на монитор своей «машины», который демонстрировал миру ровно ту же картину, что и его «большой» брат в Андреевом кабинете. Странно, похоже, полетела вся наша сеть. Ну ничего, Котя разберется.

«Котей» именовали Константина Сергеевича Одыгаило – системного администратора сорока с лишним лет, занимавшегося обслуживанием компьютеров и оргтехники в нашей конторе. Именно к нему мы обращались при возникновении тех или иных проблем. И, нужно сказать, Котя нас ни разу не подвел.

Правда, и проблемы случались сплошь пустяковые. Большинство из них решалось простой перезагрузкой программы. Но даже столь очевидное решение без Коти не находилось. А ведь это мысль! Я утопила кнопку загрузки в надежде, что это поможет реанимировать ноут. И в тот момент, когда мой палец оторвался от серебряного кружка, я услышала душераздирающий вопль.

Откровенно говоря, поначалу я решила, что кричит женщина – уж больно тонким и визгливым был голос, но потом поняла – это вопит мой возлюбленный.

Со всех ног рванула я на звук, намереваясь защитить Андрейку от любой напасти. Правда, по пути мне пришлось изрядно поработать локтями – старушки оказались куда проворнее меня и, услышав крик, покинули обычное место дислокации, устремившись в контору. Теперь они все толпились в коридоре.

Как выяснилось, торопилась я совершенно напрасно. Помощь Андрею не требовалась.

И если уж быть до конца точной, в ней вообще никто не нуждался. По крайней мере теперь уж точно.

Одного взгляда на сидящего в кресле шефа оказалось достаточно, чтобы понять – он глубоко и безнадежно мертв. Двух мнений по этому вопросу быть не могло, учитывая, каким застывшим и остекленевшим взглядом Креольский смотрел в пустоту. Не составляло труда установить и причину его смерти. Торчащие из груди мужчины канцелярские ножницы говорили красноречивее всяких слов.

Мне кажется, порядочной барышне в подобной ситуации надлежало бы рухнуть в обморок. На худой конец, завопить, что ли. Но, взглянув на Андрюшу, я поняла, что не могу позволить себе ни ту, ни другую «роскошь». Иначе кто тогда приведет моего парня в чувство? Дрожа, словно лист на осеннем ветру, мой возлюбленный явно намеревался сам вот-вот потерять сознание. Единственное, что я смогла придумать в подобной ситуации, так это подойти к нему, взять за плечи и хорошенько потряхнуть.

К сожалению, встряска не помогла – Андрей по-прежнему пребывал в шоковом состоянии. И кто бы его за это осудил, ведь именно он первым обнаружил труп. Стойко пережить такое способен не каждый.

– Андрей, послушай меня! – Я говорила медленно, старательно произнося каждое слово, чтобы донести смысл сказанного до затуманенного сознания парня. – Сейчас мы выйдем отсюда и вызовем полицию. Я дам тебе валерьянки и напою горячим чаем. Все будет хорошо. Ты слышишь меня?

– Ему, сердешному, валидолу бы под язык, – предложила одна из пенсионерок.

– Кому? – ошарашенно спросила я, предполагая, что бабулька имеет в виду моего шефа, которого к жизни вернуть могла разве что живая вода, существуй та в природе.

– Да парню этому, кому же еще, – пояснила бабуля.

– Что вы такое говорите? – возмущенно возразила интеллигентного вида пожилая женщина. – При чем тут валидол? У него же не сердечный приступ, в конце концов. Пустырник ему нужен.

– Ой, подышать ему надо правильно, – вступила в разговор еще одна бабуля, – Геннадий Петрович Малахов, например, рекомендует...

Что там советует «народный целитель всея Руси», я не дослушала. Стряхнув оцепенение, принялась решительно действовать. Выгнала всех бабушек в холл, отвела Андрея к себе в кабинет, налила воды из чайника и набрала номер полиции. Я достаточно много смотрела детективов и знала – на месте преступления трогать ничего нельзя, поэтому и звонок решила сделать из своего кабинета.

Зубы Андрея выбивали такую чечетку о фарфор, что я начала переживать за их сохранность. Не то чтобы это был такой уж принципиальный вопрос, и все же щербатый мужчина – не мой идеал, поэтому мне пришлось отобрать у Андрюши посуду. Вернее, попытаться это сделать – парень вцепился в чашку мертвой хваткой. Забрать ее удалось только после того, как прибыли полицейские, да и то только тогда, когда тем захотелось побеседовать с «субъектом, первым обнаружившим труп».

Именно так сформулировал свою просьбу-приказ полноватый дядька, имя и отчество которого я забыла сразу же, как только услышала. Он проводил куда-то Андрюшу, а сам зачем-то остался в моем кабинете. Меньше всего мне сейчас хотелось изображать гостеприимную хозяйку, но и сидеть без дела – тоже не дело. Уж простите за тавтологию. Поэтому я предложила дядьке кофе, чему тот оказался несказанно рад.

Глава шестая

Если человек сделал тебе зло, дай ему конфетку. Он тебе зло, ты ему – конфетку, и так до тех пор, пока у этой твари не разовьется сахарный диабет...

Ф. Раневская

Подойдя к столу, я потянулась, чтобы взять кружку, но не удержалась и распласталась на офисной мебели, уткнувшись носом в перекидной календарь, который использовала для записывания важных дел. Перед тем как подняться, машинально скользнула взглядом по серовато-желтой бумаге (шеф щедростью не отличался и приобретал самую дешевую

канцелярку) и похолодела – красной ручкой на листе, отмечающем вчерашний день, моей рукой была аккуратно выведена запись: «Убить шефа». Венчали фразу три восклицательных знака, обведенные мною для пущей убедительности. Запись располагалась аккурат между двух других: «Проверить договор» и «Вызвать сантехников». Вот такой нехитрый список дел обычного помощника нотариуса. Справедливости ради следует сказать, что план был выполнен. Не совсем весь мной, но даже шеф, будь он жив, не мог бы предъявить претензий.

Мое сердце отбивало в пятках азбукой Морзе призыв «SOS», а мозг лихорадочно прокручивал ленту вчерашнего дня, пытаюсь вспомнить, когда и как появилась в календаре обличающая меня надпись. Слава богу, склерозом я не страдала, поэтому довольно быстро восстановила в памяти ход прошедших событий.

После утреннего казуса со сливками я приняла твердое решение последовать совету Андрейки и составлять список из текущих дел, методично вычеркивая затем исполненное. Правда, Андрей утверждал, что это способствует грамотной организации рабочего времени, и ни словом не обмолвился о «побочке» в виде возможного тюремного заключения, маячащего в ближайшей перспективе. С другой стороны, уверена, в местах не столь отдаленных с тайм-менеджментом дело обстоит в полном порядке. Так что, если вдуматься, возлюбленный не так уж и не прав.

Хотя, конечно, знай я, что не приобретенные вовремя сливки запустят цепочку событий, приведших меня туда, где я теперь находилась, накупила бы молочного продукта на год вперед.

Но я этого не сделала. Более того, умудрилась стать главным претендентом на роль убийцы. Вот она – уличающая надпись, бросающаяся в глаза точностью и недвусмысленностью формулировки. К слову, этот ее статус в прочих обстоятельствах мог бы свидетельствовать в мою пользу, ведь все завершённые планы я тут же старательно зачеркивала, и только эта не удостоилась подобной чести. Но, подозреваю, следователь не признает данный аргумент достойным. А значит, нужно искать другие.

Решение созрело молниеносно – улучив момент, когда дядька-полицейский отвернулся, я быстро перевернула страницу календаря и поставила его на стол Марии, забрав себе ее книжечку. Не то чтобы мне так уж хотелось подставить коллегу, просто надеялась выиграть время. В дальнейшем я планировала просто вырвать злополучный листок и спрятать, а еще лучше съесть его. Чтобы уж наверняка.

– Софья Семеновна, – лихорадочный бег мыслей прервал оклик полицейского. От неожиданности я даже подпрыгнула на месте, теряясь в догадках, заметил ли страж порядка мои манипуляции с канцелярскими изделиями.

Но либо дядька и впрямь ничего не заметил, либо имел какой-то свой, неведомый мне план по разоблачению преступницы, только он и бровью не повел, хотя, как мне кажется, я скрыла замешательство за очень кривой улыбкой.

– Там следователь приехал, – буркнул мужчина и шумно отхлебнул из чашки обжигающий напиток. – Сейчас допросит этого ущербного, а потом ваша очередь.

– Почему это Андрей ущербный? – как тигрица бросилась я на защиту суженого, но дядька и не думал смущаться и уж тем более извиняться. А я еще его кофе пою!

– А какой же он? Бился в истерике, словно красна девица, все боялся, что мы его в убийстве обвиним.

- Ну, знаете, не все же каждый день имеют дело с преступлениями. Тем более что в данном случае пострадал наш шеф, человек для Андрюши не посторонний.

- Андрюши... Вон оно что... - пробормотал дядька и уставился в чашку, обхватив ее двумя руками. - Ну, извини, если обидел твоего... - последнее слово он произнес, делая шумный глоток из чашки, так что кем именно, по мнению полицейского, мне приходится Андрюша, я не разобрала. Да и вообще меня больше занимал его переход «на ты». Интересно, что бы это значило? Хороший это знак или не очень? Конечно, это могло означать что угодно: от особого доверия до присвоения мне статуса преступницы. А может, у мужчины и вовсе проблемы с воспитанием. Решив не забивать себе голову ненужными проблемами, я сосредоточилась на имеющихся. И главной из них было удаление злосчастного календаря, который располагался в опасной близости от полицейского. Не ровен час, тот заинтересуется планировщиком, и тогда... Что будет тогда, думать особенно не хотелось.

Благо пока мужчина не проявлял никакого интереса к канцелярским принадлежностям. Он с явным удовольствием наслаждался бодрящим напитком и даже не думал демонстрировать по идее свойственную его профессии внимательность.

- Приготовьтесь пока к допросу, - произнес он, видимо, чтобы поддержать беседу.

Кивок головой означал мое согласие, хотя я и не очень хорошо понимала, как именно мне следует готовиться к допросу. Или опросу? Свидетелей допрашивают или опрашивают, надо бы поинтересоваться у Google. Рывок к верному, умному и безотказному помощнику оказался совершенно напрасным, учитывая мертвенную черноту экрана.

Как говорится, беда не приходит одна. Более того! Смерть ПЭВМ огорчила меня даже больше, чем кончина шефа. Понимаю, звучит ужасно, но всякий, кто был знаком с Креольским, меня бы прекрасно понял.

Так и не придумав, как именно мне следует готовиться, я принялась ждать вызова на допрос (или опрос), нервно барабанила пальцами по столу. Казалось бы, после приезда оперуполномоченного полицейский мог бы и удалиться, но он отчего-то не спешил покидать контору, расположившись, разумеется, в моем кабинете. Так что увы! С мечтой об уничтожении листка с обличительной надписью пока пришлось расстаться.

То ли я очень понравилась солидному полицейскому, то ли он решил взять меня под охрану, но, расположившись за столом Марии, он и не думал покидать нашу тесную каморку. Самой Маши сегодня не было - у нее случилась очередная личная драма, и она по традиции взяла отгул, чтобы пореветь в подушку. Креольский на удивление спокойно относился к подобным ее пропускам, так как ценным работником Марию даже с натяжкой не назовешь. Держали девушку в конторе исключительно из-за ослепительной внешности - на встречи с VIP-клиентами Креольский всегда брал именно Вольскую, утверждая, что это настраивает переговоры на нужный лад, создавая благоприятную обстановку для заключения контрактов. В остальное время присутствие девицы на рабочем месте обязательным не считалось.

Вот за ее столом и скучал теперь «дяденька полиционер». Учитывая обстоятельства, развлекать его мне как-то не особенно «улыбалось». С другой стороны, сломанный компьютер лишал меня всякой возможности изобразить активную трудовую деятельность.

- Хотите кофе? - наверное, в пятый раз спросила я у нежданного визави. Необходимо отметить, что предыдущие четыре он не отказывался, накачавшись бодрящим напитком до самых краев. Остался верен себе и в этот раз, обозначив согласие кивком головы. Подойдя к чайнику,

я заметила, что тот пуст. Радостно схватив посудину (наконец-то можно покинуть это царство натянутой тишины), я потрусила к выходу. На пороге что-то заставило меня обернуться. И, как оказалось, весьма вовремя. Скучая, дядька начал перебирать лежавшие на столе предметы. Ни ручка, ни карандаш, ни органайзер интереса, по понятным причинам, не вызвали, чего не скажешь о календаре! Перекинув страницы, полицейский начал внимательно изучать записи, начиная с первого дня. Мои записи! Ничего интересного найти он там не мог, в основном это были глупые рисунки и каракули, сделанные мною в основном тогда, когда Креольский распекал меня по телефону. Но все могло измениться, и весьма скоро.

Мозг лихорадочно работал, пытаюсь найти избавление от нависшей угрозы. Увы, ничего не выходило! Один за другим откидывала я варианты, как неподобающие случаю. Таким образом, в «топку» отправились идеи с поцелуем дядьки на фоне внезапно вспыхнувшей страсти, моим обмороком, оглушением полицейского чайником по голове, а также его убийство и последующее сокрытие трупа. Время шло, дядька подбирался все ближе к заветной надписи, а я так и стояла истуканом в дверях. В конце концов мужчина оторвал глаза от календаря и удивленно поинтересовался:

- Что-то не так?

Напряжение прошедшего дня вообще и последних минут в частности прорвало плотину, сдерживающую эмоции, и я наконец-то дала волю чувствам, разразившись рыданиями. Получилось спонтанно, но, как ни странно, весьма к месту. В итоге удалось достичь цели – отвлечь дядьку от изучения календаря.

Не то чтобы он сразу же кинулся меня успокаивать, подозреваю, что за годы службы ему доводилось видеть всякое, и я наверняка пополнила список многочисленных рыдающих девиц, коих он лицезрел на местах преступления. И тем не менее, несмотря на подозреваемую мною привычку к подобным зрелищам, очередное такое же вынудило полицейского оторваться от изучения моих записей и заняться поисками носового платка у себя в карманах. Вообще-то в ящике моего стола лежали бумажные салфетки, но я, по понятным причинам, решила об этом не упоминать.

Глава седьмая

Я говорила долго и неубедительно, как будто говорила о дружбе народов...

Ф. Раневская

- Волошин, что здесь происходит? – Грозный голос, возникший, казалось бы, из пустоты, заставил полицейского вскочить, а меня вздрогнуть.

- Да вот, Казимир Модестович, барышня расчувствовались, – вытянувшись в струнку, отчитался дядька перед тем, кто стоял за моей спиной. Гадая, когда это мы успели переместиться на машине времени в прошлый век, я медленно обернулась к человеку с диковинным для нашего времени именем и отчеством. Удивленный возглас так и не сорвался с моих губ, так как, обернувшись, я наткнулась на стальной взгляд мужчины, по всей видимости, привыкшего к реакции людей на свое имя.

- Семенов, – сухо представился он.

- Алтуфьева, – ответила я. Приветствие больше напоминало «пароль-отзыв», что вполне соответствовало ситуации.

- Пройдемте, гражданка Алтуфьева, побеседуем о происшедшем.

Тон следователя и его взгляд не предвещали мне ничего хорошего. Поставив чайник и бросив прощальный взгляд на Волошина, мысленно послав ему команду убраться наконец-то из моего кабинета, я поплелась за Казимиром Модестовичем. Дознаватель расположился в кабинете Андрея и по очереди опрашивал (или допрашивал) свидетелей. Меня он вызвал второй по счету, а в холле своей очереди дожидались старушки, коих я, на всякий случай, попросила не покидать контору. Вряд ли бабушки могли чем-то помочь следствию, но как знать. Правда, некоторые из посетительниц все же ушли, сославшись на занятость, но большая часть нашей клиентской аудитории предпочла остаться. Еще бы! Такое шоу поинтереснее телевизионного будет.

- Что вы можете рассказать о... - мужчина заглянул в лежащий перед ним листок, - о Креольском Юрии Павловиче и обстоятельствах его смерти? - Парень явно не привык тратить время попусту.

- О мертвых либо хорошо, либо ничего, так что, получается, сказать мне о шефе нечего. - Еще раньше я приняла решение говорить правду, правду и ничего, кроме правды. Тем более что врать все равно не умела.

- То есть можно сказать, вы испытывали к своему начальнику неприязнь? - Умные глаза Казимира Модестовича буравили меня насквозь.

- Можно, говорите, - я выдала жалкое подобие улыбки, за которой попыталась скрыть охватившее меня беспокойство. Направление, в котором двигалась беседа, мне совсем не нравилось.

- А можно ли сказать, что вы его ненавидели?

Конечно, ситуацию трудно было назвать комичной. Тем не менее я рассмеялась, уж больно нелепым показалось мне предположение дознавателя.

- Нет, я считала, что он этого не заслуживал. - Взгляд следователя из пронизательного превратился в удивленный. Надо же, а я думала, он робот, которого ничем не проймешь. - Понимаете, я считаю, что ненависть - чувство разрушительное, прежде всего для тех, кто его испытывает. Поэтому, реагируя на выпады Креольского так, как он хотел, я играла бы по его правилам. Шеф относится, - я осеклась и тут же поправилась: - относился к тем, кого принято называть «энергетическими вампирами». - В этом месте следователь поморщился, но я продолжила: - Мой начальник испытывал садистское удовольствие, делая гадости. А следовательно, истерия и плача, я только продлевала бы его экстаз, что не совсем корреспондируется с моими интересами, как вы понимаете. Так что я избрала тактику «почтительного игнора».

- И что, помогало? - Следователя явно заинтересовала моя теория. Подозреваю, что у него тоже был свой «Креольский». Хотя у кого его нет?

- Нууу, - протянула я, - как сказать. Смотря что вы понимаете под «помогало». С одной стороны, не достигая поставленной цели, шеф только еще сильнее распалялся. В итоге мне в конторе доставалось больше всех. С другой... Я получала моральное удовлетворение от того, что не давала ему того, чего он так жаждал: моих слез, страданий и переживаний.

Наши взгляды с Казимиром Модестовичем встретились, и я, помимо интереса, прочла в его глазах уважение. Воодушевленная, я продолжила свое повествование - уж больно не терпелось

мне изложить свое мнение об отношениях с Креольским до того, как это сделают «доброжелатели». А может, сказалась неудовлетворенная и столь естественная потребность всякого человека быть выслушанным и понятым.

Увы, я просчиталась, и мои откровения обернулись в конечном итоге против меня же.

- Так может, это вы и убили шефа? - произнес дознаватель проникновенным шепотом, доверительно приблизив свое лицо к моему. Для этого он даже привстал и перегнулся через стол. - Признайтесь, облегчите свою душу. Да и на суде зачтется.

Отпрянув, я попыталась скрыть обуявший меня ужас.

- Вы что, с ума сошли? - Так, Софья, дыши глубже, не делай глупостей. Ты ни в чем не виновата, а значит, и волноваться тебе не о чем. Но я волновалась! И еще как! Паника горячей волной окатила мои внутренности, заставив сердце биться быстрее, сжав легкие и связав желудок в тугий комок. К горлу подкатил рвотный спазм - я ведь так и не выпила свою чашку чая. Глазами размером с блюдце смотрела я на сидевшего передо мной мужчину. Его, казалось, эта ситуация совсем не касалась. Хотя почему казалось? Она действительно касалась его постольку-поскольку - он просто делает свою работу.

- Понимаю, вам нужно раскрыть преступление по горячим следам или как там у вас это называется? - Я попыталась унять дрожь в голосе, но получилось не очень. Откашлявшись, продолжила уже более спокойно: - Нет, я не убивала Креольского и готова это доказать любым способом. Хотите проверку на детекторе лжи пройду?

Казимир Модестович недовольно скривился, но промолчал. Видимо, старинным у него является не только имя, но и методы работы. Не нравятся мужчине новомодные «штучки». Я же крутила в голове прочие способы доказать свою невиновность. И тут меня осенило! Вот ведь балда, я даже рассмеялась, радуясь неожиданному открытию.

- Алиби! У меня ведь есть алиби! Спросите Андрея, я все время была с ним. Он подтвердит.

Сочувствие во взгляде Семенова оборвало мое веселье. Побледнев, я схватилась за край стола, опасаясь грохнуться в обморок.

- Что с Андреем? С ним что-то случилось? - Картины одна страшнее другой вихрем пронеслись в голове.

- Успокойтесь, Софья Семеновна. Все с вашим парнем в порядке. - Следователь подошел к кулеру, набрал воды и подал ее мне. Ледяная жидкость прошла по горлу и пищеводу, моментально сковав их морозом. Слова следователя не помогли избавиться от беспокойства, ведь, если с Андреем все хорошо, почему этот человек выдвигает такие странные предположения? Уж не думает ли он, что мы с Андрюшей вступили в преступный сговор, вместе прикончив своего «любимого» начальника? Или думает?

Пауза затягивалась, и я вспомнила присказку о том, что затянувшееся молчание означает рождение очередного милиционера. В данный момент появление на свет еще одного представителя этой достойной профессии меня как-то не радовало.

- Камеры наблюдения, - произнес наконец дознаватель тоном мисс Марпл, раскрывшей преступление.

Я непонимающе уставилась на работника правоохранительных органов.

- Что, простите?

- Я говорю, вы забыли про наружную камеру наблюдения.

- Ничего я не забыла. Просто не понимаю, зачем вы ее упомянули.

Следователь устало вздохнул и тоном, которым обычно разговаривают с несмышлеными детьми, пояснил:

- Камера зафиксировала, что вчера вы в 17.30 вошли в это здание после того, как его покинули все сотрудники, и пробыли здесь семь минут. Время вполне достаточное, чтобы убить Креольского ножницами, забрать несколько папок и вывести из строя всю компьютерную технику. Из офиса вы вышли с огромной сумкой в руках, в которой вполне могут поместиться папки. Что в ней было, ваш жених не знает. Так что все сходится.

Я ошеломленно смотрела на мужчину, не понимая, о чем он толкует. Какие семь минут, какая техника, камеры и папки?!

- Я действительно возвращалась в офис, но за забытыми ключами! Спросите у Андрея, - надеюсь, звучащее в моем голосе отчаяние не будет расценено как косвенное подтверждение вины. Я знаю, что не убивала шефа, но благодаря СМИ мне также отлично известно, что в тюрьмах томится огромное количество невинных людей. Пополнить их ряды отчаянно не хотелось.

- Спиридонов действительно подтверждает вашу версию, что, к слову, не исключает сговор. Но, видите ли, по словам вашего, хм... коллеги, когда он покидал офис, убитый был еще жив. После того же, как вы вернулись в контору, в нее больше никто не входил и не выходил. Мы тщательно просмотрели запись. Так что получается, либо ваш жених врет и Креольского убили раньше, либо это сделали вы. Тем более что, по вашим же словам, у вас для этого имеются все мотивы.

- Ничего у вас не получается, - выпалила я. - Ни-чего-шеньки. Вы забываете, что в тот день в офисе не работал туалет, и поэтому была открыта дверь, ведущая в соседний с нами магазин. Так что кто угодно мог попасть в кабинет шефа, убить его и спокойно удалиться.

Следователь сокрушенно покачал головой, демонстрируя совершенно неискреннее сожаление. Мол, я бы, конечно, поверил вам, но не могу.

- Видимо, именно таким и был ваш план. Да, Софья Семеновна? Наверное, и санузел вы вывели из строя намеренно. Вот только видите ли, какая незадача. Директор «Витража» - того самого магазина, что расположен рядом с вами, - оказался на редкость вредным типом. Вашему шефу еле удалось уговорить его расчистить проход, да и то буквально на несколько часов. Этого вы, наверное, не знали?

Я задумалась - действительно последний раз я посещала дамскую комнату часа за два до окончания рабочего дня, а после, разумеется, не проверяла, открыт проход или нет. Кто ж знал, что эта информация может мне понадобиться?

- Вот такие пирожки с котятами, - развел руками Семенов, - ты их ешь, а они мяукают.

- Но постойте, - мысли в голове путались, решительно не желая складываться в стройный ряд. - Наверное, есть какое-то разумное объяснение произошедшему. Может быть, преступник проник через окно, - с тоской взглянув на зарешеченные рамы, произнесла я упавшим

голосом. – Или, ну не знаю, через вентиляцию.

– Ага, или канализацию, – следователь явно развеселился. – Нет другого объяснения, Софья Семеновна. Просто нет. Так что лучше покайтесь. Чистосердечное признание, как говорится, смягчает наказание. И все такое. Я ведь о вашем благе пекусь. Мне-то что? Улик против вас и так достаточно: мотив налицо, возможность имеется. Дело-то, считай, закрыто. Осталось только взять одежду на экспертизу, снять отпечатки пальцев, сравнить их с теми, что на ножницах. Уверен, заключения экспертов лишь укрепят позицию следствия. Кстати, об одежде. Вы ее добровольно выдадите? Тогда оформим как выемку. Можно, конечно, и ордер на обыск вашей квартиры получить. В подобных обстоятельствах это труда не составит.

Меня затрясло мелкой дрожью. Обыск, выемка, экспертизы – давно забытые слова из институтской жизни. Специализируясь на гражданском праве, уголовному я уделяла совсем мало внимания. Выходило, что зря – те знания теперь бы мне сильногодились.

– Конечно, я выдам одежду добровольно. Вот только как это сделать, учитывая, что я сегодня в той же, что и вчера? Не идти же мне домой голой.

Следователь, неожиданно превратившийся в моего преследователя, выглядел озадаченным.

– Вы хотите сказать, что сегодня пришли в том же наряде, что и вчера?

Интересно, что его так удивляет? Неужели в своей практике он имел дело исключительно с гламурными барышнями, меняющими одеяния каждые пару часов? Надо же, какой ревнитель моды.

Правда, эти свои размышления я решила держать при себе, ограничившись коротким кивком, означающим согласие.

– Хм. Как-то нелогично с вашей стороны.

Разыгрываемый в этом театре абсурда спектакль удивлял меня все больше. О чем толкует этот человек? По всей вероятности, Казимир Модестович оказался отличным физиогномистом, что, в общем-то, неудивительно, учитывая специфику его деятельности. Во всяком случае, ответ на мой невысказанный вопрос не заставил себя ждать:

– Просто обычно преступники стараются избавиться от одежды, в которой они совершили убийство. Хотя вы, возможно, полагали, что совершили абсолютное «чистое» преступление. На самом деле это невозможно. При таких повреждениях вас неминуемо обрызгало бы кровью. Пусть даже микроскопическими каплями. И можете не сомневаться – наши эксперты непременно их найдут.

Меня вновь прошибло холодным потом.

– Но ведь кровь могла попасть на мою одежду случайно, когда я подходила к... – в этом месте я запнулась, – к трупу. Мне пришлось это сделать, чтобы увести Андрюшу.

Довольная усмешка осветила лицо моего собеседника:

– Хорошая попытка, но, увы, не пройдет. К тому моменту, как Спиридонов обнаружил вашего убиенного шефа, кровь того уже свернулась, так что испачкаться вы в ней могли разве что намеренно. Да и характер следов в этом случае будет совсем иным. Так что извините, Софья Семеновна, версия не засчитывается.

- Пойдите, но тогда мне и вовсе нечего опасаться! Креольского я не убивала, и, следовательно, никаких брызг его крови на моей одежде вы не обнаружите. Что касается отпечатков пальцев на ножницах, то я не исключаю, что они там будут обнаружены, учитывая, что это офисный инструмент, которым я, как непосредственный помощник шефа, нередко пользовалась.

Семенов молчал. Видимо, это был какой-то ход, чтобы заставить волноваться меня еще больше. Но попытка не прошла – я и так находилась на грани обморока. Понимая, что «любое слово может быть использовано против меня», я тоже решила заткнуться. По крайней мере, пока не соберусь с мыслями. Так мы и сидели с Семеновым, уставившись друг на друга, ожидая, кто заговорит первым. О чем думал дознаватель, мне неизвестно.

Может, решал, как бы ловчее упрятать меня за решетку, а может, мечтал о вкусном борще, ожидающем его дома, и от которого он, благодаря моему упрямству, оказывался все дальше.

К несчастью для него, мое человеколюбие имело свои границы, поэтому при всем уважении к Семенову, взять на себя вину за преступление, которое не совершала, я не могла. Если уж на то пошло, я скорее дала бы следователю умереть с голоду, нежели пойти в тюрьму за убийство Креольского.

Тем не менее сдалась я первой:

- И что теперь? – Вопрос, как мне казалось, носил нейтральный характер, и вряд ли стоило опасаться, что я сильно наврежу себе, его задавая.

Семенов равнодушно пожал плечами:

- Время покажет. Сейчас мы пошлем вашего возлюбленного за одеждой, осуществим выемку той, что на вас, затем отправимся в суд для избрания меры пресечения. Что там решит судья, я не знаю, но, по крайней мере, эту ночь вы точно проведете в СИЗО.

Слова Семенова набатом звучали у меня в ушах, болью отдаваясь в сердце. Ничего себе поворот событий! Как ни крути, а такого я никак не ожидала. В очередной раз судьба повернулась ко мне тыльной стороной, назначив козлом отпущения. Или все же козой? Интересно, как правильно? Хотя, учитывая обстоятельства, не думаю, что есть существенная разница.

Глава восьмая

Встречается такая любовь, что лучше ее сразу заменить расстрелом...

Ф. Раневская

Дальнейшее происходило как во сне. Меня действительно раздели в присутствии женщины-полицейского, произвели выемку одежды, отвезли в суд. Я уже готовилась провести ночь в тюрьме, как и предсказывал следователь, мысленно примеряя на себя сине-полосатую робу, как вдруг все изменилось. Во время слушания в кабинет судьи вошел человек в форме и подал служителю Фемиды какие-то бумаги. Внимательно их изучив, не выражая никаких эмоций, судья постановил меня отпустить, взяв при этом подписку о невыезде.

Не веря в свое счастье, но боясь спугнуть удачу, я решила не выяснять причины принятия столь нелогичного в подобных условиях решения, ограничившись лишь словами благодарности

в адрес судьи. В конце концов, какая разница, почему меня отпускают, главное, что это так!

Однако, оказавшись в коридоре, я не удержалась и спросила у Семенова, что происходит? Даже мне, человеку, далекому от уголовного процесса, было ясно – более подходящей кандидатуры на роль обвиняемого у следствия попросту нет.

Но посвящать меня в ход расследования, по всей видимости, в планы Казимира Модестовича не входило, так как он ограничился лишь короткой фразой о вновь открывшихся обстоятельствах. Я было попыталась напомнить ему о своем процессуальном праве знакомиться с материалами дела, коль уж мне выпала «честь» оказаться в роли подозреваемой, но даже ссылка на УПК не возымела действия. Семенов лишь равнодушно пожал плечами, буркнув, что я могу сделать это завтра в его кабинете в рабочие часы.

Да уж, реальность сильно отличается от той, которую демонстрируют адвокатские ток-шоу на ТВ. Но дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Радуюсь неожиданно выпавшей возможности провести ночь в своей постели, а не на тюремных нарах, я радостно потрусила домой, решив, что у меня еще будет время выяснить все подробности происходящего.

Подозреваю, Андрей не особенно надеялся увидеть меня так быстро, ибо встретил удивленным возгласом:

- Тебя отпустили? Так скоро? - И, на всякий случай заглянув за спину, уточнил: - Или тебя посадили под домашний арест?

Я прошла в комнату прямо в обуви, решив, что чистота полов – последнее, что должно меня сейчас беспокоить. Усевшись в кресло, усталым взглядом оглядела помещение, неожиданно подумав, что его интерьер, наверное, не так уж сильно отличается от тюремного: те же унылые стены, блеклая мебель. Тряхнув головой, я отогнала мрачные мысли, в очередной раз напомнив себе о том, что мне грех гневить судьбу.

- Все потом, потом, – пропела я, пресекая дальнейшие попытки Андрея выяснить подробности случившегося. Наверное, это несправедливо, но мне впервые стало все равно.

Андрей, не привыкший к подобному отношению, обиженно засопел, но выражать свое недовольство вслух все же не решился. Весьма благоразумно с его стороны, так как сейчас я была готова на любые действия – даже скандал.

Наскоро ополоснувшись в душе, юркнула в постель. Стоило моей голове коснуться подушки, как Морфей тут же распахнул свои объятия. Правда, понежиться в них мне в ту ночь оказалось не суждено – ровно в полночь я резко проснулась и поняла, что уснуть вновь мне вряд ли удастся. Какая-то мысль, крепко запертая в подсознании, настойчиво просилась наружу. Что-то не давало покоя, но что именно?

Прошлепав на кухню, я налила себе крепкий кофе и, уставившись в одну точку, принялась прокручивать в голове киноленту событий прошедшего дня. Вот мы пришли в контору, Андрей обнаружил труп Креольского, прибыла полиция, затем меня допрашивает Семенов, вот... Стоп! «Отмотав» немного назад, я вспомнила о перекидном календаре с изобличающей меня надписью. Важная улика так и осталась на столе. Когда я уходила, полицейский, чье имя мне и сейчас вспомнить не удалось, занимался изучением моих записей. Интересно, дошел ли он до заветной фразы: «Убить шефа»? Что, если да? Возможно, именно поэтому меня и отпустили? А что, я ведь сказала, что календарь принадлежит Марье, то есть фактически повесила на нее свою вину. Хотя о чем это я? О какой вине я говорю? С другой стороны, сейчас это не важно. Значимо другое – по моей вине невиновный человек, возможно, уже томится в тюрьме. Хотя...

Что-то тут не сходится... В конце концов, Марье ничего не стоит опровергнуть выдвинутые ей обвинения. Тогда опять же непонятно, почему я до сих пор на свободе? Понимая, что брожу по кругу, я приняла единственно логичное, как мне тогда казалось, решение – отправиться в контору и проверить, на месте ли календарь. Конечно, умнее было бы дожидаться утра, но с каждым часом шансы быть разоблаченной (если этого еще не произошло) значительно увеличивались.

Глава девятая

Я никогда не была красива, но я всегда была чертовски мила! Я помню, один гимназист хотел застрелиться от любви ко мне. У него не хватило денег на пистолет, и он купил сетку для перепелов...

Ф. Раневская

И я действительно отправилась в офис. Разумеется, степень риска мне была ясна и понятна, ведь приди кому-либо в голову просмотреть позднее кадры с камер наблюдения, и количество вопросов следствия ко мне значительно возрастет. С другой стороны, с какой бы стати кому-то просматривать записи теперь, когда все, что можно, уже свершилось? Кроме того, я тщательно подготовилась – натянула на себя темный балахонистый свитер и старые бесформенные джинсы. Волосы собрала в пучок, который, в свою очередь, спрятала под Андреевой бейсболкой. Слегка изменю походку, и все – узнать меня в подобном прикиде не сможет и мама родная.

Разумеется, офис был опечатан, но аккуратно снять наспех приклеенную полицией бумажку оказалось делом пустяковым – значит, не врут сериалы-то. Не составило труда и попасть в здание, которое даже не было поставлено на охрану, что вполне логично – все равно в конторе воровать нечего – компьютеры забрали стражи порядка в надежде восстановить хранившуюся там ранее информацию, оставшиеся документы – представители городской нотариальной коллегии. Разве что какой вор позарится на скрепки, ручки, карандаши и чайник... Но это вряд ли.

Аккуратно подсвечивая себе сотовым телефоном (включать свет я все же побоялась, а фонарик, само собой, взять не догадалась), я проникла в свой кабинет, где первым делом кинулась к столу Марьи. Вздох облегчения вырвался из груди – календарь на месте! Воскликнув (разумеется, про себя) победное «Йооуу», я уж было вознамерилась схватить злосчастную улику и наконец-то ее уничтожить, но не успела. Честное слово, календарь оказался заколдованным! Иначе как объяснить тот факт, что я вновь отвлеклась от него, скорее почувствовав, нежели услышав за спиной признаки движения.

Обернувшись, я увидела силуэт мужчины. В тот момент мне отчетливо стал понятен смысл выражения: «Вся жизнь промелькнула перед глазами». Перед лицом смерти (а в том, что передо мной убийца, я не сомневалась), мне вспомнилось и мое счастливое детство, и бесшабашное отрочество, и даже толком не успевшая состояться зрелость. И такое отчаяние охватило меня в тот момент – словами не передать. Я ведь ничего не успела! Даже и не любила толком!

Ох, как же это обидно и грустно! Настолько, что я решила дать предполагаемому обидчику решительный отпор! Схватив за чем-то телефон, я направила луч света прямо в лицо стоящему передо мной человеку. Даже сейчас мне вряд ли удастся объяснить, на что я тогда рассчитывала. Возможно, хотела выиграть драгоценные минуты для поиска подходящего

решения. Но, скорее всего, просто действовала импульсивно, без особых далеко идущих вперед планов.

Как бы то ни было, что сделано, то сделано: луч «мобильного фонарика» осветил лицо убийцы и оглушительный крик огласил ночную тишину. Между прочим, это был мой собственный крик – мужчине как раз удалось сохранить хладнокровие в данной ситуации. Хотя оно и понятно. Холодная кровь у этого субъекта теперь будет всегда, ведь у трупов, как известно, иной и не бывает.

А в том, что я увидела покойника, сомневаться не приходилось. Проработав с Креольским бок о бок столько лет, вряд ли я бы спутала его с кем-либо другим.

Итак, передо мной стоял Креольский. Или его призрак? Интересно, сохраняет ли личность человек, который вот уже целые сутки пребывает в царстве мертвых? Юридически этот субъект однозначно мертв, а как насчет всего остального? Вот далась же мне эта чертова терминология! Вечно мое сознание уводит меня в какие-то труднодоступные для восприятия дебри. Как бы то ни было, но, видимо, какие-то незавершенные дела на земле заставили шефа вернуться в мир живых. А тут я. И, как всегда, крайне некстати. Начальник меня и в былые времена не шибко жаловал, а уж теперь...

Во второй раз за день я подумала о том, как бы мне сейчас пригодилось умение падать в обморок. Как было бы хорошо сейчас потерять сознание и провалиться так до первых петухов. Вроде бы с утренней зарей нечистая сила растворяется во мраке.

О! А это идея! Как там у Гоголя? Нужно нарисовать вокруг себя круг мелом? Конечно, мела в офисе не сыскать, но где-то на столе валялся белый маркер. Не волшебный, конечно, а самый что ни на есть обыкновенный, но тут уж не до жиру. Быть бы живу! Вдруг на нечисть действует любой круг белого цвета?

Не отрывая взгляд от призрака, я начала спиной пятиться к столу, одновременно вытянув назад руку, пытаясь нащупать на столе корректор. Наверное, подобало что-то сказать, хотя бы из вежливости. Поинтересоваться, например, у шефа, как там на том свете, или спросить о самочувствии, но, во?первых, меня никто не учил правилам этикета при общении с представителями загробного мира, а во?вторых, весь мой опыт ведения бесед с Креольским свидетельствовал о том, что говорить лучше тогда, когда он это позволит. Но шеф молчал! С другой стороны, с чего я решила, что он вообще умеет говорить? Вдруг эта какая-то особая разновидность фантомов, обладающих способностью только визуализироваться. Вдруг шеф хочет сообщить мне имя своего убийцы, но не может. Представляю, как тогда его злит мое молчание. Мобильник давно погас, а тусклого света уличного фонаря, проникающего в кабинет через окно, было недостаточно, чтобы разглядеть выражение лица Креольского и разгадать, какое из моих предположений ближе всего к истине.

Я наконец-то нащупала пластиковый карандаш и теперь лихорадочно пыталась снять с него крышку. Увы, то ли ее заклинило, то ли меня, но реализовать задуманное никак не удавалось. И тут призрак сделал то, чего я ожидала меньше всего...

Расхотавшись, Креольский направил на меня руку, из которой вырвался яркий луч. Пытаясь защититься от слепящего света, я уронила маркер, потеряв вместе с ним последнюю надежду на спасение от нечистой силы.

Но сдаваться просто так я и не собиралась. Что бы там ни задумал мой шеф, ему следует приготовиться встретить решительный отпор. Пусть только приблизится, и я... я... Что именно

произойдет в этом случае, додумать мне никак не удавалось.

- Простите, - Креольский опустил руку, и я увидела, что в ней он держит фонарик. Надо же, видимо, сверхъестественные способности призраков, знакомые мне по мистическим книгам и фильмам, не что иное, как плод воображения их авторов. На самом деле посланцам с того света приходится прибегать к вполне земным средствам.

- Простите, - снова повторил призрак, - я не хотел вас напугать.

Надо же, а смерть пошла Юрию Павловичу на пользу. Ранее он никогда не «опускался» до общения со своими подчиненными на «вы». И голос у него стал другим - более мягким и бархатистым. Вот что делает с людьми преждевременная кончина!

Нужно было что-то ответить, но в голову, как назло, не шло ни единой подобающей случаю фразы, поэтому я лишь кивнула, демонстрируя принятие извинений.

- С другой стороны, - произнес Креольский, - теперь мы квиты. Признаться, вы меня тоже очень напугали.

- Я?! Н-н-напугала вас? - От неожиданности я даже начала заикаться. - Юрий Павлович, прошу прощения, если это так, но просто, согласитесь, застать здесь кого бы то ни было в столь поздний час уже странно и страшно, что уж говорить о встрече с вами. Ведь вы в некотором роде... э-э-э, м-м-м... - я запнулась, подбирая нужное слово. Да, уроки общения с представителями загробного мира мне бы сейчас пригодились. Знала бы - пересмотрела все выпуски «Битвы экстрасенсов».

Вновь последовала не совсем адекватная реакция шефа. Он снова расхохотался. Ну надо же! В первый раз вижу, как он смеется. При жизни мой начальник и улыбался-то нечасто. Да и то, если можно назвать улыбкой вымученный оскал, который он выжимал из себя на встречах с клиентами. Одним словом, смерть ему явно к лицу.

- Я так и думал, - произнес он, довольно потирая руки, от чего свет фонаря заплясал на стенах, словно взбесившийся солнечный зайчик. - Что ж, - добавил он загадочно, - а это может быть даже интересным.

- Так что вы здесь делаете, э-э-э, Мария Сергеевна? - спросил призрак, предварительно скользнув лучом по табличке с именем на столе Марьи.

Я недоуменно уставилась на начальника. Бедняжка. Видимо, амнезия является одним из побочных эффектов кончины.

- Юрий Павлович, вообще-то я Соня, вы помните меня? - Хотя что это я? Шеф никогда не называл меня по имени, не уверена, что он вообще его знал. - Ну, вспомните, я ваша помощница Алтуфьева. Нет, не помните? Недоразумение ходячее, несчастный случай, ваша самая большая ошибка, - я старательно перечисляла прозвища, которыми Креольский щедро награждал меня ежедневно.

- Достаточно! - В голосе шефа послышались знакомые стальные нотки. Видимо, мои усилия не прошли даром, и он вспомнил и меня, и нашу с ним манеру общения. - Так что вы здесь делаете, Алтуфьева? - повторил свой вопрос Юрий Павлович.

Странно, я думала, им там сверху все видно! В любом случае говорить правду мне не очень хотелось. Сами подумайте, как это будет выглядеть: я же написала, что хочу его убить.

Кто знает, вдруг амнезия распространилась и на события вчерашней ночи, и шеф не помнит, кто именно его кокнул. А тут я такая, считай, с признанием на блюдечке с голубой каемочкой. Ну уж нет! Нужно что-то быстро придумать!

- Э-э-э, видите ли, я думала, что, уходя, забыла... забыла... - тут мой взгляд упал на керамическую чашку, в которую я так и не успела налить кофе полицейскому, - забыла выключить чайник! - радостно закончила я фразу.

- Да? - с сомнением покачал головой Креольский. - А разве тот не выключается автоматически?

Хм, видимо, и впрямь у шефа в связи со смертью отбило начисто память. Вот же ж бедняжка. Хотя, если вдуматься, амнезия все же не самое плохое, что с ним произошло.

- Юрий Павлович, вы что, забыли? Вы же сами всегда настаивали, чтобы я, уходя, выдергивала все вилки электроприборов из розеток. Даже расписку с меня взяли об ознакомлении с правилами пожарной безопасности. И я всегда... Вы же знаете... Неукоснительно... А тут в связи... В связи... - подходящие слова никак не приходили мне в голову. В конце концов, наверное, не очень вежливо напоминать человеку о его кончине. - В связи со случившимся, - наконец-то мне удалось выкрутиться. - В общем, я попросту не успела, так как прямо из офиса меня увезли в суд.

- Ах, вот оно что! Тогда, конечно! Это многое объясняет. Бедняжка, мой брат, видимо, не слабо запудрил вам мозги, коль скоро вы не побоялись явиться одна на место, где недавно было совершено убийство.

- Ну да, ваш брат это умел, - произнесла я автоматически и тут же спохватилась.

- Простите, кто? Вы сказали, ваш брат? - Шестеренки в моей голове заработали так быстро, что, казалось, звук их движения заполнил собой всю комнату. Сложив «два и два», мне удалось-таки понять, «ху из ху» в этой комнате.

- Так вы с шефом близнецы? - Проводись сейчас соответствующий конкурс, мне бы наверняка присудили на нем звание «Мисс очевидность».

Вжав голову в плечи, я приготовилась выслушать какое-нибудь едкое замечание - неизбежное, окажись на месте своего брата сам шеф. Как ни странно, но никаких шуточек не последовало. Вместо этого второй Креольский, как я тут же окрестила про себя собеседника, галантно поклонился и протянул мне руку:

- Разрешите представиться, Олег.

Я осторожно пожала протянутую мне ладонь, опасаясь ощутить ее мертвенную холодность - где-то на краю сознания мне все еще казалось, что передо мной мой покойный шеф - больно поразительным было сходство двух братьев. Вопреки опасениям, рука оказалась вполне себе теплой. Нормальной такой температуры.

- Простите Олег, э-э-э, как вас по отчеству?

Мужчина засмеялся, а до меня не сразу дошло, что его развеселило. Поняв, наконец, какую сморозила глупость, густо покраснела. Хорошо еще, что царившая в комнате темнота скрыла мое смущение.

- Ой, простите, ну, конечно, Павлович. Так вот, Олег Павлович, могу ли я задать вам встречный вопрос? Что вы здесь делаете в столь поздний час?

Второй Креольский (интересно, он младший или старший) пожал плечами и промолчал. Хм, видимо, сходство с братом все же не только визуальное. Тот также игнорировал вопросы, на которые не хотел отвечать. Ну и ладно. В конце концов, мне нет никакого дела до этого субъекта и его передвижений в пространстве. Куда сильнее меня должен волновать календарь, до которого мне в очередной раз так и не удалось добраться. Радуется, правда, что он по-прежнему на месте, а это значит, что и полиции о нем все еще не известно. Но, если позволить ему остаться на столе Марьи, это окажется только вопросом времени. Или нет?

До этого момента я как-то не особенно задумывалась о судьбе конторы. А следовало бы. Интересно, что нас всех ждет? Нужно ли завтра являться на работу, учитывая обстоятельства? Вспомнив бумажную ленту на двери офиса, я подумала, что вряд ли утром тут будут толпиться посетители. А хоть бы и так, принимать их все равно некому.

То есть... Мысли роились в моей голове, перескакивая с одной на другую. Креольский умер, не дотянув несколько дней до выплаты жалованья. Может, и не самая большая из моих проблем, но скоро придется платить по счетам, а денег у меня кот наплакал. В Андрюшины финансы я никогда не лезла, но в любом случае его деньги - это ЕГО деньги, мне же придется «туго».

Не говоря уже о том, что теперь придется искать новую работу. Или нет? Судьба конторы до сего момента меня совершенно не заботила. Оно и понятно, но сейчас самое время подумать об этом. Креольский почил в бозе, и, следовательно, место нотариуса оказалось вакантным. То есть теперь его вполне может занять Андрейка, а это означает... Это означает, что у меня был еще один мотив убить шефа! Во всяком случае, с точки зрения следствия. Почувствовав холодные капли пота на лбу, я потянулась за лежащими на столе бумажными платками, оставленными добрым полицейским. И тут мой взгляд вновь упал на злосчастный календарь. Вот ведь! Да что же это такое! Прав был покойный шеф - никчемный я человек, даже такую простую задачу, как забрать календарь, и то решить не могу.

Как же быть? Второй Креольский явно не собирался покидать кабинет. Кто знает, что именно привело его в офис в столь поздний час, но вряд ли стоит рассчитывать на то, что он меня здесь оставит. Надо было все же придумать какую-то иную причину моего визита сюда. Сказала бы, что жажду поработать с документами или... помедитировать в ночной тишине. Но теперь уже поздно махать кулаками - драка явно закончена. Дело сделано. Вернее, снова не сделано.

- Вас проводить? - как будто прочитав мои мысли, поинтересовался Креольский.

- Нет, нет, спасибо. Если позволите, я еще побуду. Вещи кое-какие заберу, а то, знаете, неизвестно, когда вновь удастся сюда попасть.

- Думаю, - свет фонаря скользнул по стене, подсветив висевшие на ней часы, - очень скоро. Я планировал собрать всех завтра... Вернее, уже сегодня. Необходимо решить судьбу конторы, а также выяснить кое-какие вопросы.

Надо же, а Креольский времени даром не теряет. По всему видно - деловой человек. Я знала, что отношения шефа с братом нельзя назвать очень теплыми, но чтобы настолько... Не о том, снова не о том думаешь, Алтуфьева. Какое тебе до этого дело? Займись-ка лучше своими проблемами.

- Эээээ, что ж, тогда встретимся позже? - спросила я, по-прежнему не двигаясь с места.

- Да, да, конечно, разрешите, подсветить вам дорогу, здесь все-таки очень темно, - галантно предложил мой неожиданный визави. Еще одно отличие от брата. Тот в подобных обстоятельствах вполне спокойно предоставил бы мне возможность расквасить нос в потемках. Как бы то ни было, но это свойство второго Креольского в конечном итоге сыграло мне на руку, так как в тот момент, когда он отвернулся, освещая путь, я успела поменять календари на наших с Марьей столах. Жаль, конечно, что не удалось вырвать листок со злополучной записью, но, по крайней мере, теперь мне не грозит разоблачение со стороны соседки по кабинету. Возможно, завтра мне наконец-то удастся улучшить момент и уничтожить улику. Если, конечно, на Землю не нападут пришельцы или не упадет огромный астероид. После прошедшего дня и текущей ночи меня подобное развитие событий ничуть бы не удивило.

Глава десятая

Отпускайте идиотов и клоунов из своей жизни.

Цирк должен гастролировать!

Ф. Раневская

Вот уже второй час я сидела на кухне, уставившись на белое полотно лежащего передо мной листа. По дороге домой из офиса мне пришла идея систематизировать хаотичные мысли, вихрем носившиеся в голове. Почему-то я была уверена, что это поможет, если не в поиске выхода из ситуации, то хотя бы в обретении относительного покоя. И вот теперь выяснилось: я даже не знаю, с чего начать. В очередной раз взяв ручку и поднеся ее к бумаге, я снова вздохнула и положила ее. Так, пожалуй, мне нужна передышка.

Налив воду в турку, поставила ту на огонь. Рассеянно глядя на безмятежную пока еще гладь, размышляла о том, что вот так же и моя жизнь из спокойной и размеренной неожиданно превратилась в кипяще-бурлящую. Насыпала в емкость кофе, старательно размешала, дождалась, пока появится пенка, и сняла турку с огня. Восхитительный аромат проник в ноздри, раздражил вкусовые рецепторы. Те послали сигнал мозгу, и рот тут же наполнился слюной.

- О, ты уже встала? И кофе сварила. - От неожиданности я едва не подпрыгнула на месте, лишь чудом не уронив чашку и не расплескав горячий напиток.

Обернувшись, увидела Андрейку. Он стоял передо мной как есть, во всей своей неприглядной красе - в нелепых боксерах с изображением ушастых зайцев, символизирующих знаменитую на весь мир торговую марку, и белой майке, которая была так к лицу Брюсу Уиллису в «Крепком орешке» и совсем не подходила моему возлюбленному.

Интересно, он будет ждать меня из тюрьмы? - вопрос возник в голове неожиданно, что называется, из ниоткуда. Так же стремительно отыскался и ответ на него.

- Извини, Андрей, но я думала, ты спишь, поэтому кофе сварила только себе.

Андрейка уж было хотел что-то возразить, но, встретившись со мной взглядом, благоразумно решил промолчать.

- Соня, - проникновенным голосом произнес он, взяв меня за руку. - Я хочу, чтобы ты знала...

Я понимаю, каково тебе сейчас, и я... В общем... Я ни в чем тебя не обвиняю. Я все понимаю – Креольский был деспотом и тираном, и тебе от него доставалось особенно...

Надо же! Шефу пришлось умереть, чтобы мой возлюбленный наконец-то понял, что тот собой представляет. До этого мне не разрешалось жаловаться на нашего благодетеля. Даже когда тот был особенно невыносим, Андрей всегда находил возможность найти оправдание его поведению. И вот теперь вдруг выясняется, что он все про него понимал и знал. Удивленно внимая проникновенной речи Андрейки, я безуспешно пыталась понять, куда клонит мой возлюбленный, не в силах поверить в очевидное.

– Соня, просто я, как юрист... Весьма, кстати, неплохой, – как всегда, Андрей не упустил случай похвалить себя, – я советую тебе во всем признаться. Соня, если это ты... В общем, ты же знаешь, чистосердечное признание смягчает наказание. Обещаю, что лично буду защищать тебя на суде. Нам наверняка удастся доказать преступление в состоянии аффекта. А это уже совсем другая статья. На условный срок, конечно, рассчитывать не приходится, но при хорошем раскладе и примерном поведении ты будешь на свободе уже года через три. Максимум через пять! Но все это при условии, что ты во всем признаешься и согласишься сотрудничать со следствием. Иначе тебя ждет куда более суровое наказание. Ты же тоже юрист, Соня! Должна это понимать!

Наверное, мне следовало возмутиться. Или разрыдаться. Или вцепиться Андрею в волосы. Или расцарапать ему лицо. Или совершить какой-то иной отчаянный поступок. Но ничего такого я не сделала. Просто потому, что все происходящее меня отнюдь не удивило. Мужчина, с которым я прожила бок о бок целый год, никогда меня не знал и не понимал. И, как я это почувствовала теперь совершенно отчетливо, не любил.

Стоило ли удивляться тому, что он так легко признал меня виновной и даже приговорил и назначил наказание? Отнюдь.

Гробовое молчание воцарилось на кухне. Методично помешивая ложкой успевший остыть кофе, я размышляла о том, что теперь ко всем моим проблемам прибавилась еще и необходимость искать себе угол. На первых порах проживу у Маринки, а там будет видно. Надо только посмотреть во врученном судом постановлении, можно ли мне менять место жительства в пределах города. Насколько я помню – подписка не запрещает передвижение по одному населенному пункту.

– Послушай, Андрей, нам нужно собираться в офис. Давай поговорим об этом после, – наконец решила я нарушить тишину. Смесь обиды и удивления отразилась на лице парня. Конечно, он не привык к подобному обращению, но что делать – все когда-то бывает впервые.

– Соня, милая, о чем ты? Какая работа? Ты понимаешь, что тебе грозит?

Вместо ответа я ограничилась пожатием плеч. А затем и вовсе встала и покинула кухню.

– Ты со мной? – крикнула из комнаты, натягивая джинсы.

– Да, да, я все понимаю, – Андрей появился в комнате и принялся поспешно одеваться. – Посттравматический синдром и все такое. Это пройдет. Конечно, пройдет. Ты только не волнуйся, ладно? Все будет хорошо!

Ага, конечно, каких-то пять лет тюрьмы, если повезет, и на свободу с чистой совестью. И чего беспокоиться?

Когда мне было 20 лет, я думала только о любви. Теперь же я люблю только думать.

Ф. Раневская

- Удивительное сходство с шефом, - хотя мы и находились в кабинете одни, Марья почему-то говорила шепотом.

Мы прибыли в офис полчаса назад, но я все еще не видела второго Креольского. Тот заперся в кабинете брата и по очереди вызывал сотрудников для беседы. У него уже побывала Марья, а теперь он разговаривал с Андреем. Моя очередь еще не подошла.

Маше, которая вчера пропустила все самое интересное, теперь не терпелось поболтать. В общем-то, не мне ее за это осуждать. Поменяйся мы с ней местами, я бы наверняка не отказала себе в удовольствии обсудить все подробности, но сейчас меня куда больше волновало другое. Дело в том, что злополучный листок, надпись на котором свидетельствовала о моем явном намерении расправиться с шефом, куда-то исчез! Как говорится, мало было проблем.

Щелкнула кнопка электрического чайника, возвещая, что вода в нем достигла критической температуры. Марья вскочила и принялась заваривать чай, не замолкая при этом ни на минуту, тем самым лишая меня возможности обдумать происходящее.

- Представляешь, они похожи, как близнецы.

- Так они и есть близнецы, - уточнила я машинально.

- Ах, ну да, - Марья, кажется, совсем не замечала моей рассеянности, хотя я всем своим видом демонстрировала явное нежелание участвовать в беседе. - А ты откуда знаешь? Хотя не важно! Важно то, что брат шефа куда приятнее его самого. Ну, не внешне, в смысле. Просто он такой обходительный и учтивый, и... - Уловив знакомые нотки в голосе коллеги, я взглянула на нее с удивлением.

В такие минуты, а они случались довольно часто, Маша была особенно хороша. Этот блеск в глазах и естественный румянец ей чрезвычайно шли. Природа щедро наградила Марию и ростом, и статью, и привлекательной внешностью. Даже удивительно, как с таким «богатством» ей удавалось терпеть одну любовную неудачу за другой. На любовном фронте Марье паталогически не везло. И ведь не сказать, чтобы она предъявляла завышенные требования к своим избранникам. От тех всего-то требовалось быть успешными и богатыми. Все остальное значения не имело. При этом от поклонников, обладающих подобными характеристиками, у Маши всегда не было отбоя, вот только под венец нашу красавицу никто из них вести не торопился.

Хорошо еще, что, обладая легким нравом, девушка быстро отходила от любовных неудач - стоило на горизонте замаячить мало-мальски подходящей замене, как наша Маша сразу забывала объект былой страсти и снова оказывалась «в строю». Так было и в этот раз. Всего пару дней назад шеф отправил мою коллегу домой «зализывать душевные раны», а она уже наметила себе новую жертву для обольщения. Способность к регенерации у нее как у ящерицы - на месте отвалившегося «хвоста» всегда вырастает новый.

Хотя сейчас душевное состояние коллеги меня волновало менее всего. Тут бы со своим

разобраться. А оно было совсем не «ах». Особенно теперь, когда я обнаружила пропажу записи, способной в мгновение ока упрятать меня в тюрьму на долгие годы. Теперь «картинка», нарисованная Андреем, не казалась такой уж мрачной – как известно, убийство в состоянии аффекта куда лучше хладнокровного. А если в руках следствия окажется запись, свидетельствующая о тщательном планировании мною совершенного преступления, внезапное возникновение сильного душевного волнения доказать вряд ли удастся.

Да уж, влипла ты, Алтуфьева, по самую маковку!

- Соня, – голос Андрейки вывел меня из задумчивого небытия, – тебя к шефу вызывают. – И, заметив мой недоуменный взгляд, молодой человек тут же поправился:

- В смысле, к Олегу Павловичу.

Похоже, удивительными регенерирующими способностями в нашем офисе обладает не только Мария. Андрей достаточно быстро оправился от смерти «любимого» начальника и уже готов присягнуть на верность новому. Что ж, не скажу, что меня это сильно удивляет.

- Можно? – Креольский номер два даже не удостоил меня взглядом, лишь коротко кивнул, выдавая высочайшее разрешение войти в кабинет. Закрыв дверь, я нерешительно топталась у двери, так как шеф всегда держал меня на пороге. Кто знает, вдруг это у них семейное?!

Не знаю, сколько прошло времени. Уверена – не более нескольких минут, но мне они показались часами, так неловко я себя чувствовала, торча столбом у двери. Снять напряжение мог бы новоиспеченный шеф, но он не торопился с этим, продолжая делать пометки в планшете. Наконец он отложил электронного помощника в сторону и поднял на меня глаза.

- Что вы там стоите? – поинтересовался он довольно резким, как мне показалось, тоном. – Я не кусаюсь, так что можете смело подойти ближе, тем более что разговор нам с вами предстоит долгий.

Я торопливо подошла к столу и аккуратно присела на самый краешек кресла для гостей. Креольский усмехнулся, но промолчал.

- Софья... – произнес он и, заглянув в лежащий перед ним список сотрудников, добавил: – Семеновна. Так как мы с вами, ээээ... в некотором роде уже знакомы, позвольте без лишних околичностей перейти прямо к делу.

Я кивнула в ответ. Молчание, как известно, – золото, в обстоятельствах же, когда все сказанное может быть использовано против тебя, ценность его и вовсе нельзя измерить.

Не дождавшись словесного подтверждения моего согласия, Креольский номер два продолжил:

- Мы с Юрой... – мужчина запнулся, и я с удивлением увидела, что он пытается справиться с охватившим его волнением. Надо же! Так странно видеть шефа в таком состоянии! Конечно, я понимала, что сидевший передо мной человек вовсе не мой начальник, но, учитывая поразительное внешнее сходство, отделаться от ощущения, что я беседую с Креольским Ю. П., никак не удавалось.

Наконец мужчине удалось совладать с эмоциями, и он продолжил довольно спокойно:

- Наши с братом пути разошлись довольно давно. Не хотелось бы вдаваться в подробности, скажу только, что мы не общались очень долго. Когда Юра решил открыть нотариальную

контору, мы уже были с ним в ссоре, но я все равно счел своим долгом помочь ему, купив этот офис, – в этом месте Креольский повел рукой вокруг себя. – Да вы и сами, наверное, это знаете.

Я кивнула, вновь не проронив ни звука. Шеф никогда не упоминал, что контора ему не принадлежит, и вообще всегда вел себя в ней, словно полноправный хозяин, но истинное положение дел было хорошо известно всем и каждому. По большому счету, семейные проблемы начальника никогда не волновали меня прежде, и смерть Креольского номер один на это не повлияла. Так что пока я ничего интересного лично для себя в нашей беседе не находила. Да и вообще, из головы все не шел злополучный листок. Его судьба интересовала меня куда больше непростых взаимоотношений братьев Креольских. При всем моем к ним уважении.

Как будто угадав, о чем я думаю, а возможно, прочитав их на моем лице – я никогда не умела скрывать свои эмоции, Олег Павлович неожиданно сменил тон на холодно-деловой и наконец-то перешел к делу.

– Софья Семеновна, у меня к вам деловое предложение, – произнес мужчина и добавил без лишних околичностей: – Вы поможете мне найти убийцу моего брата, а я отдаю вам эту контору.

Ничего себе, поворот событий! Ожидая от этой встречи чего угодно, но никак не этого, я, хоть и не могла видеть себя со стороны, подозревала, что сильно смахивала на выброшенную на берег рыбу. Выпучив глаза и глотая ртом воздух, пыталась унять беспорядочный рой мыслей, поймав среди них ту, которая поможет мне разобраться в происходящем. Что это? Шутка? Какой-то странный розыгрыш? Развод? Афера или мошенничество? Все варианты выглядели весьма сомнительно, но всяко лучше предложения сидящего передо мной мужчины.

– Не поняла, – наконец выдавила я из себя.

– Что тут непонятного? По-моему, все предельно просто: вы помогаете мне разобраться в происходящем, а я отдаю в ваше распоряжение все это, – Креольский вновь обвел рукой вокруг себя.

– Олег Павлович, – растягивая слова и тщательно подбирая каждое выражение, ответила я, – вряд ли в офисе кто-то более меня заинтересован в том, чтобы истинный убийца наконец-то был найден. Вам, наверное, не известно, но в этом деле по счастливому, в кавычках, стечению обстоятельств именно я являюсь подозреваемым номер один.

– Уже нет, – возразил Креольский, продолжая пристально меня рассматривать, от чего мне все больше становилось не по себе. Смею себе напомнить вам в который раз, что мой собеседник словно две капли воды похож на человека, попившего немало моей крови и, хотя вполне возможно, сходство и ограничивалось исключительно внешне, доверять этому человеку у меня не имелось никаких оснований.

– Подождите, – мне наконец пришло в голову задать вполне закономерный вопрос, – вы что-то знаете?

– Конечно, а вы разве нет? – удивленно поинтересовался Креольский. – Да уж, вот ведь дела. В общем, вчера стало известно обстоятельство, указывающее на то, что убийство моего брата могло быть совершено третьим лицом. И хотя следствием до конца с вас и не сняты подозрения, я склонен думать, что вы как раз тут совершенно ни при чем.

Сев, а вернее, упав в кресло для посетителей, в буквальном смысле слова не чувствуя

под собой ног, я удивленно смотрела на собеседника, всем своим существом обратившись в слух, справедливо рассчитывая на продолжение. Но тот, видимо, решил поиграть в «молчанку», продолжая задумчиво меня рассматривать.

«Ах так, господин Креольский! Что ж, тогда и я не стану обсуждать с вами детали какого-то сотрудничества».

- До тех пор, пока вы не расскажете о тех самых таинственных обстоятельствах, о которых хорошо известно всем, кроме меня, дальнейшие переговоры не состоятся, - озвучив свои мысли, я скрестила руки на груди и поджала губы.

Конечно, это был чистой воды блеф. Даже представить себе не могу, каким образом я могу помочь в поимке убийцы, но, если этот субъект по неведомым мне причинам полагает, будто мне это под силу, разубеждать его не стану. Во всяком случае, пока не выясню, что именно ему известно.

Креольский в ответ на мой выпад лишь усмехнулся и жестом фокусника, извлекающего из цилиндра кролика, достал из кармана какой-то листок и помахал им в воздухе. Одного взгляда на прямоугольник бумаги оказалось достаточно, чтобы мое сердце отчаянно забухало в пятках. Конечно, это оказалось злополучное свидетельство моего намерения убить шефа. Видимо, мои манипуляции с ежедневниками все-таки не укрылись от Креольского. Как всегда, винить в происходящем мне приходилось только себя!

- Скажите, Софья Семеновна, это вы написали? - тоном прокурора, зачитывающего обвинение подозреваемому, произнес Олег Павлович.

Решив вспомнить о данном мною обете молчания, я замотала головой, лихорадочно соображая, чем мне все это грозит и как найти выход из сложившейся ситуации.

Так и не дождавшись ответа, Креольский вздохнул и произнес устало:

- Вы, вы, кто же еще. Ежедневник-то точно ваш. Конечно, я мог бы использовать эту улику для того, чтобы принудить вас к сотрудничеству, но не стану. - С этими словами мужчина взял лежащую на столе зажигалку и поджег злополучный листок.

Языки пламени проложили ровную дорожку прямо посередине листа, разделив его надвое, и коснулись пальцев Креольского. Чертыхнувшись, тот бросил бумагу в стоящую на столе пепельницу. Наблюдая, как догорает важная улика, я пыталась сообразить, что за игру затеял этот субъект. В то, что разыгранное на моих глазах огненное шоу было актом грандиозного спектакля, сомневаться не приходилось. Как-то слабо верилось в бескорыстие человека по фамилии Креольский. Может, меня и не назовешь объективной, но тот, кому «посчастливилось» знать шефа, вряд ли осудит меня за это.

- В чем подвох? - поинтересовалась я, скрестив на груди руки, чтобы скрыть дрожь в пальцах.

- Ни в чем, - собеседник устало откинулся на спинку кресла и посмотрел мне прямо в глаза. От этого взгляда моя кожа покрылась мурашками - отделаться от ощущения, что передо мной воскресший из мертвых начальник, никак не удавалось. - Видите ли, несмотря на наши с братом разногласия, а возможно, именно из-за них, я во что бы то ни стало должен найти убийцу. Сам. Если хотите, это мой долг перед покойным. При этом я исключил вас из числа подозреваемых. Даже несмотря на это, - мужчина указал взглядом на горстку пепла, причудливым узором украсившую хрусталь. - Кроме того, полиция установила, что по крайней мере еще у одного человека, кроме вас, имелась возможность совершить убийство.

- Что?! - на этот раз я не сдержалась и дала волю эмоциям. - Как это? Что вы имеете в виду, и почему никто не сообщил мне об этом небольшом «пустячке», ничего не значащей «детали»?

Креольский номер два пожал плечами:

- Если вы не станете меня перебивать и дослушаете до конца, то сможете познакомиться и с этим «пустячком», и со всеми другими, которые мне известны по этому делу.

Решив последовать этой рекомендации и напомнив себе об обете молчания, данном ранее, я плотно сжала челюсти, запечатав их сургучом. И весьма своевременно, кстати, ибо рассказ Креольского оказался крайне интересным. Оказывается, в тот момент, когда судья готовился вынести решение о заключении меня под стражу как наиболее вероятного убийцу шефа, эксперт, изучив записи с камеры наблюдения, обнаружил интересную деталь: количество вошедших утром в офис людей и покинувших его позднее не совпало. Выходило, что кто-то находился в конторе в тот момент, когда Андрейка обнаружил труп. И этот таинственный «некто», смешавшись с толпой, ретировался еще до приезда стражей порядка. Более того! Человек совершенно точно знал о камере и месте ее расположения и явно не жаждал стать звездой экрана, предусмотрительно отвернулся от «всевидящего ока». И самое главное (барабанная дробь), в руках некто нес пакет, в котором вполне могли уместиться несколько нотариальных дел. Качество записи на нашей камере всегда оставляло желать лучшего (знал бы шеф, что все так обернется, не стал бы экономить на видеоаппаратуре), что, безусловно, сыграло на руку предполагаемому убийце. «Предполагаемому», так как следствие по-прежнему не исключило из числа подозреваемых мою скромную персону, хотя наличие «конкурента» и основательно испортило выстроенную им версию.

В общем, полицейский эксперт сейчас пытается «вытянуть» из записи все возможное, но, по мнению рассказчика, это путь в никуда. Одно очевидно - причину нужно искать в делах фирмы, ведь не случайно из офиса пропали многие документы, а сеть так своевременно сгубил неизвестный вирус. Вот почему господину Креольскому (номер два) так нужна моя помощь, ведь, по словам прочих служащих, никто другой не был осведомлен о делах шефа лучше меня.

В этом месте я все-таки решила нарушить обет молчания, чтобы заметить:

- Мне, безусловно, очень льстит столь высокая оценка моей деятельности со стороны коллег, но, боюсь, они заблуждаются. Креольский... - я запнулась, быстро взглянув на сидящего передо мной мужчину, - в общем, Юрий Павлович не раз упоминал о том, что его правой рукой и наиболее вероятным преемником является Андрияша... То есть Андрей Петрович Спиридонов. Тем более что он уже и экзамен сдал и лицензию получил.

На собеседника мои слова не произвели ровным счетом никакого впечатления. Во всяком случае, вдохновленным он не выглядел. Поморщившись, он пояснил свою позицию:

- Мне совершенно все равно, что там говорил мой брат и что думает о себе ваш парень. - В этом месте собеседник вновь пристально посмотрел мне в глаза. - Я ведь прав, Спиридонов что-то вроде вашего жениха?

Конечно, меня покорило это «что-то вроде», но вдаваться в подробности было не место и не время, поэтому я предпочла ограничиться коротким кивком.

- Так вот, - спокойно продолжил ближайший родственник шефа, - я прекрасно разбираюсь в людях и кое-что смыслю в бизнесе, поэтому мне отлично известно, что есть руководители, а есть «рабочие лошадки». Поэтому, когда мне нужна достоверная информация о том или ином деле, я всегда предпочитаю иметь дело с последними.

Дожили. Теперь меня еще и с лошадкой сравнивают. Креольский номер один, конечно, был редкостным гадом, но даже он никогда не позволял себе ничего подобного.

Словно прочитав мои мысли, мужчина пояснил:

- Соня, вас не должны обижать мои слова. Напротив, расценивайте их как комплимент. Тем более что я ведь прошу вас мне помочь отнюдь не безвозмездно. Еще раз напоминаю – в ответ на сотрудничество я отдам вам эту контору.

- И что я буду с ней делать?

Креольский пожал плечами:

- А что хотите. Можете подарить своему жениху, он ведь спит и видит занять место моего брата, что, кстати, делает его наиболее вероятным кандидатом на роль убийцы, а можете и сами стать нотариусом.

- Я?!!

- А почему вы так удивляетесь? Высшее юридическое образование и стаж работы в нотариальной конторе позволяют вам на это претендовать, а моя помощь – рассчитывать на благоприятный исход дела.

Да уж! Что-то в последнее время судьба «радует» меня невероятными кульбитами. Из потенциальной заключенной так быстро превратиться в возможную владелицу нотариальной конторы... Интересно, что меня ждет завтра? Пожизненный срок или министерское кресло? Не удивлюсь ни тому, ни другому варианту.

- Хорошо, допустим, я скажу, что меня заинтересовало ваше предложение. Но разве я могу чем-то помочь?

- Можете, и гораздо больше, чем полагаете. – Креольский тронул пальцем одну из чаш весов правосудия, которые держала в руках Фемида. Сколько себя помню, эта статуэтка всегда стояла на столе у шефа, но я представления не имела, что весы двигаются. Словно замороженная, следила я за раскачивающимися чашами. Дождавшись, пока они снова обретут равновесие, мужчина продолжил: – Мне хорошо известно, что делопроизводством в конторе занимались именно вы.

- Да, и делала это в строгом соответствии с законом. Спросите...

- Стоп, стоп, стоп! Софья Семеновна, – Креольский поднял вверх руки, демонстрируя миролюбивый настрой, – я ни в чем вас не обвиняю. Просто констатирую очевидный факт. Более того! Я уверен, что вы все делали правильно. Меня сейчас другое интересует. Какие именно документы пропали?

- Не знаю. Я все дела на память не помню.

- А жаль. Нам бы сейчас это очень пригодилось. Я ознакомился с материалами дела и знаю, что вы заявили об исчезновении трех папок, а также журналов входящей и исходящей корреспонденции. Это все?

- Не знаю, возможно, украли еще что-то, следовательно очень быстро взял меня в оборот, так что на детальное изучение времени не было. Но навскидку вроде бы все, – кивнув головой

в сторону шкафа за спиной Креольского, я добавила: – Все папки были пронумерованы, так что обнаружить пропажу оказалось нетрудно. Исчезли дела номер двадцать три, двадцать пять и сорок семь.

– Понятно, – Креольский слегка покачался в кресле и добавил задумчиво: – Скажите, а что будет с остальными документами?

Я пожала плечами:

– В течение двух месяцев их передадут другому нотариусу, назначенному специальной комиссией.

– А может так оказаться, что им окажется ваш жених?

Вновь неопределенное пожатие плеч:

– Формально нет, ведь Андрей не является нотариусом, хотя и имеет соответствующую лицензию. Но, если он подсуется... Должность-то вакантна.

– А почему, кстати, это так важно? Почему ваш... хм... жених раньше не мог стать нотариусом?

– Потому что количество этих специалистов в одном районе строго ограничено. В каждом нотариальном округе их число не должно превышать установленное. Это юридическую фирму может открыть любой желающий, в нашем деле все иначе.

– Понятно, – Креольский посмотрел мне прямо в глаза и задал вопрос, который в данных обстоятельствах напрашивался сам собой: – Иными словами, у вашего жениха имелся вполне очевидный мотив убить моего брата?

– Мотив был, а вот с возможностями дела обстоят значительно хуже, – спокойно парировала я. – Андрей все время находился рядом со мной и просто не мог... Если только вы не думаете, что мы действовали сообща. Когда же мы с ним покидали офис, шеф был еще жив.

– Уверены? Уходя из конторы, вы попрощались с... – Креольский помедлил, по всей видимости, справляясь с охватившим его душевным волнением, – с Юрой?

– Нет, но...

– Так я и думал. Откуда тогда такая уверенность, что мой брат был все еще жив? Смотрите, как все удачно складывается: вы со Спиридоновым уходите из офиса, а затем он отправляет вас назад, якобы забыв ключи. Теперь вы оказываетесь подозреваемой номер один, в то время как он и вовсе ни при чем.

– Да, но я ведь слышала, как Андрей попрощался с шефом.

– Припомните, что именно вы слышали. Это очень важно.

Я задумалась, восстанавливая в памяти события злополучного вечера.

– Мы собрались уходить с Андреем. Он зашел в кабинет Юрия Павловича и громко пожелал ему доброго вечера, сказал, что, если что-то понадобится, он на связи, и... все.

– А что на это ответил Юра?

Я задумалась, пытаюсь как можно точнее восстановить в памяти картинку тогдашнего вечера.

- Ничего, но это нормально, - наконец произнесла я. - Шеф говорил с нами исключительно по делу. Подозреваю, что в тот раз он, как всегда, отделался коротким кивком.

- Возможно, - растягивая слова, ответил мужчина, - а может, мой брат к тому моменту был попросту мертв.

- Нет, - я отчаянно замотала головой, - нет, - добавила твердо и уверенно, - этого не может быть! Я не верю! - Версия, выдвинутая Креольским, потрясла меня своей очевидностью и невероятностью одновременно.

- Почему? Потому что Спиридонов ваш жених?

Я снова отрицательно замотала головой:

- Это не Андрей! Постойте, ведь есть же еще данные экспертизы. Когда был убит шеф?.. Простите, ваш брат.

- Увы, но криминалистическая наука позволяет установить лишь приблизительное время смерти, и ваше присутствие в конторе как раз укладывается в этот промежуток. Юру могли убить как до того, как вы ушли, так и сразу после. Так что...

Полученная информация требовала осмысления. Слишком все это было... Правдоподобно. Но это значит... Нет, даже думать об этом не хочу. Не хочу и не буду.

Тут на меня снизошло озарение.

- Да, но как быть с компьютерами? Когда мы уходили, они еще работали, а утром уже вышли из строя. И куда делись папки? Кроме того, вы сами говорили, что в офисе был таинственный некто, который очень не хотел стать «звездой экрана».

На этот раз плечами пожал Креольский:

- Запустить в систему вирус с «отложенным стартом» труда не составляет. Ваш жених вполне мог подложить бомбу замедленного действия. Кроме того, я ведь не утверждаю, что он действовал в одиночку. Возможно, у него был сообщник - тот, кто ушел отсюда утром, прихватив несколько папок.

- Нет, не может быть. Это не Андрей, - снова произнесла я твердо. - Ищите убийцу в другом месте.

- Софья Семеновна, - в отличие от моего, голос Креольского был мягок, если не сказать, даже нежен. - Позвольте вам заметить, вы необъективны.

- Да нет, - привычным движением я заправила за ухо упрямую прядь, выбившуюся из «конского хвоста», в который я собрала волосы еще утром, - дело вовсе не в этом. Как бы вам это объяснить... Понимаете, Андрей не может быть убийцей. Не в том смысле, что он и мухи не обидит. Как раз наоборот. Просто он слишком прагматичен, чтобы так подставляться. Должность нотариуса, конечно, весьма прибыльна, но не настолько. Это раньше, когда нотариат заверял сделки с недвижимостью... Сегодня же мы в основном имеем дело с бабушками-старушками. Ну, еще предприятия подкидывают кое-какие деньги, но чтобы из-за этого убивать...

- Я понял вашу мысль, Соня, - на этот раз в голосе Креольского сквозило раздражение. - Вспомните, а может, мой брат поссорился с вашим парнем?

- Да что вы! Совершенно исключено! Чтобы Андрей с шефом... - Я рассмеялась. - Вы просто не знаете, о чем говорите. Его лояльность по отношению к начальнику граничила с фанатизмом. Так что нет. Это невозможно.

Креольский задумался. Решив воспользоваться этой паузой, чтобы привести в порядок мысли и чувства, я принялась отматывать воспоминания назад - в те счастливые времена, когда самой большой своей проблемой считала постоянные конфликты с шефом.

Помню, как однажды он заставил меня ночью (!) составлять договор, который в итоге понадобился ему лишь через неделю. В другой раз он сам испортил доверенность, а всех собак спустил на меня. В результате мне пришлось брать работу на дом. А еще... Да-а-а, счастливые были времена. Я мечтательно устала на место, еще совсем недавно занимаемое начальником. Разумеется, там теперь стояло совсем другое кресло - старое же полиция приобщила к делу в качестве улики. Интересно, зачем оно им? Представляю, у них, наверное, целый склад вещдоков, на котором, словно в сокровищнице Али-Бабы... Настойчивая мысль стучалась в мои размышления, стараясь привлечь к себе внимание. «Э-э-эй, - будто кричала она. - Ты явно упускаешь что-то из виду!» Но что? Я отмотала пленку событий назад, ровно до того места, где... Ну, конечно! Вот же я балда!

- Послушайте! - воскликнула я, пожалуй, чересчур эмоционально. - Я кое-что вспомнила! Ну, конечно! - Я даже счастливо рассмеялась, но тут же замолчала, наткнувшись на недоуменный взгляд Креольского. - В общем, Креольский, в смысле шеф... В общем, ваш брат... Он... - я запнулась, подбирая слова, опасаясь задеть чувства собеседника. - Короче, он был довольно требователен к работникам. По крайней мере, ко мне. Поэтому мне очень часто приходилось брать работу на дом. И-и-и... - я выдержала театральную паузу для усиления эффекта, который, как я рассчитывала, должны были произвести следующие мои слова. - Столкнувшись пару раз с тем, что некоторых шаблонов в нужный момент не оказывалось под рукой, я просто перекинула содержимое своего рабочего компа на домашний. Правда, сделала я это месяца три назад и с тех пор информацию не обновляла, но, возможно, нам удастся отыскать следы похищенных документов. Ну хоть какие-то зацепки.

О том, что произошло дальше, мне и рассказывать как-то неудобно. Я, конечно, ожидала, что мои слова произведут на Креольского сильное впечатление, но чтобы настолько! Возбужденно вскочив с места, он подбежал ко мне, вытряхнул из кресла и... поцеловал.

- Милая вы моя, - воскликнул он, возбужденно бегая по комнате и совсем не обращая внимания на мой ошарашенный вид. - Что ж вы раньше-то молчали? Это ведь... Это ведь... Такой прорыв в деле!

- Э-э-э, - от такого энтузиазма мне стало как-то не по себе. - Мне бы не хотелось, чтобы вы питали особенные надежды. Это по меньшей мере преждевременно. Шеф очень часто ездил на выезды один и далеко не всегда посвящал меня в свои дела. Так что может оказаться, что в моих документах и нет ничего стоящего. А если это и не так - не представляю даже, как можно соотносить деятельность конторы с убийством вашего брата. Может, стоит поискать в другом месте? Личные мотивы, к примеру.

Креольский перестал скакать антилопой по кабинету и остановился прямо напротив меня. После его встряски я так и не села в кресло, и теперь мы стояли друг против друга, словно ковбои на поединке. В моей голове зазвучала музыка в стиле кантри. Наконец мой противник

расчехлил свой револьвер и выстрелил, пригвоздив меня к месту:

- Позвольте мне решать, где и как искать мотивы убийства моего брата. – В этот момент мужчина поразительно напоминал своего родственника. И речь, как вы понимаете, отнюдь не о внешнем сходстве. А я-то, дура, надеялась на возможность общения на равных.

- Хорошо. Простите, что перешла черту, – надеюсь, мои извинения прозвучали искренне.

- Принимается, – холодно бросил Креольский.

- Я свободна?

- Пока да. Ждите в своем кабинете, я скоро освобожусь, и мы вместе поедem к вам домой.

Глава двенадцатая

Я не умею выражать сильных чувств, хотя могу сильно выражаться...

Ф. Раневская

Потрясающий кофейный аромат заставил меня забыть обо всем на свете. Убийство шефа, выдвинутые и до сих пор не снятые с меня обвинения, Андрей в роли подозреваемого – все это отошло на второй план. В данную минуту я могла думать только об одном – о кофе. Восхитительный, бодрящий, благородный напиток, сваренный к тому же весьма искусно. Как оказалось, брат шефа знал толк в таких вещах и, несмотря на наличие в квартире дорогого, как я подозреваю, кофейного аппарата, приготовил «алхимический» напиток в турке. При этом процесс приготовления напомнил мне ритуальное действие южноамериканских шаманов, которое я однажды случайно наблюдала по ТВ. Так же, как и они, Креольский номер два колдовал над чашкой с какими-то травками, веточками и палочками. Что уж он там добавлял в мой кофе, не знаю, но результат в итоге превзошел все мои ожидания.

Сидя на барном стуле, я глотала обжигающий напиток, болтая ногой, обутой в пушистую тапочку. Давненько мне не было так уютно и комфортно. В квартиру Креольского мы приехали сразу после того, как забрали мой ноутбук. Как объяснил мне недавно обретенный начальник, я не питала иллюзий относительно нашего якобы партнерства, будет куда удобнее заняться изучением содержимого компьютера вдали от посторонних глаз. Я, собственно, не возражала, так как и сама мечтала поскорее смыться из квартиры, которая неожиданно перестала быть моим домом. Разумеется, само жилище было совершенно ни при чем. Все дело в ее обитателе, но сейчас думать об этом совсем не хотелось. У меня еще будет время разобраться со своими чувствами к Андрею, пока же есть задачи и поважнее.

Еще раньше Креольский где-то раздобыл список оставшихся дел, и теперь мы сверяли его с записями моего компьютера. Так нам удалось установить, какие именно папки были похищены. Удача явно сопутствовала мне в тот день. Оказалось, что все три украденных дела были заведены больше трех месяцев назад и, соответственно, сохранились в электронном журнале.

Мы выяснили, что вор прихватил с собой наследственные дела Макарова и Питерского, а также брачный контракт Татарского.

Первые два объединяло наличие завещания, которые оформлял шеф. Он же принимал заявления наследников. Ничего сложного и спорного – никаких разногласий. Жил человек,

высказал последнюю волю и через какое-то время умер. Олег Креольский, правда, предположил, что причина именно в этом – уж больно скоропостижными оказались смерти Питерского и Макарова – буквально через пару месяцев после оформления завещания, но лично я ничего странного и подозрительного в этом не узрела. Особенность национального менталитета. Наш человек вспоминает о завещании, если вообще вспоминает, исключительно на смертном одре. Уверена, эти случаи не исключение – наверняка врачи сообщили Дмитрию Ивановичу Макарову и Владимиру Степановичу Питерскому о скорой кончине, вот и инициировали те встречу с Юрием Павловичем Креольским.

Дела, к слову, оказались весьма похожи. Будучи отцами семейства, оба, умирая, оставили свою долю в принадлежащей им на двоих с супругой квартире единственному ребенку, в обход интересов законной жены. Я лично ничего странного в этом не увидела. Это могло бы стать проблемой, если бы супруга не была матерью наследника. Но тут никаких неожиданностей – жены умерших и их чада были, судя по всему, связаны кровными узами. Исходя из моего опыта, в большинстве подобных случаев женщины, как правило, не возражают против подобных сделок. Престарелые родители, доверяя детям, нередко сразу отписывают свою долю в общем имуществе, дабы оградить вторую половину от мытарств, связанных с вступлением в наследство.

Разумеется, все это следовало проверить, вдруг на поверку мать и ребенок жили как кошка с собакой, но чем больше я изучала материалы, тем больше убеждалась, что документы выкрали для отвода глаз, в то время как мотив убийства нужно искать в другом месте.

Но если здесь еще можно было найти хоть какие-то подозрительные аспекты, то кража брачного контракта и вовсе выглядела бессмысленной. Согласно моим данным, Татарский Владимир Степанович, 1963 года рождения, и Татарская Ангелина Олеговна, 1987 года рождения, заключили соглашение о том, что все принадлежащее супругам имущество, нажитое как до брака, так и после, является их общей собственностью и в случае развода подлежит разделу в равных долях.

Правда, имелась в договоре и одна весьма существенная оговорка: «Сделка расторгается в случае установленного факта совершенной одной из сторон измены». В таком случае каждый остается, что называется, «при своем».

Ознакомившись с договором, Креольский возбужденно забегал по комнате, потирая руки.

- Вот, - воскликнул он. - Вот оно! Чем не мотив! Только подумайте, престарелый супруг, не иначе как в любовном угаре, заключает кабальную для себя сделку. Одумавшись, решает ее расторгнуть и, не находя юридически значимого повода, решает уничтожить документ. Но на пути становится мой брат, и потому приходится его убить.

- Элементарно, Ватсон, - невольно воскликнула я и тут же прикусила язык – Креольский номер два не производил впечатления человека, спокойно относящегося к подобным шуткам. Как ни странно, выпад остался без внимания, – видимо, опьяненный радостью открытия, мужчина решил быть великодушным.

- Можете шутить сколько угодно, но ведь эта версия вполне жизнеспособна, не так ли?

С сомнением покачав головой, я все же сочла благоразумным промолчать.

- Ладно, - проворчал Креольский, - давайте уж, выкладывайте, что там вас смущает.

- Видите ли, - долго упрашивать меня не пришлось, - убив вашего брата, Татарский

не выиграл бы ровным счетом ничего, ведь у каждой из сторон договора имеется свой личный экземпляр. У нотариуса лишь резервная копия, отсутствие которой ни на что не влияет.

- А если Татарский передумал и выкрал экземпляр своей супруги, а затем и моего брата?

- В этом случае его жене остается лишь сообщить о краже документа полиции, которая, таким образом, получает мотив для убийства нотариуса. Да и зачем так усложнять? Ваш брат, вы уж меня простите, никогда не отличался излишней щепетильностью. Пару тысяч баксов, и он сам добровольно уничтожил бы любые документы.

Тень сомнения пробежала по лицу Креольского, но, по всей видимости, этот человек не привык сдаваться легко:

- А что, если Татарский избавился от супруги, и та не может теперь заявить о пропаже брачного договора?

- Тогда зачем красть брачный договор? Извините, конечно, но как-то все это... Знаете, чем дольше я изучаю пропавшие документы, тем больше убеждаюсь в том, что дело совсем не в них. Мне кажется, преступник просто прихватил первые попавшиеся папки, чтобы пустить полицию, а заодно и нас, по ложному следу. Мне кажется, искать нужно в другом месте. Уверены, что нам не нужно присмотреться к подробностям личной жизни вашего брата? Особенно учитывая тот факт, что он, судя по всему, был хорошо знаком с убийцей?

- Почему вы так думаете?

- Ну, - протянула я, - чтобы воткнуть канцелярские ножницы в тело человека, нужно подойти к жертве достаточно близко. Ваш брат даже с нами держал дистанцию, что уж говорить о посторонних. Очевидно, он отлично знал того, кто отправил его в мир иной, раз позволил приблизиться на такое расстояние. Скажите, у вашего брата была возлюбленная?

Лицо Креольского дернулось, глаза моментально потухли, взгляд сделался жестким и колючим. Наблюдая столь стремительную метаморфозу в облике моего собеседника, я гадала, что же могло ее вызвать. Почему этот человек так старательно обходит личную жизнь брата стороной? Какую тайну пытается скрыть? Или это все мое разгулявшееся воображение? И никакого секрета не существует? Что, собственно, мне известно о покойном начальнике? Порывшись в памяти, я попыталась вытащить на свет божий те крупицы информации, которыми владела. Кажется, у шефа была девушка.

Во всяком случае, пару раз я слышала, как он обсуждал с кем-то меню предстоящего ужина. Хотя, возможно, это была его кухарка.

Увы, мое отнюдь не праздное любопытство никто, похоже, удовлетворять не собирался. Вероятно, это семейное - живой Креольский, как и покойный, не планировал пускать меня в «святая святых».

Обиженно засопев, я уставилась в монитор ноутбука. Щелкнув по кнопке мышки, открыла очередной файл с документом. Сколько их было просмотрено за этот день! А сколько еще нужно изучить в надежде, что «всплывет» что-либо интересное.

- Хм, - кажется, я произнесла это вслух.

- Что? - заинтересовался Креольский.

- Ничего особенного, просто какой-то странный документ. Незаконченный. Только «шапка» договора, и все.

- И что это значит? – мужчина снова возбудился, вновь напомнив мне гончую, взявшую след.

- Скорее всего, ничего, – задумчиво проговорила я, – наверное, просто полный экземпляр договора остался на рабочем компе.

Мужчина разочарованно вздохнул:

- Что ж, значит, будем работать с тем, что есть. Во всяком случае, нужно же с чего-то начинать.

- Ага, – ответила я рассеянно, все еще бессмысленно пялясь в монитор. Что-то не давало мне покоя, какая-то мысль вертелась в голове, пытаюсь оформиться в нечто связное. Безуспешно...

Машинально стала просматривать я свойства файла: объем, количество слов, время создания... Стоп! Дата создания! Конечно! Как я могла забыть! Это же было аккурат в мой день рождения! Я как раз торопилась закончить все дела, так как Андрей пригласил меня в ресторан. Такое случалось нечасто, так что все мысли оказались заняты предстоящим походом. Но у шефа, конечно же, имелись свои планы на мой досуг. В последний момент он нагрузил меня этой работой, так что пришлось брать ее на дом. Самое обидное, что потом начальник передумал, позвонил и отменил «заказ». В ресторан мы уже не попали – настрой пропал, а я даже понуть не смогла вдоволь – Андрюша, как всегда, занял сторону своего «господина». По словам моего возлюбленного, выходило, что мне вообще следовало благодарить Креольского за то, что тот удосужился позвонить и освободить меня от поручения. Мог бы, дескать, этого и не делать. Кстати, это правда, но почему-то тогда я посчитала это слабым утешением. Впрочем, как и сейчас. Но отнюдь не это заставило мое сердце биться сильнее. Нет! Было и еще кое-что, о чем мне не терпелось рассказать Креольскому номер два.

- Вспомнила! Точно! Кажется, мы нашли то, что искали! – Я даже не пыталась скрыть охватившее меня волнение. – В общем, это договор купли-продажи квартиры, который ваш брат оформлял по поручению одного хмыря.

- Что за хмырь?

- Серега Сомов.

- И кто такой этот Серега Сомов?

- Официально риелтор, а неофициально... Разные слухи ходят. Говорят, он обрабатывал одиноких и неблагополучных людей... Ну, вы понимаете, о чем я... Одним словом, он специализировался на выкупе квартир у тех, кого легко обмануть. Ходят слухи, будто он отбирает недвижимость за бесценок.

- И вы считаете, что мой брат...

Я пожала плечами:

- Утверждать не берусь. Но в тот день я определенно видела Сомова в нашем офисе. Потом пришел шеф и велел мне оформить купчую на квартиру. Снабдил необходимыми документами и отправил домой, что уже само по себе подозрительно. Велел прислать готовый вариант по электронной почте. Но потом почему-то отменил «заказ». Может быть, что-то пошло не так.

Я не знаю. Больше я Сомова не видела, и не берусь утверждать, что его с вашим братом связывали тесные партнерские отношения. Но ведь, по крайней мере, это зацепка. Не так ли?

- Определенно, - задумчиво пробормотал Креольский. - Скажите, если предположить, что Юра все же... Какова могла быть его роль в подобной истории?

- Самая что ни на есть главная. Смотрите, сегодня все сделки купли-продажи недвижимости регистрируются уполномоченным органом. Причем на регистрацию должны явиться обе стороны: как продавец, так и покупатель. В то же время, если договор заверен нотариально, зарегистрировать его можно и вообще без них. Таким образом, если предположить, что Сомов действительно занимается теми делами, о которых гласит народная молва, ему однозначно нужен помощник, ведь вряд ли его клиенты подписывают бумаги, что называется, «в трезвом уме и ясной памяти». Притащить пьяного продавца в госучреждение - это сто процентов завалить сделку: ни один регистратор не примет документы, а вот если все оформить в присутствии сговорчивого нотариуса... Дело иное. Так что...

- Вы думаете, мой брат мог на это пойти?

Я вновь пожала плечами:

- Утверждать ничего не берусь, но и исключать бы подобное не стала. Во всяком случае, проверить эту информацию однозначно не помешает.

- Да, вы, пожалуй, правы, - глубокая складка прорезала лоб Креольского. Он явно о чем-то задумался, но посвящать меня в ход своих размышлений не торопился. - Не хотите еще кофе?

Разочарованно вздохнув, я отказалась.

- Уже поздно, и, если честно, я очень устала. А завтра с утра мне нужно явиться на допрос в полицию. Подозреваю, теперь это учреждение станет моим вторым домом, - виновато улыбнувшись, я поднялась. Уходить очень не хотелось. Парадоксально, но, несмотря на повод, приведший меня в этот дом, и не очень приветливого хозяина, здесь мне было по-настоящему тепло и уютно. Рядом с Креольским я отчего-то чувствовала себя защищенной.

Как будто угадав мои мысли, тот неожиданно предложил остаться.

- Я размещу вас в гостевой комнате, - торопливо пояснил он, видимо, на тот случай, если мне придет в голову нечто иное. - А завтра с утра отвезу вас к следователю.

Кинув быстрый, полный благодарности взгляд в сторону гостеприимного хозяина, я неожиданно согласилась. Неожиданно даже для самой себя. Раньше как-то не замечала за собой склонности к ночевкам в домах малознакомых мужчин. Хотя раньше мне не доводилось заниматься розыском убийц, выступать в роли подозреваемой и... много еще чего со мной не случалось раньше. Так что это далеко не самый головокружительный кульбит моей судьбы.

Глава тринадцатая

Союз глупого мужчины и глупой женщины порождает мать-героиню.

Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку.

Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычную семью.

Союз умного мужчины и умной женщины порождает легкий флирт.

Ф. Раневская

Снова тот же сон. Ну, или почти тот же, так как в этот раз все, чему в прошлый раз помешал будильник, произошло и случилось. Наученная горьким опытом, в этот раз я решила сразу перейти к делу. Без утренних освежающих процедур. Изменились и еще кое-какие детали. Например, облик моего вновь испеченного любовника. Удивительно, но во сне меня отнюдь не смущало его поразительное сходство с человеком, который последние несколько лет отравлял мое существование. Меня вообще ничего не смущало – ни то, что формально я по-прежнему оставалась девушкой Андрея, ни то, что я занималась любовью с мужчиной, которого знаю всего один день. В конце концов, это мой сон – что хочу, то и делаю. Сладко потянувшись, я повернулась на другой бок, решив во что бы то ни стало досмотреть сновидение – тем более что оно оказалось таким приятным!

Но тут моя рука коснулась чего-то мягкого! Нет! Этого не может быть! Только не это! Неужели я действительно пала так низко, что занялась любовью с Олегом Креольским в первый же день после знакомства? Неужели все только что увиденное было не во сне, а наяву? Так! Главное не открывать глаза, пока не придумаешь, как выпутаться из этой щекотливой ситуации. Хотя, что тут сделаешь? Разве что отправиться жить за Полярный круг, навсегда лишив себя возможности даже случайно встретиться с человеком, ставшим главным свидетелем твоего позора. Конечно, я бы непременно именно так и поступила, если бы не подписка о невыезде. С другой стороны, можно заявить следователю, что это я убила шефа. Тогда меня надолго отправят в тюрьму, где я точно никогда не встречу Олега. А что? Это мысль! У меня сегодня как раз встреча с сотрудниками полиции, признаюсь во всем, и дело с концом.

Фу! Какие только дурацкие мысли не приходят в голову с утра да с перепугу. В конце концов, что такого произошло? Мы взрослые люди с естественными потребностями. Такое случается сплошь и рядом. Правда, не со мной, но это уже вопрос другой.

Итак, раз, два, три! Набрав в легкие воздух, словно перед прыжком в воду, я распахнула глаза и встретилась взглядом с... огромной мерзкой ящерицей. Завопив во всю мощь легких, я опрометью слетела с кровати и запрыгала по комнате в поисках выхода. Отыскать дверь все никак не удавалось. Правда, она нашла меня сама. Распахнувшись с громким звуком, резная створка преобильно ударила меня по голове. Отлетев от удара на кровать, я упала прямо на мерзкое пресмыкающееся. И снова, в который раз за последние несколько дней, пожалела о своем неумении падать в обморок. Как бы оно мне сейчас пригодилось. Но нет! Находясь в полном сознании, я ощутила, как мое тело коснулось противной холодной кожи мерзкого создания.

Завопив громче прежнего, с неожиданной для себя прытью я вскочила с кровати и помчалась прочь из комнаты, благо Креольский оставил дверь открытой. И только очутившись в безопасности, осознала, что вся моя одежда осталась в спальне. В таком виде – в одних трусах и лифчике, дрожащую от холода и отвращения, и нашел меня Креольский. Окинув меня оценивающим взглядом, мужчина неожиданно расхохотался. Смеялся он долго. В других обстоятельствах я бы наверняка нашла его смех заразительным и, возможно, даже и присоединилась, но не сейчас, когда кожа еще не успела согреться от прикосновения к холоднокровной рептилии.

– Что это было? – спросила я, дождавшись, когда мужчина вдоволь насмеется.

- Простите, - икая от смеха, выдавил из себя Креольский. - Это Декстер. Каким-то образом он выбрался из аквариума и пробрался в вашу спальню.

- Что это за монстр? Откуда он у вас? Зачем?

Мгновенно посерьезнев, мужчина пояснил:

- Это ящерица Юры. После смерти брата мне пришлось его забрать.

Наверное, полагалось что-то сказать, но я не находила слов. Конечно, вполне в духе шефа завести подобного любимца. Удивительно, что он его в офис ни разу не привез - отличный способ отравить существование служащих. Хотя ничто не помешало ему сделать это сейчас. Удивительная способность - даже после смерти начальник продолжал трепать мне нервы.

Переступив с ноги на ногу на ледяном полу, я вдруг осознала, что стою перед малознакомым мужчиной, что называется, в неглиже. Даже для меня - человека, не отличающегося ханжеским нравом, это оказалось слишком.

Смущенно прикрывшись руками, совершенно бесполезный в данных обстоятельствах жест, я бочком протиснулась мимо Креольского, направившись в спальню. Оказавшись перед непростым выбором - продолжать демонстрировать мужчине свои прелести или очутиться один на один с доисторическим чудовищем, я замерла в нерешительности на пороге.

Поняв мои сомнения, Креольский произнес ободряюще:

- Не бойтесь, Декстер уже в аквариуме.

- Угу, - не очень уверенно ответила я и с опаской зашла в комнату.

* * *

Встреча с Семеновым прошла на удивление гладко. Креольский отвез меня к зданию управления, а сам отправился по делам. Каким именно - уточнить не удосужился. Просто высадил меня у дверей и отправился восвояси. Ни напутственных речей, ни подбадривающих слов. Ну и ладно, ну и пожалуйста - в конце концов, я прекрасно справилась сама. Тем более что беседа со следователем носила, скорее, формальный характер: я повторила ранее данные показания, подписала протокол и отправилась восвояси. Рассказывать о проведенных вчера изысканиях я не стала. И не только потому, что меня об этом настоятельно просил Олег Креольский. В конце концов, оснований помогать Семенову у меня и у самой было немного.

Выйдя из здания, я жадно вдохнула воздух свободы полной грудью. Надо было заехать домой - принять душ и переодеться, хотя к встрече с Андреем я откровенно была не готова. Вчера, приняв приглашение Креольского, я ограничилась звонком возлюбленному, теперь, правда, уместнее называть его «бывшим», и сообщила, что не приду домой ночевать. Начавшуюся было истерику я погасила сразу, безжалостно повесив трубку. И вот теперь разговора наверняка не избежать. Оставалось только надеяться, что парня не окажется дома.

- Андрей, - крикнула я, войдя в квартиру. А в ответ - тишина. Это радует. Значит, мне удастся отложить неприятную беседу на потом. Конечно, рано или поздно мне придется объясниться, но сейчас есть заботы и поважнее.

Во-первых, нужно найти белье в горошек. То был мой лучший комплект, наиболее выгодно подчеркивающий мои прелести. В конце концов, если мне и дальше придется разгуливать

перед Креольским почти в чем мать родила, нужно хотя бы подготовиться к этому соответствующим образом.

Во-вторых, следует собрать косметику, так как образ а-ля «моль бледная» меня порядком не радовал. В-третьих, неплохо было бы также прихватить с собой одежду – не знаю, как развернутся дальнейшие события, но возвращаться в этот дом я однозначно не собиралась.

Войдя в спальню, я увидела Андрея. Поначалу решила, что парень просто спит – таким спокойным и безмятежным казалось его лицо. Но тут я заметила алое пятно на груди бывшего возлюбленного. Истошно закричав, я наконец-то грохнулась в обморок.

* * *

Как же мокро! Вода, вода, кругом вода. Откуда столько воды? Это что, потоп?

– Соня, Соня, очнись, – голос Андрея звучал так близко и как будто издали. Открыв глаза, я увидела и самого его обладателя.

Так вот каково это – терять сознание от избытка чувств. Убрав со лба мокрую прядь, я вытерла лицо.

– Постой, а откуда столько воды и почему ты жив? – Заметив в руке Андрюши чайник, я начала понимать, почему выгляжу словно мокрая курица, – судя по всему, парень достаточно долго поливал меня из этого сосуда, не иначе как перепутав с цветком в горшке.

– Что? Ты о чем? – Андрей выглядел растерянным, но уже в следующую минуту взял себя в руки и принялся отчитывать меня обиженным тоном: – Я, между прочим, всю ночь не спал и вот только прикемарил, а тут ты – крик, грохот. Что за представление, Соня? Что ты тут устраиваешь? Почему я должен за тебя волноваться?

Ну вот. Все как всегда. Андрюша в своем репертуаре – все о себе любимом. Как же я могла быть такой слепой? Как не замечала этого раньше? Хотя чего уж теперь.

– Постой, – прервать причитания бывшего возлюбленного оказалось делом непростым. Это мне было хорошо известно по прошлому опыту, но попытка, как известно, не пытка. На этот раз она, как ни странно, увенчалась успехом, так как Андрейка все же замолчал.

– Почему ты живой? Я же сама видела кровь!

– Что? – удивлению парня не было предела. Переведя взгляд на кровать, я увидела шелковый шейный платок, который ошибочно приняла за кровь. Вот дуреха! Как я могла забыть про этот «стильный аксессуар», надеваемый Андрейкой в особо торжественных случаях. Интересно, куда это он так вырядился? Хотя теперь это уже не мое дело.

– Извини, почудилось, – решительно встав, я направилась в ванную, чтобы взять полотенце. Воды Андрюшка не пожалел.

Мимоходом взглянув в зеркало, я поняла, что сделала это совершенно напрасно. Зрелище явно не для слабонервных – события последних дней не прошли даром, оставив неизгладимый отпечаток на моем лице.

Показав язык своему отражению, решила, подобно героине знаменитого романа Маргарет Митчелл, подумать об этом завтра.

В первую очередь нужно принять душ, затем собрать вещи и... Что «и», я еще не придумала, ведь ни квартиры, ни денег, чтобы ее снять, у меня не имелось. С другой стороны, оставаться с Андреем на одной территории тоже не хотелось. Что ж, подумаем об этом позже. В конце концов, напрошусь в гости к Маринке. Авось приютит подругу на пару дней.

- Соня, ты не хочешь объясниться? - Андрей возник на пороге ванной, словно черт из табакерки. - Где ты была? - Надо же, и как я раньше не замечала, каким тонким, почти визгливым, становится голос моего возлюбленного, когда он волнуется. - Ты была с ним? С ним была, да?

Бог мой, какая мелодрама! Что это: ревность или уязвленное самолюбие? Хотя, в сущности, какая разница? Какое это теперь имеет значение, когда мосты сожжены и Рубикон перейден?

- Да, с ним, - пройдя на кухню, я села за стол, положив на него руки ладонями вверх. Я намеренно выбрала такую позу: где-то вычитала, что так мы располагаем к себе собеседника, демонстрируя свою к нему лояльность.

Увы, мой визави, видимо, языком жестов не владел, так как гнев на милость не сменил, по-прежнему всем своим видом демонстрируя оскорбленное самолюбие. Справедливо - он имел полное право.

- Андрей, - я устало вздохнула, - давай будем откровенны друг с другом. Мы оба прекрасно знаем: ничего у нас с тобой не выйдет. Так что давай прекратим все это сейчас, пока отношения не зашли слишком далеко.

- Ах ты... - лицо парня перекошилось от злобы, и он метнулся в мою сторону, сжав кулаки. Инстинктивно втянув голову в плечи, я приготовилась принять удар, но Андрей в последний момент все же одумался. Отшатнувшись от меня, словно от прокаженной, он заметался по комнате, шипя и брызгая слюной, словно гадюка ядом.

- Значит, как только на горизонте появился кто-то побогаче и посolidнее, ты тут же воспользовалась шансом. А я оказался всего лишь одной из ступенек на твоём пути к богатству, да? Думаешь, я не знаю о твоём соглашении с Креольским? Думаешь, не слышал, как он обещал тебе контору в обмен на помощь? Решила меня подсидеть, да? Тварь! Так вот знай - ничего у тебя не выйдет! Я сейчас же отправлюсь к следователю и скажу, что знаю, кто убил шефа. А что? Я ведь запросто могу сознаться в том, что вначале дал ложные показания, пытаюсь спасти возлюбленную. Теперь же, снедаемый раскаянием, решил рассказать, как все было.

- И как же все было? - Вздрогнув, как от удара, я повернула голову на голос и увидела, что на пороге стоит Креольский. Почувствовав, как щеки заливают краской стыда, отвернулась к стене, пытаюсь скрыть охватившее меня волнение. Меньше всего мне хотелось, чтобы этот мужчина стал свидетелем наших с Андреем разборок. Тем более чтобы он в них участвовал. Увы, но остановить несущийся на всех парах локомотив было бы куда проще, нежели прервать моего бывшего возлюбленного, явно уже накидавшего в топку своего гнева немало дров.

- Ааааа, - протянул он, прищурив глаза, - господин Креольский пожаловал, - Андрей склонил голову в полупоклоне. - Что ж, весьма кстати. Вы ведь хотели узнать, кто убил вашего брата? Даже вознаграждение, помнится, обещали. Что ж, я готов рассмотреть ваше предложение. Вы мне контору, а я вам убийцу.

Олег смерил Андрейку презрительным взглядом, даже не удостоив ответа. От этого парень как-то сразу сжался и, кажется, даже уменьшился в размере.

- Где твои вещи? - Креольский подошел ко мне и подал руку. Я заглянула ему в глаза, и на какой-то миг весь мир перестал существовать. Ах, если бы это мгновение можно было продлить вечно, но уже в следующую секунду волшебство исчезло - чары разрушил визгливый возглас Андрейки. Господи, до чего же у него все-таки противный голос!

- Минуточку. Вас что же, совсем не интересует, кто убил вашего брата? Его тело еще не предано земле, а вы уже крутите шашни. И с кем? С его убийцей! - закончил Андрей с торжеством.

Я с ужасом ахнула и бросила быстрый взгляд на Олега. Тот застыл как от удара, затем медленно повернулся к моему бывшему возлюбленному и, смерив его презрительным взглядом, произнес, чеканя каждое слово:

- Послушай ты, слизняк, советую тебе хорошенько подумать и забрать свои слова обратно. До этого я не рассматривал тебя в качестве подозреваемого - кишка тонка, но я ведь могу и передумать. Пожалуй, никто не выиграл от смерти Юры больше тебя. Так что настоятельно рекомендую поразмышлять об этом на досуге.

После каждой фразы, произнесенной Креольским, Андрей становился все меньше и меньше. Как воздушный шар, который проткнули иглой, он сдувался буквально на глазах, теряя весь свой пыл. Наблюдая столь стремительную метаморфозу, происходящую с некогда, как мне казалось, любимым человеком, я удивлялась, как могла так жестоко обманываться на его счет. И как же не были похожи чувства, испытываемые мною сейчас, на то, что называется «любовью».

- Я... просто... я... - залепетал Андрей, не находя слов.

- Мы поняли друг друга? - Вопрос Креольского больше походил на утверждение, но Андрей тем не менее активно закивал, выражая согласие.

- Вот и славно, - произнес Олег уже весело и, повернувшись ко мне, спросил: - Так где твои вещи?

- Там, - ответила я, виновато улыбнувшись и указав рукой в сторону спальни. - Я не успела их собрать.

- Ну и черт с ними. Возьми самое необходимое, а остальное, - мужчина повернулся к топтавшемуся в дверях парню: - ты соберешь и привезешь вот сюда, - Олег достал ручку и записал адрес прямо на стене. Андрей было собрался что-то сказать, но тут же осекся, встретившись взглядом с «противником». В этой битве двух «самцов» победитель был очевиден.

Глава четырнадцатая

Чтобы оставаться худой, женщине нужно есть перед зеркалом и обнаженной...

Ф. Раневская

- Где ты был? - спросила я, бросая сумку с вещами в багажник огромного, словно круизный лайнер, автомобиля Креольского. Наш убогий двор, пожалуй, впервые видел столь шикарное транспортное средство. Судя по всему, дела у мужчины идут совсем неплохо. Машины меняет как перчатки. Утром авто было куда проще. По крайней мере, значительно меньше.

- Потом, все потом, - устало проговорил Олег. - Я ужасно голоден. Ты уже обедала?

Я отрицательно помотала головой.

- Ну, вот и славно, - добавил Креольский бодро, - значит, едем в ресторан.

Мы поехали. Для трапезы мужчина выбрал одно из лучших заведений города, о котором я много слышала от Марьи, но сама ни разу здесь не бывала. Как по мне, так лучше бы мы пообедали в месте попроще - ни моя одежда, ни облик в целом не соответствовали обстановке. С другой стороны, разрядись я, словно принцесса, все равно ощущала бы себя здесь не в своей тарелке. Но не я правила этим балом, так что выбирать не приходилось.

Встреча, размещение, заказ - церемониал вполне соответствовал приемам на королевском уровне. По крайней мере, как я себе их представляю. Чувствуя себя Золушкой, которой Фея Крестная забыла сменить наряд, я вперила взор в меню. Ого-го себе! Стоимость обеда здесь равна нашему с Андреем недельному бюджету. Пожалуй, самое время вспомнить о диете. Вот только предатель-желудок ничего не знал о моем намерении, настойчиво требуя пищи. Мимо прошел официант, неся кому-то дымящуюся тарелку супа. Аромат изысканного яства достиг моих ноздрей, и рот тут же наполнился слюной.

Осознавая, что не мне придется расплачиваться за трапезу, я тем более не могла себе позволить расточительность. Кроме того, из общения с Андреем я вынесла четкое понимание того, что мужчины очень не любят барышень с аппетитом. По мнению моего бывшего возлюбленного, дама должна питаться как Дюймовочка - половинкой пшеничного зернышка.

Так как зерновых в меню не оказалось, я заказала зеленый салат и морковный фреш - Марья рассказывала, что этот сок весьма популярен у девушек ее круга.

Отложив папку в сторону, я с тоской посмотрела на соседний столик. Там упитанного вида дядька с удовольствием уплетал здоровенный кусок мяса. Перехватив мой взгляд, Креольский сказал, обращаясь к официанту:

- Знаете что. Отмените заказ дамы и принесите нам ваши блюда дня. В двух экземплярах.

- Что, все? - удивленно уточнил служитель подноса и салфетки.

- А что, есть проблемы?

- Нет, нет, что вы, конечно. Сейчас все сделаем.

- И поживее, милейший.

Официант опрометью помчался исполнять поручение Креольского. И как это у того получается так «строить» людей?

Олег взял из стоящей на столе корзины хлеб, отломил небольшой кусочек мякиша и задумчиво принялся катать из него шарик.

- Завтра похороны Юры, - нарушил он неловкую паузу.

Я не нашлась, что сказать. В круговороте закрутивших меня событий я как-то совсем забыла о моем бывшем бедном шефе. А ведь действительно его брненное тело до сих пор не предано земле.

- Так вот где ты был все утро? Организовывал похороны? - догадалась я.

- Что? - спросил Олег растерянно. - Ах да. Нет то есть. На самом деле все распоряжения я отдал еще вчера. Сейчас это не проблема. Любой каприз за ваши деньги, - горько усмехнулся он.

- Тогда где ты был? - спросила я и тут же прикусила язык. Кто я такая, чтобы задавать подобные вопросы? Но было уже поздно - слово, как известно, не воробей.

Но Креольский не обиделся, хотя и мог бы, конечно. Напротив, предоставил мне полный отчет о проведенном им времени.

Оказалось, что после того, как мы расстались, мужчина сразу же отправился в офис к Сомову, но того там не застал. Тогда он навел справки и выяснил, что риелтор покинул на днях город. И что интересно - дата его отъезда совпадала с датой убийства шефа. Вернее, Сомов отправился в свое путешествие на следующий день после трагедии. Разумеется, все это могло оказаться простым совпадением, но, по понятным причинам, верилось в это с трудом.

- И что? Совсем нельзя выяснить, где сейчас Сомов? - поинтересовалась я, дождавшись, когда официант поставит тарелку и отойдет от нашего столика.

Креольский устало пожал плечами:

- Возможно все, но на это требуется время. Риелтор - не дурак и явно не хочет, чтобы его нашли, так как никаких данных о пункте прибытия он не оставил ни дома, ни на работе. Матери своей он сказал, что отправился в командировку, а в конторе сообщил всем, что решил нанести визит своему дальнему родственнику. Одним словом, как в воду канул. Я задействовал кое-какие ресурсы, так что, возможно, и удастся что-нибудь выяснить, но пока эта ниточка никуда не привела.

- Почему же? - произнесла я, подцепив вилкой салатный лист. Есть хотелось нестерпимо, но хорошо усвоенный, благодаря Андрюше, урок не позволял продемонстрировать парню вот так, с ходу свой зверский аппетит. В конце концов, чего уж греха таить, Олег мне нравится, и потому очень хотелось произвести на него приятное впечатление. - Отсутствие результата - тоже результат, - продолжила я, с тоской глядя на еду. - В данном случае стремительное бегство Сомова сразу же после смерти о многом говорит. Сам подумай, с чего бы ему бросать хорошо налаженный бизнес?

- Как знать, - пожал плечами Креольский, - возможно, просто испугался. Может, ему грозит та же опасность. В любом случае, пока мы не поговорим с парнем, строить предположения и догадки можно долго.

- Но как же с ним поговорить-то? - спросила я, сглатывая слюну и отворачиваясь от принесенного горячего, сдерживаясь из последних сил, чтобы не наброситься на него, словно голодный волк. Или медведь. Или... О! А это мысль: перебирая в голове представителей животного мира, я, по крайней мере, на какое-то время забываю о вкусной снеди.

- А ты почему ничего не ешь? - удивленно спросил Креольский, пододвигая тарелку с аппетитными закусками.

- Да так, - томно закатив глаза, ответила я, - что-то не хочется.

- Слушай, - озадаченно произнес мой визави, - надеюсь, ты не из этих?

- Из каких? - испуганно поинтересовалась я.

- Ну, из тех дурочек, которые считают каждую калорию и вечно сидят на диетах?

- А что в этом плохого? - теперь настал мой черед удивляться. В конце концов, образ именно такой барышни я старательно создавала, моря себя голодом.

- Хм, наверное, ничего, - ответил Креольский. - Извини, если задел твои чувства. Просто мне казалось, ты не такая, - в голосе мужчины я уловила нотки разочарования.

- Да, и какая же я, по-твоему? - плохо скрываемая обида сквозила в моем голосе.

Удивительно, но мужчина смешался! Вот уж не думала, что эту железобетонную броню уверенности и равнодушия так просто пробить.

- Я не хотел тебя обидеть! Ты не подумай. Просто мне казалось, что ты... Не важно, - Олег махнул рукой и делано рассмеялся, - извини!

Вот кто их разберет, этих мужчин?! С другой стороны, наверное, Креольский не видит во мне объект сексуального притяжения. Наверное, для него я просто «свой парень».

«Во всем ищи позитив» - учила меня в свое время мама. Вспомнив сейчас ее совет, я решила, что раз нет необходимости изображать из себя гламурную дурочку, я вполне могу порадовать свой желудок. Решительно придвинув к себе тарелку, я с наслаждением, едва ли не урча от удовольствия, принялась поглощать пищу.

Глаза Олега удивленно расширились, но он промолчал. Нужно сказать, весьма осмотрительно - меньше всего сейчас я была расположена обсуждать мой аппетит и происходящие с ним стремительные метаморфозы.

Глава пятнадцатая

Успех - единственный непростительный грех по отношению к своему близкому...

Ф. Раневская

Вода острыми иглами впиивается в мое тело, но холодный душ - это то, что мне сейчас жизненно необходимо. События развиваются столь стремительно, что даже страшно. Ничего не обсуждая и ни о чем не договариваясь, мы вновь оказались в квартире Креольского. Машина подъехала к его подъезду, мы поднялись в жилище, где мои вещи были выгружены в спальне, которая, как я понимаю, стала теперь моей комнатой. Или все же «нашей»? Никаких личных «поползновений» со стороны Олега не наблюдалось. Кажется, он даже и не собирался посягать на мою девичью честь, а я, в свою очередь, никак не могу определиться, как мне к этому относиться. Что ж, тогда действуем по старой схеме: подумаем об этом завтра. В конце концов, сегодня есть дела и поважнее.

Завернувшись в полотенце и соорудив из второго тюрбан на голове, я придиричиво осмотрела себя в зеркале. Нет, пожалуй, это все же чересчур - вряд ли стоит являться перед Креольским в таком виде. В конце концов, он может решить, что я пытаюсь его соблазнить. Не то чтобы я так уж против того, что может за этим последовать. Скорее, боюсь, что за этим ничего не последует.

Кое-как натянув джинсы и свитер, слегка взъерошив влажные волосы, я наконец-то предстала пред ясны очи моего новоиспеченного компаньона.

- С легким паром, - произнес тот, не отрывая взгляд от монитора ноутбука. Да уж! Хороша бы я была, выйдя в соблазнительном наряде.

- Спасибо! Что смотришь? - голос предательски подвел меня, выдавая волнение. Но Креольский ничего не заметил - он был погружен в созерцание буквенных символов.

- Да вот думаю, с чего начать. Сомова мои люди уже ищут, но, пока он не найдется, не мешает разработать и прочие версии.

Встав за спиной мужчины, я тоже вперила взор в экран, пытаюсь сосредоточиться на написанном. Увы, получалось слабо: аромат дорогого парфюма обволакивал и дурманил, мешая сосредоточиться. Совсем некстати вспомнился давешний сон, из-за чего сердце заухало словно взбесившийся молот. Опасаясь, как бы Креольский не услышал его стук и обо всем не догадался, я отвернулась к кухонному столу якобы за водой, на самом же деле ища способ унять охватившую меня дрожь.

Увы, но дальнейшие действия Олега этому никак не помогли. Он неожиданно оторвался от компьютера подошел ко мне, развернул за плечи и поцеловал. Поначалу нежный и осторожный, поцелуй становился все более настойчивым и страстным. Впрочем, как и действия самого мужчины. Теперь мне пришлось пожалеть об отказе от первоначального плана с полотенцем, ибо выпутываться красиво из «паутины» тесных джинсов я никогда не умела.

Но волноваться об этом долго не пришлось - избавляться от одежды в порыве страсти мне оказалось не суждено - все закончилось так же внезапно, как и началось. Звонок в дверь разрушил волшебство, заставив нас отпрянуть друг от друга.

- Извини, - прохрипел Креольский и едва ли не бегом направился к двери, оставив меня гадать, за что именно он просил прощения: за сам поцелуй или за то, что его пришлось прервать?

Пытаясь унять дрожь и переключить внимание с дел сердечных на иные, я подошла к ноутбуку и уставилась в монитор. Буквы расплывались, никак не желая связываться в слова. И все же кое-как мне удалось разобрать, что передо мной список всех «подозреваемых» с комментариями Олега по поводу каждого из них.

Венчало перечень имя Андрея. Отшатнувшись, как от удара хлыстом, я повернула голову, встречая вошедших, скорее ощутив, нежели заметив их присутствие - потрясающий аромат нежного, слегка сладковатого и, по всей видимости, невероятно дорогого парфюма наполнил комнату, раздражив мой орган обоняния.

Обладательницей восхитительного «облака» оказалась особа, которая будто только что сошла с обложки дорогого глянцевого журнала. Взглянув на нее, я отчего-то вспомнила, что очень давно не была в парикмахерской и не покупала себе обновки. Ногти впились в ладонь, чтобы только не попадаться на глаза ни мне, ни окружающим, как будто осознавая свою убогую, ненакрашенную сущность. Жаль, то же самое не могли сделать волосы. И ноги, и руки, и... В общем, по-хорошему, было бы лучше, умей я растворяться в воздухе. Увы, подобными способностями природа меня не наградила, а посему приходилось «донашивать» то, что имелось в наличии.

Гордо вскинув подбородок, я принялась дерзко и даже нахально рассматривать гостью,

мобилизовав все силы для того, чтобы скрыть истинные чувства – смущение и неловкость от осознания собственного несовершенства и пытаюсь отыскать хоть какие-то признаки оных и у нее тоже. Тщетно! Каштановые волосы до плеч густой волной обволакивали тонкое, благородное лицо. Матушка-природа бывает весьма щедра к своим детям, но этот ее ребенок явно особенно удался. Огромные миндалевидные глаза, пухлые губы, идеально правильный нос. Казалось бы, на этом вполне можно было и остановиться, добавив для симметрии приземистую фигуру или слегка коротковатые ноги. Куда там! Видимо, Всевышний в день создания барышни решил сильно не заморачиваться, раздавая красоты пропорционально. Кому-то только длинные ноги, кому-то тонкий стан, а кому-то тонкие запястья. Нет, в тот раз, по всей видимости, он решил не черпать ложкой из разных котлов, а просто отправить все их содержимое в одно место. Если так, то где-то наверняка существует и антипод этой красотки: курносый коротышка со склонностью к полноте. Как бы то ни было, но этой девушке явно досталось все самое лучше – как ни старалась я найти в ее облике малейший изъян, мне это не удалось.

Моей сопернице повезло больше – по ее торжествующему взгляду я поняла, что она насчитала минимум десятков моих недостатков, установив и без того очевидную истину – я ей явно не конкурентка.

- Соня, – из небытия меня вывел хриловатый и немного растерянный голос Креольского, – познакомься, пожалуйста, с Ольгой, – откашлявшись, произнес он.

- Оля – девушка Юры. Вернее, была... Вернее... есть... Вернее... В общем, вот...

Вот это да! Ничего себе новости! Хотя почему меня это удивляет? Покойный шеф никогда не относился к людям, посвящаям всех и каждого в подробности своей личной жизни. Я же и вовсе была последним человеком на Земле, с которым он стал бы ими делиться.

- Очень приятно, – слова дались мне с трудом – умение врать, не краснея, никогда не относилось к списку моих достоинств. Ну, или недостатков.

Девушка меня ответом не удостоила, лишь царственно кивнув. Что ж, и на том спасибо – большего от возлюбленной шефа ждать не приходилось. По крайней мере, если верить поговорке о том, что Бог парует.

- Олег, – томно растягивая звуки, произнесла красотка, – я хотела бы поговорить с тобой наедине. Завтра похороны Юры, – в этом месте дама промокнула глаза кружевным платком дивной красоты. Жест явно театральный.

- Ээээ, – Креольский обернулся ко мне в замешательстве. – Соня, не возражаешь?

Пожав плечами, всем своим видом демонстрируя равнодушие к этой ситуации, я потопала по лестнице вверх, стараясь держаться как можно дальше от скорбящей особы – очень не хотелось, чтобы Олег, пусть даже невольно, нас сравнивал. Победитель в этом «конкурсе красоты» определен заранее.

Оказавшись одна, я улеглась в кровати и попыталась заставить себя подумать о деле. Но мысли о давешнем поцелуе то и дело врываются в мое сознание, что приводило к его помутнению. Я боролась с ними, как могла, и наконец, утомленная этой внутренней борьбой, незаметно для себя заснула.

В этот раз никаких эротических снов посмотреть мне не довелось. Сплошные кошмары – в основном мне снился Креольский, целующийся с девушкой брата. Причем во сне я точно

знала, что это именно Олег, а не Юрий. Теперь, узнав его поближе, я поняла, что его сходство с родственником весьма условно. Не заметить явных различий могли разве что посторонние люди, к коим я с некоторых пор больше не относилась.

* * *

Разбудил меня восхитительный аромат кофе. Как же это, оказывается, приятно, когда на кухне тебя уже ждет бодрящий напиток. Интересно, Олег всегда столь любезен с девушками или только тогда, когда пытается произвести на них впечатление? Хотелось бы верить, что у меня будет еще шанс узнать ответ на этот вопрос.

- Привет! - Приветствие осталось без ответа, так как огласило кухонную пустоту. Хм, странно, откуда же тогда чудный запах и где, собственно говоря, сам хозяин квартиры?

Ответ нашелся довольно быстро: хлопнула входная дверь и на пороге появилась незнакомая женщина, держащая в руках мусорное ведро. Народная примета гласит: встретить бабу с пустой тарой - не к добру. Народ мудр, врать не будет.

- Доброе утро, - весело приветствовала меня миловидная дама средних лет. - Встали? Как раз вовремя, я уже и завтрак приготовила. Олег Павлович распорядился вас накормить. Он просил передать вам, чтобы вы не стеснялись, - квартира в полном вашем распоряжении. И я, кстати, тоже, - губы женщины растянулись в добродушной улыбке.

- А где он сам? - пытаюсь скрыть разочарование, поинтересовалась я.

Выражение лица женщины миг изменилось с веселого на печальное.

- Брата хоронит, - трагическим шепотом возвестила она. - Вы знаете, что у Олега Павловича брата убили?

Я растерянно кивнула в ответ.

- Так вот сегодня похороны.

Вот те на! А ведь и правда! А меня, значит, не позвали. Интересно, почему? Не то чтобы я так уж рвалась проводить шефа в последний путь, но мне казалось, что присутствие подчиненных на похоронах начальника более чем естественно. Видимо, у Олега на этот счет имелось свое, отличное от моего мнение. Интересно, он всех проигнорировал или только меня? В надежде получить ответ я набрала номер Марьи. Я слушала длинные гудки, механически наматывая прядь волос на палец. Наконец телефон сменил гнев на милость, но лишь для того, чтобы оповестить меня механическим голосом о том, что «Абонент не отвечает. Попробуйте позвонить позднее». Хм. Поколебавшись какое-то время, набрала номер Андрея. Парень откликнулся довольно быстро, но только чтобы нажать кнопку отбоя до того, как я успела вымолвить хоть слово. Все это можно было объяснить по-разному. Возможно, мои коллеги уже на похоронах и потому не могут ответить. Но почему тогда Креольский отстранил меня от участия в траурных мероприятиях?

Ну и пусть - решительно тряхнув головой, решила я. Что ж, в таком случае мне придется заняться расследованием. Возможно, мне даже удастся распутать это сложное дело и найти убийцу в одиночку. Услужливое воображение тут же нарисовало яркую картину моего триумфа. Олег будет так мне благодарен, что... Мысль о преисполненном восторгом Креольском заставила сердце биться чаще, обеспечив прилив крови ко всем органам.

Утопив пальцем кнопку на ноутбуке, я запустила сложные механизмы. Умная машина оперативно отреагировала на мой жест, характерным звуком известив о своем желании служить хозяину верой и правдой. Экран сначала озарился голубоватым светом, а потом порадовал красивой, но нейтральной по своему содержанию заставкой. Что ж, уже неплохо: никаких фото возлюбленных или тем более жены с детьми. Впрочем, техника вообще поражала лаконичностью – на рабочем столе всего-то пара стандартных иконок и один-единственный файл с характерной надписью «План». Не то чтобы я собиралась копаться в записях Креольского, но все же несколько личных файлов помогли бы мне составить представление о его жизни.

Махнув головой, я напомнила себе, что включила компьютер отнюдь не для этого. Пара щелчков «мышки», и моему взору предстал составленный Олегом лаконичный список следующего содержания:

1. Спиридонов. Улица Большая Никольская, дом 20, кв. 36

Мотив – место нотариуса

Возможность – имеется. Он последний, кто якобы видел Ю. живым. Тогда нужно выяснить, кто таинственный некто, зафиксированный камерой наблюдения.

Сообщник –?

2. Сомов –??? Рабочий адрес: Смирновский пер., офисный центр «Акрас», оф. 405

Домашний адрес: Веселовская улица, дом 46, кв. 789

Мотив –? Общие дела –? Почему уехал –?

Возможность – неизвестно

3. Макарова Валентина –??? Проспект Ленина, дом 58, кв. 21

Наследница квартиры и дачи. Ничего особенного. Криминала нет.

Мотив –?

Возможность –?

Маловероятно!!!!

4. Татарские –??? Коттеджный поселок «Парадайз», дом 49

Очень интересно!!!!

Пропавший брачный контракт.

Выяснить, выиграл ли кто-то от смерти Ю.

5. Питерский Сергей Владимирович. Еще один наследник с пропавшим завещанием.

Мотив -?

Возможность -?

На первый взгляд все чисто.

Хм, изысканий откровенно негусто. С другой стороны, список мне, безусловно, пригодится. Щелкнув кнопкой, я отправила документ на печать. Интересно, с кого планировал начать поиски убийцы Олег? Лично я решила заняться Макаровой, ведь по всем законам детективного жанра убийцей обычно является тот, на кого меньше всего подумаешь.

Хотя, если уж быть до конца откровенной, причина крылась совсем не в этом. Просто Макарова оказалась единственным доступным, по крайней мере хотелось бы верить, свидетелем. Сомов - в бегах, к Татарским мне вряд ли пробиться, а Андрей... Оставались Питерские и Макаровы, я решила, что с женщиной наладить контакт мне будет легче. В общем, начну я все же с Валентины Макаровой. Хотя бы для очистки совести.

Погрузившись в свои размышления, я совсем не обращала внимания на суетившуюся рядом женщину. Как там, бишь, ее? Ой, я ведь даже не удосужилась с ней познакомиться. Вот те на! Как некрасиво! Нужно срочно исправить ситуацию.

- Простите, - виновато улыбаясь, обратилась я к помощнице по хозяйству, - забыла представиться. Меня Соней зовут.

- А я знаю, - широкая, бесхитростная улыбка осветила лицо женщины. - Мне Олег Павлович сказал. Он предупредил, что вы поживете у него несколько дней.

Последняя фраза отчего-то серпом ударила по сердцу. Дура ты Алтуфьева, дура. Уж не надеялась ли в самом деле обосноваться здесь надолго? Не собралась ли по традиции замуж? С тебя ведь станется.

- Ну да, так и есть, - растерянно пробормотала я и втянула обиженно оттопырившуюся губу. - Вы извините, пожалуйста, но Олег... хм... Павлович говорил, как вас зовут, а я взяла и запомнила. Мне очень неловко, но...

- Варвара я, - неизвестно чему радуясь, возвестила женщина. Лицо ее сияло так, как будто она только что узнала о правительственной награде или о крупном выигрыше в лотерею. А может, ей просто поговорить не с кем в этом холостяцком царстве? Креольский не производит впечатления чрезмерно открытого и общительного человека. Вероятно, в моем лице Варвара увидела потенциального собеседника. Что ж, такой возможностью не грех и воспользоваться. План созрел молниеносно - упустить подвернувшийся шанс получить информацию о личной жизни Олега было бы просто непростительно.

Глава шестнадцатая

Сказка - это когда женился на лягушке, а она оказалась царевной, а быть - это когда наоборот...

Ф. Раневская

- Ой, а это точно между нами? - в который раз поинтересовалась Варвара, шумно втягивая

в себя чай из чашки. Мы сидели с ней за большим круглым столом и с наслаждением уплетали дорожные конфеты, которые я обнаружила в шкафу. Игра стоила свеч, а шоколад... А что шоколад? Вряд ли Креольский станет убиваться из-за подобной мелочи. Кроме того, я надеялась купить такую же коробку до того, как хозяин хватится пропажи.

Зато именно сладости помогли развязать прислуге язык. Видимо, не избалованная вниманием со стороны хозяина, женщина искренне обрадовалась возможности приятно провести время. Чувствуя искреннюю заинтересованность с моей стороны, Варя выкладывала те тайны, которые знала, взяв с меня торжественную клятву молчать как рыба. Заверив ее, что ее секреты умрут вместе со мной, я буквально обратилась в слух, жадно внимая не слишком грамотной речи. Правда, как выяснилось, информация, которой владела женщина, больше касалась предпочтений Олега в еде и в одежде, но было и кое-что ценное. Так, мне удалось незаметно вывести ее на обсуждение подробностей личной жизни.

- Ну а что ты хочешь? - задала вопрос Варвара, отправляя в рот очередную конфету. - Олег Павлович - мужчина молодой, видный, холостой. Конечно, водил женщин, ага.

- И много? - осторожно поинтересовалась я, спрятав лицо за чашку с чаем, пытаюсь скрыть охватившее меня волнение.

- А кто ж их считает? - простодушно поинтересовалась Варвара. - Как по мне, так коли мужик не женился до тридцати годов, толков из него не будет. Нет, и не убеждай меня! - безапелляционно заявила женщина, рубанув воздух рукой. - Ты уж меня извини, по всему виду, ты девка хорошая, правильная, но не пара ты Олегу.

- Чего это? - стараясь расположить к себе собеседницу, я сознательно переняла ее манеру разговора.

- Ну, - Варя критично осмотрела меня с ног до головы, - не его ты поля ягода. Нет, только не обижайся, - поспешно добавила она, заметив мое вытянувшееся лицо, - просто он все больше предпочитает таких... - женщина запнулась, подбирая слова, - да вон хоть как эта, как Оля - жена его брата.

- Думаешь?

- Не думаю, а знаю, - собеседница долила в чашку чай. - А ты что, не знала? - Казалось, женщина искренне мне сочувствует. - Вот ведь какая дуреха неосведомленная. Короче, - заговорщицким шепотом продолжила она, - они же вместе с братом за этой Олькой ухаживали. Но та Юрку, земля ему пухом, выбрала. Но это было еще до того, как Олег богатым-то стал. Давно, в общем, было. Ну а уж потом, как дела у него пошли в гору, баба-то поняла свою ошибку и вроде как даже пыталась поменять одного брата на другого. А что? - Варвара громко засмеялась. - Они ж почти одинаковые, - уж не знаю, как там мой хозяин на это отреагировал, да только Юрка шибко осерчал, как прознал. Крику было! Я как раз убиралась в тот день. Ворвался, будто та фурия, кричал, ногами топал. Ну а потом и вовсе заявил, что нет у него брата больше, и ушел, громко хлопнув дверью. О как оно бывает! А ты говоришь, сериалы, да жизнь, она покруче любого фильма будет.

Вообще-то ни о каких сериалах я не упоминала, но полностью согласилась с этим мудрым изречением.

Информация требовала осмысления, но сосредоточиться на ней мне не удалось - разговорчивая Варвара, найдя в моем лице благодарного слушателя, продолжала вещать обо всем, что накопилось на душе. Так, с разговора о Креольских она переключилась

на обсуждение соседки, которая изменила мужу с собственным деверем. Супруг, прознав про это, сначала чуть не убил брата, а потом простил и выгнал жену, а та...

Даже не пытаюсь вникнуть в перипетии семейной жизни Варвариной соседки, я превратилась в китайского болванчика, изображая искренний интерес к беседе, на самом деле пытаюсь поймать за хвост отчаянно ускользавшую мысль о чем-то важном. Одновременно я также пыталась подавить в себе поднимающую голову ревность, нашептывающую всякие гадости об Олеге и Ольге, которые, как я понимала, сейчас были вместе. И пусть мероприятие, на котором они присутствовали, – не лучший очаг для любовного пламени, мне все никак не удавалось отделаться от мысли о том, что общее горе сближает. В этом смысле у моей неожиданно появившейся соперницы имелась явная «фора», помимо всех прочих, ибо я, как ни старалась, не сумела даже изобразить скорбь по поводу безвременной кончины почившего в бозе шефа.

А ведь получается, у этой Ольги тоже имелся мотив для убийства. Почему же тогда ее имени нет в списке подозреваемых, составленном Олегом? Объяснение напрашивалось само собой, но озвучить его даже самой себе оказалось мучительно трудно. Отгнав не самые приятные мысли, я решила сосредоточиться на предстоящей миссии. Бездумно глядя в окно, пыталась придумать благовидный предлог для начала беседы с Макаровой.

С Варварой мы расстались добрыми друзьями. Сославшись на срочные дела, я покинула квартиру Креольского и направилась по адресу проживания подозреваемой. День уже перевалил за полдень, а я только выбралась на свет божий. Денег по-прежнему не было, так что от услуг такси пришлось отказаться. Слушая дребезжание рельсового транспорта, я обдумывала план действий, старательно отгоняя навязчивые образы об Олеге и Ольге.

Конечно, Варвара права – куда мне со свиным рылом да в калашный ряд? Где я и где эта самая Ольга. А как же поцелуй? – подала голос робкая девочка Соня, все еще верящая в сказку про Золушку.

А что поцелуй? – возразила ей взрослая Софья. Эка невидаль, мужчина воспользовался подвернувшейся возможностью утолить свой сексуальный голод. В конце концов, ты оказалась очень легкой добычей – сама в руки пошла. Стоило ему только поманить, и вот на тебе! Уже с чемоданом на пороге дома!

Краска стыда залила мои щеки. Чтобы как-то остудить пылающее лицо, я прислонилась к ледяному стеклу окна трамвая.

Глава семнадцатая

Дама может уже сама выбирать, на кого ей производить впечатление...

Ф. Раневская

– Эй, ну-ка не прислоняться, – грозный окрик заставил меня вздрогнуть. – Нече стекла пачкать, их, между прочим, люди моют. Что за народ... – Внушительного вида кондукторша прошествовала по салону, предварительно убедившись, что я больше не посягаю на порядок на вверенной ей территории.

Отвлечшись на грозную тетку, я чуть было не проехала свою остановку. Выскочив из вагона в последний момент, не обращая внимания на рассерженные возгласы кондукторши, я решительно зашагала в глубь микрорайона, внимательно изучая вывески на домах, стараясь

не пропустить нужную.

Вот наконец табличка на фасаде одной из многоэтажек возвестила, что моя цель достигнута.

Подойдя к дому, я увидела у второго подъезда машину «Скорой помощи». Сердце тревожно сжалось от нехорошего предчувствия. А что, если?.. По всем законам детективного жанра сейчас мне предстояло наткнуться на остывающий труп главного свидетеля. Если это так, то объяснить полиции свое присутствие на месте преступления будет очень непросто – я ведь не сообщила следователю о копиях украденных документов, найденных в моем домашнем компьютере. Да уж! Ситуация!

С другой стороны, что такого? Подумаешь, «Скорая»! Я даже не уверена, что она стоит там, куда нужно именно мне. Да и бабульки не толпятся, а ведь всем известно – места преступления без этих вездесущих особ не бывает. В любом случае уходить вот так, несолоно хлебавши, не хотелось. Осторожно ступая «на мягких лапах», я приблизилась к подъезду и сличила надпись на двери с адресными данными, указанными в списке Креольского. Все сошлось! И что это значит? Да ничего! Мало в подъезде жильцов? К кому угодно могла приехать «Скорая».

Вздыхнув, я решительно толкнула дверь и шагнула в подъездный сумрак. И... Чуть не задохнулась от смрада. Отсутствие домофона и, как следствие, открытый доступ в парадную сделали свое дело – многие путали предквартирное пространство с общественным туалетом. Стараясь не дышать и внимательно глядя себе под ноги, я приблизилась к лестнице. По моим расчетам, Макарова жила на пятом этаже, но пользоваться лифтом отчаянно не хотелось. Не привлекала меня и лестница. Подумав немного, я все же предпочла пеший ход – в конце концов, удастся подкрасться к квартире незаметно.

Поднявшись на нужный этаж, я неуверенно замерла перед слегка приоткрытой дверью – снова дурной знак. Палец замер на кнопке звонка, но так и не утопил ее – что-то мешало мозгу послать ему соответствующий импульс. Неожиданно раздавшиеся за дверью голоса заставили меня метнуться на этаж выше. Прижавшись к трубе мусоропровода, я постаралась с ней слиться, стараясь ни о чем не думать и даже не дышать.

- Спасибо вам большое, что приехали. Вот, держите. – Интересно, мне показалось или в голосе говорившей действительно звучали извиняющиеся нотки? Вытянув шею, я взглянула в лестничный проем и увидела миловидную женщину средних лет, что-то быстро положившую в карман стоящего на пороге доктора. За его спиной маячил молодой парень – медбрат, по всей вероятности.

- Ну что вы, Валентина Дмитриевна, не стоит, – пробасил эскулап, но вернуть подношение тем не менее не попытался.

- Но вообще вы бы поговорили с психологом. У вашей матушки явная ипохондрия.

Женщина вымученно улыбнулась, но ничего не ответила. Еще раз поблагодарив врача, она закрыла за ним дверь. Скрежет механизмов возвестил, что медики вызвали лифт. Хлопнули створки, и площадка опустела.

Спустившись на пролет вниз, я снова замерла в нерешительности перед дверью, буравя взглядом звонок. Наконец, тяжело вздохнув, нажала на кнопку и вздрогнула, испугавшись неожиданно громкой трели.

Скрипнула половица, «моргнул» глазок, но замок даже не пошевелился – хозяйева не торопились отворять двери незваной гостье.

- Кто там? – этот простой и закономерный вопрос застал меня врасплох, ведь «легенду» придумать я так и не удосужилась.
- Извините, простите, дело в том, что...
- Извините, но мне некогда, ничего покупать не стану и о религии разговаривать тоже не буду.
- Нет, нет, вы не поняли, – опасаясь, что собеседница сейчас уйдет, я решилась сказать правду. – Меня зовут Соня Алтуфьева, и я... я... помощница нотариуса Креольского. Мой шеф убит, а дело о вашем наследстве... – Дверь распахнулась столь неожиданно, что, если бы не моя молниеносная реакция, дело могло закончиться, не успев начаться. С другой стороны, вряд ли «Скорая» уехала далеко, так что, по крайней мере, на медицинскую помощь мне вполне можно рассчитывать. Тьфу ты, вот вечно мое воображение заводит меня черт знает куда.
- Заходите, – улыбку стоящей передо мной женщины вряд ли кто-то смог бы назвать лучезарной. Скорее, вымученной.
- Вы извините, – хозяйка посторонилась, пропуская меня в коридор, – просто домофона нет, вот и ходят все кому не лень. А мама больна, и...
- Валечка, кто там? – в голосе говорившей было столько страдания, что я сразу поняла, к кому приезжала «Скорая». Сердце сжалось от жалости – женщина не иначе как при смерти, а тут я со своими расспросами. Но что делать – назвался груздем, полезай в кузов.
- Мама, это от нотариуса. Что-то по поводу завещания, – прокричала Валечка. Раздался шум, и на пороге появилась женщина, которая походила на умирающую примерно так же, как я на папуаса Новой Гвинеи. Да чего уж там – она даже на тяжелобольную не сильно смахивала. Несмотря на возраст, а даме было явно за шестьдесят, выглядела она потрясающе: тонкий точеный профиль, пухлые губы, глаза, словно озера. С такой внешностью даже сейчас можно сделать неплохую карьеру киноактрисы.
- А что там с завещанием? – в мире, как известно, нет гармонии, ибо голос женщины совсем не соответствовал ее внешности – старческий, брюзжащий, болезненный.
- Видите ли, мне ужасно неудобно, но оно украдено, – слова вылетали из меня, словно горох из порвавшегося мешка. – Вы, наверное, слышали, что Креольский – нотариус, который оформлял завещание, был убит. После его смерти обнаружилась пропажа некоторых документов. В том числе и завещания вашего мужа и, – я взглянула на девушку, – отца.
- Ах, какой ужас, какой ужас, – женщина схватилась за сердце. – Я всегда говорила, что эта страна катится в бездну. Я ведь говорила? Говорила, Валечка? А ты мне не верила, – дама сокрушенно покачала головой. – Видите ли, милочка, эээ... как там вас, бишь?
- Ой, простите, – спохватилась я. – Соня, Софья Алтуфьева. Я работала с Креольским, и...
- Вот и славно, – дама неожиданно ожила, – что же мы в проходе-то стоим? Валечка, пригласи девочку в гостиную. Предложи чаю. Что же ты? Мне неудобно за тебя. Где твои манеры?

Через несколько минут, потягивая ароматный напиток, весьма неплохой, кстати, я внимала речи вдовы наследодателя.

Как и у многих людей ее возраста, потребность в общении у Ольги Васильевны явно не совпадала с возможностями, поэтому подвернувшийся шанс изложить историю своей жизни

благодарному слушателю в моем лице она, разумеется, не упустила. Мне уже посчастливилось узнать о Валиных дедушке и бабушке. Теперь очередь дошла и до папы. В принципе, в конторе мне и не такое приходилось терпеть, так что моя тренированная голова не разбухла от количества полученной информации. А ведь вполне могла бы! Все это время сама наследница не проронила ни слова, сохраняя ледяное спокойствие, хотя кое-какие признаки недовольства уловить мне все же удалось.

- Так вот Валечкин папа... Я уже говорила, что он был известный психиатр? - женщина гордо вскинула голову. - Знали бы вы, каких людей он лечил! Да, да! А что вы думаете, многие из тогдашних боссов страдали теми или иными расстройствами психики. Но афишировать-то подобные болячки ведь не принято. Так что, - в голосе собеседницы послышались ностальгические нотки, - жили мы хорошо, я бы даже сказала зажиточно. Не то чтобы эта сторона меня как-то особенно волновала. Я ведь, знаете ли, натура больше духовная. Все эти деньги, шмотки - это все не про меня. И все же нельзя не отметить, что мы никогда ни в чем не нуждались и ни в чем себе не отказывали. Правда ведь, Валечка?

Валечка ограничилась кивком, а ее мать продолжила:

- Даааа. Хорошие были времена... А потом... - Ольга Васильевна с тоской обвела взглядом комнату, - потом... Дмитрий Иванович состарился, не мог больше работать, прежние друзья, как это часто бывает, отвернулись, ученики ушли, деньги закончились. Все это сильно подорвало его здоровье, а болеть нынче весьма дорого. Ой как дорого. Это я по себе знаю. Видите ли, деточка, у меня ведь у самой целый «букет» заболеваний. Чего только нет, чего нет, - Ольга Васильевна покачала головой, - в общем, какие и были ценности, мы все продали. Так что Валечка, - женщина горько засмеялась, - не богатая наследница. Совсем не богатая. А тут я еще... Что ни день, то сердечный приступ. Вот-вот к Димочке моему отправлюсь. Вообще никогда не думала, что переживу его - с моими-то болячками, а вот поди ж ты... Но ничего, недолго уж осталось. Сердцем чувствую. Хоть умирать и не хочется. Ох как не хочется. Так ведь не от нас же то зависит. Врачи вот ничего сделать не могут, да и не понимают они ничего. Вот взять хотя бы нашего районного кардиолога - выписал мне кучу препаратов, а толку? Больше того! Ведь у каждого лекарства масса побочных эффектов. И все это так влияет на меня, так влияет. Вот буквально за несколько минут до вашего визита «Скорая» приезжала. Только что они могут - фельдшера-то, коли уж светила медицинские не способны мне помочь?

- Мама! - Валя, сидевшая до сего момента очень тихо, решительно прервала говорившую: - Давай уже наконец узнаем, зачем Софья... э-э-э...

- Семеновна, - подсказала я.

- Семеновна, - эхом повторила девица и добавила, обращаясь уже к матери: - Давай узнаем, зачем она приехала к нам.

Ольга Васильевна обиженно засопела и демонстративно отвернулась к окну, но возражать не стала. Воспользовавшись образовавшейся паузой, я вкратце изложила цель визита. Мол, хотелось бы узнать, не пропал ли их экземпляр завещания, а также выяснить, на какой стадии находится наследственное дело. И все такое.

Увы, ожидаемой сенсации не случилось. Завещание у Валентины Дмитриевны оказалось в наличии. Отец умер совсем недавно, поэтому наследство открыть не успели - как-то недосуг было, да и торопиться, по сути, незачем. Ничего, кроме этой квартиры и ее нехитрого содержимого, Дмитрий Иванович не оставил.

- Богатство так себе, - горько усмехнувшись, добавила девушка, - сами видите, какой у нас район. Просто папа хотел избавить маму от всех юридических формальностей, вот и занялся завещанием.

Что ж, похоже, судьба подсунула мне «пустышку». Мотив для убийства нотариуса у этой семьи отсутствовал. Остается утешаться лишь тем, что отсутствие результата - ведь тоже результат.

- А вы почему варенье не кушаете? - любезно поинтересовалась «вдовствующая императрица». - С другой стороны, правильно делаете. В «Жить здорово» или... Это было в какой-то другой передаче о здоровье... Хотя это не важно, в общем, я точно знаю, что сахар... - не вникая в дальнейшее повествование, я стала готовиться к бегству, понимая, что сейчас главное - улучшить момент, найдя паузу в монологе. Увы, отыскать «брешь» в разговоре быстро не удалось, так как с «белой смерти» Ольга Васильевна переключилась на прочие продукты питания, подробно рассказывая о свойствах каждого из них. И все же не иначе как чудом мне наконец-то удалось выскользнуть из цепких «объятий» разговорчивой старушки. Нужно отметить, это оказалось более чем своевременно, так как еще чуть-чуть, и количество полученных мною сведений превысило бы предельно допустимые для моего мозга нормы. Эта тетушка одна могла бы заменить собой какую-нибудь небольшую радиостанцию - остается только посочувствовать ее несчастной дочери.

Но та стоически переносила выпавшие ей испытания. То ли святая, то ли просто привыкла. Как бы то ни было, но ее застывшее лицо не выражало никаких эмоций. Возможно, доченьку и достала мамаша, но характер или воспитание не позволяли ей это продемонстрировать. А может, и впрямь все происходящее казалось ей нормальным и естественным. Несомненно одно - разглагольствования престарелой дамы ее чаду удовольствия не доставляли. Во всяком случае, поддержать беседу Валя не стремилась.

Увы, но похвастать таким же терпением, что и младшая хозяйка дома, я не могла и уже начинала терять те крохи, которыми обладала, поэтому, дождавшись момента, когда Ольга Васильевна прервала свой монолог, чтобы набрать в легкие воздуха, поспешно, наверное, даже чересчур, вскочила из-за стола и, сославшись на занятость, поспешила откланяться. Откланяться - это громко сказано, ибо квартира была покинута мною со скоростью, которой мог бы позавидовать любой спринтер. Последствия стремительного бегства обнаружились очень скоро: примерно на втором этаже я заметила пропажу сумочки. Пришлось возвращаться. Подойдя к двери, я уж было поднесла руку к кнопке звонка, но на секунду замешкалась. Этого времени оказалось достаточно, чтобы изменить мои намерения. Тот, кто когда-либо проживал в типовой квартире, знает, что ее хлипкая дверь - слабая защита от шпионов. Особенно если вести разговоры в коридоре.

Не то чтобы подслушивание является моей привычкой, но происходящее в квартире, безусловно, заслуживало внимания, ведь флегматичная Валентина Дмитриевна, еще пять минут назад демонстрирующая невозмутимое спокойствие, сейчас явно находилась на грани истерики. Тонким, визгливым голосом, полным страха и ужаса, кричала она на своего, явно телефонного, собеседника. Особой информационной ценности беседа не имела, но зато давала пищу для размышления, так как по всему выходило, что мой визит разворошил осиное гнездо.

- Откуда я знаю! - кричала Валентина в трубку. - Она говорит, что помощница нотариуса... Якобы ее завещание интересует... Да, Креольский... А если она все-таки в курсе?.. Нет, я не могу успокоиться... Что ты предлагаешь: сидеть и спокойно ждать, когда меня арестуют?.. Приезжай немедленно... Мне плевать на твои дела, я не хочу в тюрьму, слышишь?.. Все равно! Ты должен устранить эту проблему... Да... Да, жду... И, пожалуйста, - в голосе женщины на этот раз прозвучала нежность, - будь осторожен. И я тебя... До встречи.

Подождав еще пару минут и убедившись, что продолжения не последует, я аккуратно отделилась от двери и стала спускаться вниз, так и не забрав ридикюль, но до того ли мне сейчас было?

Ух ты! Как там пишется в романах? Я обнаружила скелет в шкафу? Или... Впрочем, какая разница, главное другое – у этой семейки, по крайней мере у одного из ее членов, имеются какие-то секреты, раскрытие которых грозит ему тюремным заключением. А это значит... Это значит... Так, спокойствие – только спокойствие. Праздновать победу явно рано. В конце концов, что у меня есть? Ничего такого, что можно было бы предъявить следствию или Олегу Креольскому. Значит, нужно раздобыть больше информации. Но как это сделать? Дверь в этом жилище, конечно, хлипкая, но рассчитывать, что Валентина и ее таинственный визави станут обсуждать свои секреты прямо на пороге квартиры, не приходится. В этот раз мне повезло только потому, что разговор велся по стационарному телефону, который в квартире Макаровых, по старой советской традиции, установлен в прихожей.

Эх, сейчас бы какое-нибудь шпионское подслушивающее оборудование! Да только где ж его взять? Рассерженно пнув лежащий на моем пути камень, я с тоской оглядела убогий двор. Рассеянно водя глазами по вывескам расположенных здесь магазинов, чисто автоматически читала их заголовки – «Продукты», «Игрушки», «Автозапчасти»... Какая-то мысль на краю сознания заставила мой взгляд вернуться назад. Идея еще не успела оформиться, а ноги уже несли меня к павильону с надписью «Игрушки».

– Скажите, а у вас есть шпионские игрушки? – выпалила я, пытаюсь восстановить дыхание после стремительного марафона. Сердце отчаянно ухало где-то внизу живота.

Грузная продавщица нехотя оторвалась от разгадываемого кроссворда. Равнодушно скользнув по мне взглядом, она, не вставая с места – весьма ограниченная площадь торговой точки позволяла ей дотянуться рукой практически до любой полки, – бросила несколько игровых наборов на прилавок. И снова уткнулась в газету. На какой-то момент мне даже показалось, что каким-то чудом я перенеслась в славное советское прошлое. Только современный вид игрушек да иностранные надписи на картонных коробках – большинство из них украшали таинственные китайские иероглифы – возвращали к действительности.

Искомый предмет отыскался сразу. Идентифицировать его удалось по картинке, на которой был изображен мальчик с непропорционально большим ухом, прислоненным к двери. Вот оно! Кажется, мне удалось отыскать то, что искала! И цена как раз подходящая – моих скудных средств будет достаточно для того, чтобы приобрести это китайское чудо техники. До конца не веря в свою удачу, я потянулась за кошельком... Ну, конечно же! Сумочка ведь осталась в квартире Макаровых.

– Отложите, пожалуйста, эту игрушку, – завопила я так, что продавщица вздрогнула. – И ни в коем случае никому ее не продавайте!

Работница торговли лишь равнодушно пожала плечами и, сунув радар под прилавок, снова уткнулась в кроссворд. Хм, может, она попросту глухонемая? Хотя выяснить мне было недосуг.

Стремительным галопом помчалась я к подъезду, моля Бога о том, чтобы телефонный собеседник Валентины еще не успел заявиться. Кто знает, возможно, пока я тут ношусь по магазинам в поисках китайского чуда техники, все главное уже состоялось. Вдруг Валя со своим визави как раз на пути к канадской границе. Ищи их потом свищи, доказывай причастность к расследуемому мной преступлению.

Но волновалась я напрасно. Судя по разочарованию, написанному на лице Вали Макаровой, она ожидала увидеть на пороге отнюдь не меня.

- А, это вы, - разочарованно протянула женщина, подавая мне сумку. И не очень искренне пожелав мне всего хорошего, захлопнула дверь прямо перед носом.

Глава восемнадцатая

Женщины, конечно, умнее мужчин. Вы когда-нибудь слышали о женщине, которая бы потеряла голову только от того, что у мужчины красивые ноги?..

Ф. Раневская

- Ну, чего ты паникуешь? - в голосе мужчины слышалось плохо скрываемое раздражение. - В конце концов, что такого произошло?

Несмотря на сомнительный вид и низкую стоимость, приобретенная мною вещица оказалась вполне работоспособной. Возможно, для выполнения шпионских миссий она и не подойдет, но конкуренцию стеклянной банке - традиционному «инструменту» любопытствующих соседей - точно составит.

По крайней мере, разговор Валентины с ее таинственным собеседником я слышала так же отчетливо, как если бы находилась с ними в одной комнате. И очень хорошо, так как беседа явно заслуживала внимания.

- Ага, а по-твоему, я могу оставаться спокойной, когда она тут ходит и что-то вынюхивает?

- Да что вынюхивает-то? - мужчина явно начинал терять терпение. - Ну, пришла, ну поинтересовалась завещанием, осмотрела ваше скудное жилище. Только умалишенный, видя все это, заподозрит тебя в преступлении! Успокойся, пожалуйста. Сколько можно вздрагивать от каждого шороха?

- Конечно, - Валентина всхлипнула, - тебе легко говорить. А я за всю жизнь... - девушка разрыдалась, - да я даже дорогу всегда перехожу исключительно на зеленый свет. А тут...

- Ну-ну. Ну что ты, дуреха... Ну, все, все. Перестань. Потерпи еще чуть-чуть. Все скоро закончится, и мы уедем отсюда. Навсегда. Будем жить долго и счастливо и умрем в один день.

Валентина снова всхлипнула, но проговорила уже заметно спокойнее:

- Обещаешь?

- Конечно, я же люблю тебя, Валюшка. Ты все для меня в этой жизни. Давай вытирай слезы и завари-ка мне лучше чайку.

Раздавшиеся шаги возвестили, что Макарова удалилась. По всей видимости, на кухню. Я еще долго стояла у двери, рискуя быть застуканной, но ничего интересного так и не разузнала. Жених, которого, как выяснилось, звали Сергеем, видимо, действительно питал к нашей Вале самые трепетные чувства, ибо только безумной любовью можно объяснить его терпение - такая мамаша, по моему мнению, могла отвадить любого жениха. Я тяжело вздохнула - везет же некоторым. И не красавица, и не особая умница, бесприданница, да еще и с таким «довеском», как капризная родительница, а в личной жизни полный порядок. Мне вот

Андрейка никогда не говорил таких слов, как Сергей Валюше. А может, с ним что-то не так? Возможно, он кривой там или косой? Может, эта женщина – его последний шанс в жизни на счастье?

Не мешало бы взглянуть на пылкого Ромео. Но как это сделать, не рискуя быть замеченной. Хотя... Чем черт не шутит. Дождавшись, когда парень отклоняется, я прытко отскочила от двери, поднялась этажом выше и уселась на ступеньки, прислонившись к стене, стараясь слиться с ней. Дверь в интересующей мною квартире скрипнула, пропуская кого-то, а затем аккуратно закрылась, отгораживая обитателей жилища от внешнего мира. Раздались шаги, звук поднимающегося лифта, лязганье его дверей. Как только подъемник, гремя механизмами, отправился вниз, я кубарем скатилась по лестнице, пытаюсь опередить мужчину. Надо сказать, волновалась я напрасно. Даже снизив скорость в два раза, и то наверняка не опоздала – спешить и суетиться не в привычках старых лифтов. Как бы то ни было, но на первом этаже я оказалась значительно раньше Сергея. Подождав его какое-то время, поднявшись на пролет вверх, как ни в чем не бывало принялась спускаться с лестницы, напевая под нос веселый мотив. Опасаться, что парень меня узнает, было нечего, поэтому я совершенно спокойно позволила нам столкнуться нос к носу. И... обмерла! Вот это поворот судьбы!

Сердце перегоняло кровь с такой силой, что пульсация ощущалась в каждой клеточке тела. Еще бы, ведь передо мной стоял сам Серега Сомов! Тот самый, которого люди Креольского неистово искали по всей стране. А он тут – считай, под самым носом. По крайней мере, под моим. Мозговые шестеренки завертелись с невероятной скоростью, заводя мыслительный механизм. Тот включил воображение, и оно стало выдавать картинки на манер того, как игровой автомат вертит барабан с изображенными на нем призовыми символами. Вот промелькнула «единичка» – передо мной убийца. За ней следом промчалась «пятерка» – я его узнала! А вот и «семерки» подоспели – он меня тоже. В итоге загоревшаяся лампочка оповестила о сорванном мною джекпоте – поздравляем, вы выиграли и теперь должны умереть! А что? Темный глухой подъезд, и я один на один с человеком, которому все равно нечего терять. Выдав столь гениальную мысль, мой мозг расслабленно отключился. Дальше, мол, разбирайся, голубушка, сама.

Я где-то читала, что в момент опасности человек мобилизует все свои ресурсы, усиленно разыскивая способы спасения. Но то ли сведения оказались ложными, то ли моя персона явилась тем самым исключением, без которого, как известно, не обходится ни одно правило, но никаких спасительных идей в голове не возникло. Более того! Там вообще не оказалось никаких идей и мыслей. Казалось, перегруженный мозговой аппарат попросту вырубился – сознание демонстрировало черный экран.

- Пииииииииииии, - пронеслось в голове.

- Здравсьте, - я удивилась, поняв, что царящую в подъезде тишину нарушил мой собственный голос. В конце концов, угроза жизни не повод забывать о хороших манерах.

- Привет, - буркнул в ответ Сомов и решительно зашагал к выходу.

«Так, стоп, - в последний момент я успела захлопнуть рот и не произнести эту фразу вслух. - А как же я? Что же это значит? Неужели?» - пронесшиеся калейдоскопом чувства продемонстрировали целую гамму эмоций, от удивления до обиды. Это что же выходит? Сомов меня не узнал? Мой чудный образ не запечатлелся в его сознании? Конечно, в подобных обстоятельствах это мне явно на руку, и все же моему самолюбию только что нанесли довольно ощутимый удар. Наверное, Ольгу – девушку братьев Креольских – он бы запомнил. Мысль о более счастливой сопернице кольнула в самое сердце, напомнив о цели моего визита в этот

дом. Я ведь хотела в одиночку найти убийцу шефа, доказав его брату... Что именно мне хотелось доказать Олегу Креольскому, я и сама не знала. Пожалуй, не стану думать об этом сегодня, подумаю завтра.

Пока же нужно было торопиться: нельзя упускать Сомова из виду. Конечно, испытывать судьбу вечно мне вряд ли удастся, но, раз уж она пока все равно ко мне благосклонна, следует использовать это на полную катушку. С другой стороны, азарт погони уже будоражил кровь, а бурлящий в ней адреналин заставил забыть о только что пережитом ужасе от встречи с предполагаемым убийцей. Крадучись вышла я из подъезда и огляделась по сторонам в поисках объекта слежки. Тот обнаружился очень скоро - оказалось, он сидел в припаркованную напротив подъезда машину. Да уж, тоже мне Нат Пинкертон, ничего не скажешь. И что прикажете теперь делать? Цепляться за бампер или повиснуть на крыше? Я, конечно, в отличной физической форме, но не настолько, чтобы догнать автомобильный транспорт. Но даже обладай я способностями гепарда, вряд ли стоило рассчитывать на то, что мой непринужденный бег за машиной останется незамеченным. Видимо, придется унять свой пыл и чапать на автобусную остановку. Что я и сделала, уныло втянув голову в плечи.

Кляня свою горькую судьбу и отсутствие транспорта, я уныло ступила на дорогу и чуть было не угодила под колеса резво мчащейся машины. Старенькая иномарка, шурша протертыми шинами, неслась куда-то с несоответствующей ее состоянию скоростью. Не желая выслушивать справедливые обвинения в ротозействе, я еще ниже опустила голову и отскочила на тротуар, планируя как можно быстрее ретироваться с «места преступления». Еще не хватало привлечь внимание Сомова скандалом с водителем, который, по моему горькому опыту, мог случиться с изрядной долей вероятности.

Глава девятнадцатая

Женщины - это не слабый пол.

Слабый пол - это гнилые доски...

Ф. Раневская

Но моим планам и в этот раз не суждено было осуществиться. Взвизгнула истертая резина, оповещающая о стремительной остановке транспортного средства, скрипнула его раздолбанная дверца, и мужской голос зловещим шепотом приказал мне садиться в машину.

Неужели это все? - стремительно пронеслось в голове. Ни испуга, ни отчаяния, только удивление от осознания того, что вот так нелепо и глупо оборвется моя молодая жизнь. Правда, неожиданно проснувшийся инстинкт самосохранения, уж лучше поздно, чем никогда, приказал поганой метелкой выметать из сознания глупые и нелепые мысли. Рано, рано мне еще погибать, мы еще повоюем! Подумав так, я тут же «поддала газу», стремительно замелькав пятками в направлении остановки. Не будут же меня, в самом деле, силой запикивать в машину среди бела дня!

Оказалось, что будут. Чья-то сильная рука неожиданно обхватила мои плечи, и, несмотря на отчаянное сопротивление, ее обладатель поволок меня в машину. Удивительно, как легко удалось ему затолкать меня в салон. Все произошло столь стремительно, я даже пикнуть не успела. А и успела бы, все равно не смогла бы, ведь мой похититель предусмотрительно закрыл мне рот второй рукой.

- Что вы себе позволяете? - срывающимся на фальцет голосом пропищала я глупую

и неуместную, но единственную пришедшую в голову фразу, как только водитель ослабил железную хватку.

- Это ты что себе позволяешь? - услышала я неожиданно знакомый голос. Наконец-то отдышавшись, я повернула голову в сторону говорящего, не позволяя сильно обнадеживаться и верить своему счастью. На водительском сиденье восседал Креольский собственной персоной. Ну, не тот, конечно, которого похоронили, а его брат. Хотя в тот момент он был здорово похож на покойного шефа. Те же раздутые от гнева ноздри, те же глаза, метающие молнии.

- Где тебя черти носят и какого черта ты тут делаешь?

Скромно потупя очи долу, я обиженно засопела. В конце концов, я тут убийцу его родственника разыскиваю, а он так со мной разговаривает! Сам-то, поди, прохлаждался, а я... В тот момент у меня как-то совсем вылетело из головы, что Олег был на похоронах брата. Вряд ли подобное времяпрепровождение можно назвать «прохлаждением». Но обида, как известно, редко способствует объективному восприятию событий.

Так и не дождавшись ответа, мой неожиданно вновь обретенный компаньон сменил тактику и заодно гнев на милость.

- Ладно, извини, - миролюбиво пробормотал он, - погорячился, был не прав, исправлюсь.

«То-то же», - подумала я, но озвучивать мысль не решилась, а только кивнула, принимая извинения.

- Так все же, что ты тут делаешь? - повторил вопрос Олег, не отрывая глаз от дороги. Проследив его взгляд, я увидела на некотором отдалении автомобиль Сомова и чуть не схватилась за руль, истошно огласив салон диким воплем:

- Вот он! Вот! За ним!

По моим наблюдениям, Креольский был парнем крепким, на расшатанные нервы не жалующимся, но тут даже он, по всему видно, испугался. Вздогнув и чуть не выпустив баранку из рук, он спросил испуганно-удивленно:

- За кем? Куда? Чего?

- За Сомовым, конечно! - вновь закричала я.

Олег расслабленно откинулся на спинку водительского сиденья.

- Знаешь, - проговорил он, ехидно ухмыляясь, - ты, наверное, не поверишь, но у меня прекрасный слух. И зрение.

- Это ты к чему? - удивленно спросила я, понизив все же голос на полтона.

- К тому, что не надо так кричать. Тем более что мы уже минут пять как следим за твоим черным риелтором. Собственно, поэтому я и оказался в том дворе, а вот что ты там делала, это еще предстоит выяснить, - в этом месте мой собеседник повернулся ко мне и одарил взглядом Мюллера из легендарной киноленты. «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться». Кажется, я снова под подозрением. Что ж, мне не привыкать - с моим-то талантом вляпываться в истории.

- Тебе как лучше: короткую версию или подробный отчет? - вопрос был задан нарочито-деловым тоном - пусть знает, что меня не запугать всякими там киношными взглядами.

- Давай быстро, детали потом, - сдавленным голосом ответил Олег. Напряжение в его голосе ощущалось столь явственно, что я даже испугалась, - пожалуй, мне придется потрудиться, чтобы вернуть утраченное доверие. Правда, вскоре оказалось, что я ошибаюсь - дело было вовсе не во мне. Мы проследили за Сомовым до какого-то здания, в котором он благополучно исчез, и теперь Креольскому предстояло решить, что делать дальше.

Именно поэтому он выслушал мой сбивчивый рассказ вполуха. Если бы не короткие уточняющие реплики, я вообще могла бы подумать, что он меня не слушает.

- Хм, - произнес Креольский, когда я наконец замолчала.

- И все? Только «хм»? Больше тебе сказать нечего? - предел моего возмущения терялся где-то в стратосфере. - Я, можно сказать, жизнью рисковала, откапывая для тебя информацию, а ты реагируешь так... так... сухо, - мне наконец-то удалось отыскать подходящие слова.

- Угу, - казалось, Олег попросту издевается надо мной. Или он внезапно утратил способность к членораздельной речи, перейдя на междометия. Интересно, может, это какое-то особое нервное расстройство. В конце концов, человек только что похоронил брата-близнеца, так что ждать от него адекватного поведения вряд ли стоит. Покосившись в сторону визави, я на всякий случай ближе придвинулась к дверце, взявшись за ее ручку - мало ли, вдруг придется стремительно катапультироваться - события последних дней явственно продемонстрировали мне необходимость быть готовой к любому развитию ситуации.

- Слушай, - после довольно продолжительной паузы произнес Олег, - мы с тобой непременно все это обсудим, но позже. Сейчас нам во что бы то ни стало нужно поговорить с Сомовым. Сдается мне, парень способен осветить многие темные пятна этой истории. Но сама понимаешь, если убийца именно он, схватка будет жестокой. Поэтому ты сейчас выйдешь из машины и отправишься ко мне домой. Вот ключи, - Креольский вытащил из кармана связку и протянул ее мне, - это на всякий случай, - пробормотал он, как мне показалось, смущенно. - Вообще-то в квартире должна быть Ольга. - Острая иголка ревности кольнула меня в самое сердце, но виду я, разумеется, не подала. В данной ситуации демонстрация подобных чувств оказалась бы, мягко говоря, неуместной.

- Никуда я не пойду, - казалось, мой язык неожиданно обрел автономию от мозга и теперь демонстрирует свою независимость. Разум кричал: «Бери ключи и беги что есть мочи», в то время как с губ слетали совершенно другие слова: - Вернее, пойду, - и откуда только взялась эта сталь в голосе? - Но только с тобой. В конце концов, я заслужила право активно участвовать в расследовании, - для пущей убедительности я даже ногой топнула, в ответ на что резиновый коврик в машине обиженно скрипнул.

- Послушай, - в голосе Олега слышалась усталость, - у меня выдался ужасный день, и сейчас мне предстоит важное и, вполне вероятно, опасное мероприятие. Так что на дискуссии с взбалмошными барышнями у меня нет ни времени, ни сил. Давай облегчим друг другу жизнь и разойдемся по-хорошему. О'кей?

Это я-то взбалмошная барышня? Ну, возможно, есть немного, но только самую малость. И вообще это все на благо общего дела. Неблагодарный! Что ж, ладно, я... я... я... Что именно я сделаю, в голову так и не пришло, поэтому пришлось ограничиться демонстрацией своего негодования: одарив парня самым презрительным взглядом, на который я была способна,

я выхватила ключи и, гордо ретировавшись из машины, стремительно зашагала в сторону видневшейся неподалеку автобусной остановки.

Хлопнувшая дверца и короткий характерный звук, издаваемый брелоком сигнализации, известили о том, что Олег также покинул автомобиль. Видеть я этого не могла, но догадывалась, что он направился в противоположную от моего маршрута сторону. Что ж, значит, самое время привести свой план в действие.

Плясать под дудку Креольского теперь, когда мы в полушаге от поимки убийцы, я не собиралась. Опасно это или нет, но мне непременно следует присутствовать при задержании преступника. И уж тем более в мои планы не входило дать Олегу погибнуть в одиночку. Почему-то мне было очень важно, чтобы он остался в живых, и обычное человеколюбие вряд ли могло быть единственным этому объяснением.

Глава двадцатая

Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать...

Ф. Раневская

Как бы то ни было, но для начала я замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. Осторожно повернув голову и убедившись, что Креольский не смотрит в мою сторону, я аккуратно двинулась следом за ним, демонстрируя чудеса отнюдь не свойственной мне ловкости. Нежной поступью двигалась я по тротуару, стараясь держаться в тени дома.

Да я просто профессиональный шпион! – стремительно промелькнувшая в голове мысль озарила радость сердце. Но тут случилось то, что, в общем-то, и должно было случиться, учитывая мою отнюдь не свойственную разведчикам способность попадать в нелепые ситуации. Залюбовавшись нарисованным воображением образом, я споткнулась о мирно дремавшую на дороге кошку. Четвероногое животное, явно не привыкшее к подобному обращению, что даже как-то странно для уличного обитателя, истошно закричало и вцепилось мне в ноги. Причем это не было мстью с ее стороны, просто спросонья мохнатый зверь, по всей видимости, перепутал меня с деревом, на которое, как известно, мяукающие создания предпочитают взбираться в минуту опасности. Ловко карабкаясь по моим голым ногам и оставляя на них кровавые царапины, дикое животное быстро достигло кое-как защищенного тонкой тканью тела. Это облегчило его дальнейшее передвижение, чего не скажешь о моих ощущениях, которые по-прежнему оставались весьма болезненными.

Путешествие кошки заняло не более нескольких секунд, но, поверьте, это были самые мучительные мгновенья в моей жизни, о чем я и поведала миру истошными воплями. Наконец зверь достиг «кроны дерева», то есть моего лица и вперился взглядом мне в глаза, видимо размышляя, что ему делать дальше – вцепиться в них или все же попытаться найти спасение где-нибудь в другом месте.

Стоит ли говорить о том, что лично я бы предпочла второй вариант, но, увы, моего мнения здесь, похоже, никто спрашивать не собирался. Конечно, я могла бы помочь несчастному животному принять решение, сбросив его с себя, если бы только оказалась способна мыслить здраво. Но, как это со мной часто бывает в критических ситуациях, я предпочла всем иным действиям впасть в ступор. Так я и стояла с повисшей на мне кошкой, когда из подъезда, по-видимому на шум, выскочил Креольский.

Уж не знаю, какую именно картину успело ему нарисовать его воображение, но, уверена,

совсем не ту, которую он лицезрел воочию. В два прыжка он оказался рядом со мной и, отодрав испуганную кошку, довольно небрежно отбросил ее в сторону. Окажись в тот момент рядом защитники животных, уверена, им бы это очень не понравилось. На наше счастье, мимо не проходил ни один гринписовец и даже никого из старушек, известных любителей мяукающих млекопитающих, поблизости не наблюдалось. Поэтому не самое бережное обращение с кошачьими сошло Креольскому с рук. Мне же повезло гораздо меньше. Бордовые дорожки следов кошачьих когтей «украшали» все видимые части тела. Из одной, особенно глубокой, сочилась кровь, тонкой струйкой стекающая по ноге. Видок, в общем, тот еще. Но куда хуже оказалось осознание того факта, что это еще не самые страшные последствия моего неосторожного поведения. Судя по всему, самые яркие, но не положительные эмоции ожидают меня впереди. О справедливости данного подозрения свидетельствовали многие признаки: раздувающиеся ноздри Креольского, сила, с которой он схватил меня за предплечье, стремительность, с которой потащил к подъезду. Окончательно мнение о его благожелательном ко мне отношении улетучилось после того, как мужчина, затолкав меня в прохладный тамбур, прошипел в самое ухо:

- Что ты, черт возьми, делаешь?

- За тобой слежу, - собственный голос прозвучал как будто со стороны. Вот дура-то! Никогда не умела врать на ходу. Ведь могла же придумать оправдание своему непослушанию. На худой конец, сказала бы, что просто проходила мимо. А что - у нас вроде бы пока свободная страна. Где хочу, там и гуляю. А то, что маршрут променада проходит возле этого дома, так это чистое совпадение. Увы, я отношусь к тем, про кого говорят «умен задним числом». Все эти невинные, хоть и не очень правдоподобные отговорки пришли в мою светлую голову уже после того, как я выпалила свое «за тобой слежу». Но первое слово, как известно, дороже второго, да и не воробей оно - после того как вылетит, назад не воротить. Ну или как там в народе говорят. Хотя что так, что эдак, я все равно попала.

На мое счастье, от неминуемой расправы меня спас очередной финт судьбы в лице Сомова. Какие бы дела ни привели его в этот дом, к этому моменту он их закончил. Словно ошпаренный, риелтор мчался прочь от подъезда, столкнувшись нос к носу в проходе с нашей «сладкой парочкой». И на этот раз он меня точно узнал! Во взгляде, словно на вокзальном световом табло, побежала цепочка мыслей, сопоставляя факты и связывая их в единое целое. На все про все ушло не больше нескольких секунд, после чего, к моему великому удивлению, Сомов припустил бежать. Если этот человек и был опасен, то в данный момент он решил этого не демонстрировать.

Чертыхнувшись, Креольский помчался следом, размахивая руками, словно заправский бегун. В тот момент он здорово напоминал древнегреческого атлета. Ну знаете, как их изображали на амфорах, за исключением наличия на нем одежды. Как известно, олимпийцы соревновались в беге абсолютно нагими. Услужливое воображение тут же живописало яркую картину, сорвав с Олега штаны и рубашку. Немного погодя в небытие отправились и плавки. А что? Мои мысли, что хочу, то и делаю. Так и бежали двое мужчин по двору: один в одежде, другой - демонстрируя стройные ноги и упругие ягодицы.

Но все хорошее, как известно, длится недолго. После того как Креольский догнал Сомова и повалил его на землю, мне пришлось парня все же «одеть». Согласитесь, голый мужик со сбившимся дыханием, лежащий сверху на другом, не самая приятная картина. Вернее, возможно, для кого-то это и так, но я лично в данной ситуации предпочла видеть их обоих в полном облачении.

Тряхнув головой и избавляясь от наваждения, я уныло побрела к копошащимся в пыли

мужчинам.

- А ну, отпусти его! - грозный окрик раздался откуда-то сверху. Подняв голову, я увидела высунувшуюся из окна дородную тетку средних лет с перекошенным от гнева лицом. - Люди добрые, - принялась она голосить, - что же это делается? Среди бела дня бандиты нападают. И куда милиция, тьфу ты, полиция только смотрит!

Лично я предпочла бы не выяснять, куда именно смотрят наши доблестные правоохранительные органы, встреча с которыми мне, по вполне понятным причинам, не сулила ничего хорошего. Именно поэтому я ускорила и в два прыжка оказалась возле противников.

К тому времени Креольскому удалось одержать окончательную и вполне себе уверенную победу, и теперь он, заломив Сомову руки за спину, волоком тащил его к машине.

Здесь он запихал его на пассажирское сиденье и сам устроился рядом, жестом приказав мне садиться за руль. Вопреки обыкновению, в этот раз я проявила чудеса ловкости - ни одного пострадавшего животного или тем более человека.

Поворот ключа в замке зажигания, ровный рев мотора, визг покрышек - и вот мы уже мчимся прочь из двора в неизвестном для меня направлении. Хорошо еще, что маршрут нашего путешествия волновал не только меня, так как куда ехать, я не знала, но и спросить не решалась. Как ни странно, за меня это сделал Сомов.

- Куда вы меня везете? - высоким, срывающимся на фальцет голосом поинтересовался он.

- В полицию, - спокойно проговорил Креольский.

Удивленно вскинув брови, я взглянула в зеркало заднего вида и встретилась взглядом с Олегом. Тот коротко кивнул, подтверждая, что не блефует. Вот тебе на! А я-то уже представила себе красочную картину, в которой Сомов со связанными за спиной руками восседает на стуле, а мы с Креольским, изображая доброго и злого полицейского, ведем допрос. Даже обидно! Ради чего, собственно, я рисковала жизнью в неравной схватке с хвостатым животным? Ради чего получила кровавые, саднящие раны? Чтобы эти дуболомы-следователи, подозревающие меня в убийстве, пожинали плоды нашей с Креольским детективной работы? Неожиданно солидарность со мной разделил Сомов, который, по всей видимости, также не жаждал отдаться в сильные руки правосудия. Именно поэтому, уловив момент и дождавшись, когда Олег ослабит хватку и бдительность, черный маклер распахнул дверцу машины, намереваясь покинуть ее на полном ходу. Я взвизгнула и резко ударила по тормозам. Машина, проявив несвойственную для ее возраста и состояния отзывчивость, остановилась как вкопанная, оставив на асфальте минимальный тормозной путь. И снова визг тормозов - на этот раз идущей сзади машины. Оглушительный гудок клаксона и нецензурная брань сообщили мне все, что ее водитель думает о «тупой блондинке, купившей права и ездить не умеющей». Вцепившись в руль, я пыталась отдышаться и не думать о своей карме, подвергавшейся в данный момент мощному и явно негативному воздействию. Пожалуй, столько гадостей в свой адрес я не слышала никогда, и это при том, что несколько лет проработала на своего шефа, который, как я уже упоминала, был тот еще козел.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Взглянув в боковые зеркала, я с удивлением обнаружила, что Креольский уже давно покинул салон и теперь вытаскивает за шкирку неожиданно присмирившего возмутителя моего спокойствия. В два шага дотаскив его к нашей машине, он распахнул водительскую дверцу и наклонил голову дядьки так, что она

оказалась аккурат напротив моей. Хм, где-то сегодня я уже видела точно такой же взгляд. Точно! Именно так: затравленно и испуганно полчаса назад на меня взирала кошка.

- А теперь извиняйся, - услышала я стальной голос Олега.

- Простите, - пролепетал несчастный мужик, который, по всему видно, проклинал тот день, когда вообще получил водительские права. Понять его, собственно, можно: только что чудом избежал смерти в ДТП, и вот уже она грозит ему от рук явно неадекватного гражданина.

- Извинения приняты, - буркнула я и неожиданно ойкнула: - Ой, смотри, Сомов.

Креольский проследил взглядом в указанном мной направлении и, чертыхаясь, побежал за улупетывающим со всех ног риелтором. Ясное дело, что наш совсем недобровольный пассажир не преминул воспользоваться ситуацией, которую до этого сам и создал.

Включив «аварийку», я навалилась на руль и с интересом принялась наблюдать за погоней. Все происходящее напоминало кадры остросюжетного фильма: вот Сомов ловко обогнул резко затормозившую «Шкоду», а вот Креольский перелетел через капот «Форда». Машины тормозили одна за одной, так как убегающий, вопреки логике, не стремился покинуть пределы дороги, а бежал прямо по проезжей части, словно вознамерился покинуть этот бранный мир, пополнив список трагически погибших в ДТП.

Через какое-то время мне пришло в голову, что такими темпами недолго и потерять мужчин из виду, поэтому, выключив надоедливо тикающую аварийку, я медленно тронулась за ними, аккуратно лавируя между стоящими транспортными средствами. И хотя дорожная ситуация не позволяла мне сильно давить на педаль газа, догнать бегущих удалось довольно быстро. Подоспела я вовремя - Креольский как раз повалил Сомова на землю - второй раз за день. Надо же, не мужики, а ваньки-встаньки какие-то.

- Жми! - коротко бросил Олег, затолкав риелтора в салон. На этот раз я проявила чудеса сообразительности и отменную реакцию - взвизгнули покрышки, и автомобиль резво помчался по дороге, обгоняя медленно трогаящихся «соседей». Я заметила, что многие водители торопливо убирают в карман сотовые телефоны, и поняла, что сегодня одним интересным роликом в Сети станет больше. Да уж, ситуация! А ведь, пожалуй, наши с Креольским действия вполне тянут на уголовную статью о похищении людей. Вот только нового уголовного дела мне не хватало.

Причем, если в своей невиновности по первому эпизоду я уверена, насчет второго имелись серьезные сомнения.

Правда, времени на то, чтобы развивать эту мысль дальше, особенно не было. Сейчас мне предстояло сосредоточиться на дороге - машин становилось все больше, а мои водительские навыки оставались на прежнем, минимальном уровне.

Шурша шинами, ракетой мимо промчался внедорожник. Вслед за ним мелькнула какая-то красная иномарка, за рулем которой, как я успела заметить, сидела ослепительного вида блондинка. Автомобили обгоняли нас один за другим, и как ни старалась я прибавлять скорость, нога все равно очень быстро возвращалась на педаль тормоза. Креольский же вел себя так, будто вознамерился окончательно похоронить крохи моей уверенности в себе: громко вздыхал и отдавал приказы, исполнить которые, впрочем, я все равно не могла.

- Обгоняй, - бывало, кричал Олег, но к тому моменту, как я заканчивала все необходимые для маневра действия (пять поворотов головы, три взгляда в зеркала, глубокий вдох и выдох),

дорожная ситуация уже в корне менялась и ни о каком обгоне не могло идти и речи. Аналогичным образом обстояли дела и с прочими указаниями Олега. В конце концов, он, отчаявшись что-то изменить, вынужден был сдаться. Мужчине оставалось только молча страдать и, как я подозреваю, тратить моральные силы на сдерживание бушующих в груди эмоций. Что касается усилий физических, то все они были направлены на удержание недобровольного пассажира. Сомов оказался личностью крайне упорной. Постигшая его неудача с побегом если чему и научила, то только тому, что нужно пробовать вновь и вновь. То и дело слышала я за спиной звуки борьбы, свидетельствующие о том, что риелтор не оставляет попыток одолеть Креольского. Хотя, кто знает, возможно, его просто привлекает сам процесс – ну, нравится человеку меряться силами с достойным противником. Не то чтобы я была против этого в принципе – в другое время и в другом месте пусть бы себе мужчины тешились, но сейчас меня это здорово отвлекало и раздражало. Салон автомобиля не отличался большими габаритами, в отличие от возящихся в нем представителей мужского пола, поэтому все их пинки и толчки моя спина ощущала довольно явственно, несмотря на защищавшую ее спинку кресла. В конце концов все это мне надоело, и я, неожиданно для себя, рывкнула:

– А ну прекратите, если не хотите закончить свою жизнь в дэтэпэ. Я вам гарантирую, что это непременно произойдет, если вы сейчас же не успокоитесь!

Неожиданно, даже для меня, угроза подействовала, и возня прекратилась. Более того, перестав пихаться и толкаться, Сомов продемонстрировал склонность к разумному диалогу и даже сам его инициировал.

– Слушай, – обратился он к Креольскому, – к смерти твоего брата я имею примерно такое же отношение, как к ремонту дорог и выделяемых на него денег. Внешне – связь очевидна, на деле – ничего общего. И вообще на ту ночь у меня стопроцентное алиби. Так что вам визит в полицию точно ничего не даст, а мне будет ой как плохо!

– Угу, – буркнул Олег, – интересно, и почему, ты думаешь, меня это должно волновать? Мне до твоих проблем не больше дела, чем блондинке до мировой политики. Тут даже связи никакой не прослеживается – совершеннейшая пустота, зеро.

Судя по затеявшейся сзади возне, Сомов, презрев мои угрозы, вновь вознамерился выскочить прямо на ходу. Уж какой там болевой прием использовал Креольский, я не знаю, но трепыхалась наша птичка недолго.

– Если тебе нечего скрывать, чего бегаешь? – наконец догадался задать Олег вполне закономерный и давно ожидаемый мною вопрос. – И чего так рвешься выскочить на ходу? В конце концов, расскажешь в полиции свою байку и пойдешь на все четыре стороны.

– Да как ты не понимаешь? – голос Сомова сорвался на крик, неожиданно продемонстрировав тонкий фальцет. – Нельзя мне светиться! Ментов я не боюсь, но у него везде свои люди! Стоит мне только показаться в полиции, и все – мне каюк, крышка! Отправлюсь вслед за твоим братцем-покойником. Я следующий!

– Так, – если Креольского и впечатлила пламенная речь его собеседника, то он это ничем не выдал. – А теперь обо всем по порядку, медленно и не торопясь. Соня, – я даже не сразу поняла, что он обращается ко мне, – ну-ка притормози у обочины, послушаем нашу бабу-рассказчицу. Сомневаюсь, что ее сказка придется мне по душе, но как знать... Чем черт не шутит.

- В общем, так, - то и дело сбиваясь от волнения, Сомов торопливо приступил к повествованию. - Это только так кажется, будто риелторство - золотое дно. Когда-то, кстати, так и было, а сейчас... Рынок растет, конкуренция тоже. В посредники идут все кому не лень, сбивая цену и не гнушаясь самыми разными способами по завоеванию клиента. В общем, работа так себе. А у меня семья... Ну, - Сомов сбился, - скоро будет, по крайней мере. И вообще, - неожиданно в его голосе послышался вызов, - мы ничего плохого не делали. Находили одиноких алкашей, обрабатывали, предлагали деньги и переезд куда-нибудь в деревню. Ничего такого, вы не подумайте, - наш пленник явно испугался, что мы сделаем очевидные в данной ситуации выводы. - Никакого криминала! Не мы, так другие. Только мы о своих клиентах заботились, все по-честному: и домик на свежем воздухе, не хоромы, конечно, но вполне приличный, и машина для переезда, и даже деньги на первое время. Если хотите, так мы их даже спасали! - Риелтор говорил совершенно искренне, казалось, он и сам верил в то, что рассказывал. - Рано или поздно ими бы все равно заинтересовались. Такие люди долго без внимания не остаются.

- Давай ближе к делу. То, что вы с моим братом организовали отряд «тимуровцев», мы уже поняли.

- Ну вот, - буркнул обиженно Сомов. Он, видимо, рассчитывал как минимум на скупую мужскую слезу Креольского и несдерживаемые рыдания чувствительной барышни, то бишь меня. Но, увы, наше представление о его деятельности явно отличалось от картинки, нарисованной мошенником в свое оправдание. - Схема была проста: я подгонял клиентов, Олег оформлял договор купли-продажи. По закону, нотариально заверенные сделки регистрируются в присутствии сторон. Сами понимаете - в регистрационный орган алкаша не приведешь, там на этот счет свои инструкции. Да и клиент у нас специфичный. Помой его, приведи в порядок, дай протрезветь, вмиг смекнет свою выгоду, и, считай, вся работа насмарку. А так все идеально и законно... Почти... - добавил Сомов, перехватив мой удивленный взгляд.

- Понятно... - протянул Креольский, хотя по его лицу было не ясно, как именно он воспринял новость о нечистоплотности брата в делах. - Что же случилось потом? Месть одумавшегося клиента?

- Если бы! - на этот раз в голосе риелтора явственно читалось отчаяние. - Наши клиенты хоть и не самые законопослушные граждане, но мы-то знаем, как с ними справляться. Да и отправляли мы их обычно в такую глушь, из которой просто так не выберешься. Тут хуже дело. Как мы так умудрились влипнуть?.. Я ведь всегда проверяю, чтобы никаких родственников, а тут...

- Да перестань ты вести себя как плакальщица на похоронах, - резко оборвал Олег причитания Сомова, - ближе к делу. Часики-то тикают, время идет, оно не резиновое.

- В общем, попали мы, словно кур в ошип. Был у нас клиент - Волошин Сергей Павлович. Ничем не примечательный дядька. Такой же, как сотни до него, кто ж знал, что у него племянник есть. Да не кто-нибудь, а сам Семавас.

Креольский присвистнул, демонстрируя знакомство с загадочным персонажем сомовского повествования. И, хотя в моей памяти это сочетание букв никаких ассоциаций не воскресило, было совершенно очевидно - шеф с его компаньоном встряли в какую-то неприятную историю, финалом которой явилась скоропостижная кончина одного из ключевых персонажей.

- В общем, Семавас тогда на зоне чалился и судьбой дядьки, справедливости ради, не интересовался, иначе мы бы знали. А потом... Потом началось. Оказалось, у Волошина

сестра жива. И вот поди ты – мы же своих клиентов тщательно проверяем на всякие там родственные связи, но, чесслово, тут никаких следов не было. Мы же своих пьяниц тщательно пытаем, а то всякое бывает. Правда, такое, конечно, впервые. Ну, случилось пару раз – объявлялась какая-нибудь племянница или там сестра троюродная, но нам-то это по барабану. По документам все чисто, а то, что они о своих пропавших родственниках вспоминали только после их смерти, когда о квартире речь пошла, так это и в суде учитывалось.

- А что, и до суда дело доходило? – не выдержав, поинтересовалась я. Удивительно, но об этой стороне жизни покойного начальника я и ведать не ведала. Шеф оказался просто гением конспирации.

- Было пару раз, но у Юры все везде схвачено... – Сомов запнулся, – было... Опять же, имелся у нас человек, который с клиентами вел, так сказать, разъяснительные беседы, после которых продолжать судебные тяжбы у них всякое желание пропадало.

- И что, вот так никогда сбоев не случалось? – поинтересовался Олег.

- Никогда! До недавнего времени, – казалось, еще чуть-чуть, и Сомов разрыдается. – В общем, умер Волошин в деревне довольно быстро. Никакого криминала, – словно испугавшись, что мы заподозрим его еще в одном преступлении, добавил мужчина. – Сам скончался, без посторонней помощи. И уж как там власти вышли на его сестру, учитывая, что они никаких связей не поддерживали, то мне неизвестно, но факт остается фактом – как только тетка прознала, что братец отошел в мир иной, так сразу и вспомнила и о нем, и о его жилплощади.

- Которая к тому времени уже давно тю-тю... – подытожил Креольский.

- Само собой! Квартиру мы продали. Причем тоже не последнему в городе человеку. В общем, получить ее обратно – вариант нереальный.

- И что Семавас? Неужели не вошел в ваше положение, учитывая, что его способы добывания пропитания тоже далеки от законных? Мягко говоря, – Креольский невесело усмехнулся.

- Какой там... – Сомов в отчаянии махнул рукой. – Он как раз только с зоны откинулся, восстанавливал в городе утраченные было позиции. А тут такой пассаж – его родную мать кинули... Тут уж, как говорится, вопрос чести.

- Это понятно, – неторопливо прервал Олег рассуждения собеседника, – но зачем ему вас убивать? Какой прок? Не логичнее ли получить причитающиеся для начала деньги?

- Так он и получил! – в голосе риелтора явственно слышалось отчаяние. – С лихвой! Мы с вашим братом все подчистую выгребли. Я ж на домик в Испании копил, а Юра... Даже не знаю, на что он деньги откладывал, только пришлось нам отдать все сбережения, которые перекрывали вырученную за злосчастную квартиру сумму. Семавас же нас на счетчик поставил. Со сделки времени минуло немало, так что процентов, разумеется, набежало прилично. Только Семе этого все равно показалось недостаточно. Когда мы ему деньги-то отдали, он еще потребовал. Компенсацию за моральный ущерб. Гад! – если бы силу эмоций можно было перевести в ток, энергии, выброшенной сейчас Сомовым, вполне хватило бы, чтобы осветить небольшой город на Урале. Увы, и этим усилиям было суждено погибнуть напрасно.

- И что же вы? – нетерпеливо поинтересовался Креольский. Похоже, его сомовский эмоциональный всплеск оставил совершенно равнодушным.

- А что мы? Денег у нас больше не осталось, о чем мы и сообщили Семавасу. Вот только его, ясное дело, наши проблемы не волновали. Он милостиво «согласился» забрать Юрину квартиру, у меня-то своего жилья нет.

- Предусмотрительно, - хмыкнул Креольский.

Сомов сначала сверкнул возмущенно глазами, но потом как-то сразу сник.

- Ну да. В общем, Юра взбунтовался. Как с цепи сорвался. Кричал, что это ни в какие ворота и что он ничего платить не будет.

- Вот так Семавасу и заявил? - удивился Олег.

- Да нет. Ему-то он сразу ничего не сказал, зато мне много слов наговорил. Поссорились мы с ним, не спорю. Но я его не убивал, - с отчаянием воскликнул мужчина. - И доказать могу. Алиби у меня на тот день есть. Я на концерт ходил. С девушкой своей. Меня целая толпа народу видела.

- Лихо! - Креольский усмехнулся. - Надо же, как своевременно случилось в твоей жизни культмассовое мероприятие. И главное, самое время по концертам ходить, когда проблем полный воз.

- Да я и не хотел куда-то идти, - Сомов устало махнул рукой. - Это все Валя - девушка моя. Пристала, говорит, пойдём да пойдём, дескать, и так куда-то не ходим. В общем, почему нет-то? От того, что я бы стал дома сидеть да киснуть, ничего ж не изменилось бы. Так же?

- Угу, - буркнул Креольский, - только уж больно кстати тебе оказалось это алиби, которое, к слову, еще не мешает проверить.

- А и проверяйте! Только в полицию не сдавайте! И вообще не светите меня. Я ж, как узнал, что Юру убили, сразу понял - я следующий. Семавас на все способен, а теперь выходит, что долг-то на мне. Не за себя, а за Валю прошу! У нее мать больная, не может она сбежать со мной. И светить мне ее сейчас никак нельзя - бандиты ведь ни перед чем не остановятся. Пока они о ней не знают, но сдай вы меня ментам, и все... Я-то свое алиби подтверждаю, а что с ней будет?

- А что же ты об этом не думал, когда братца моего к ней в дом привел? А ну как за ним уже следили тогда?

- Вы и про это знаете? А, ну да... - Сомов бросил взгляд в мою сторону. - Это ж ты у нее утром была. - Да никто не следил за Юркой. Зачем бы им это? А и следил бы, я ж его в дом к Валюшке привел задолго до истории с Семавасом. Тогда, как говорится, еще ничего беды не предвещало.

- А зачем, кстати? - я вступила в беседу неожиданно для себя и собеседников - на меня тут же уставились две пары удивленных глаз.

- В смысле? - проворчал Сомов. - Ты же и сама это знаешь. Завещание ее отец написать хотел.

- Это я поняла, но зачем ему такие хлопоты? Вроде же родственников, кроме Вали и ее матери, у него не было, и так бы им все досталось.

Риелтор замялся, как будто сомневался, стоит ли продолжать со мной разговор. Даже к окну

отвернулся, что-то обдумывая. Наконец, приняв для себя какое-то решение, произнес решительно:

- Чего уж там. Начистоту так начистоту. Я точно не знаю, но вроде как у Валиного отца был где-то внебрачный ребенок. Дочь, кажется. Во всяком случае, я краем уха услышал про какую-то Юлю. Он все повторял Креольскому - доченька моя, Юленька. Я потом у Ольги Васильевны поинтересовался, что это значит, бедную старушку чуть удар не хватил. Такая истерика случилась... В общем, была у Дмитрия Ивановича какая-то любовная история по молодости. Он тогда уже главврачом был в психиатрической больнице здесь, недалеко. Ну, и вот с медсестрой какой-то и случился у них роман. Ольга Васильевна об этом поздно узнала, когда у соперницы уже живот на нос полез. Одним словом, преступную связь ей прервать удалось, а беременность нет. В итоге помирились они с мужем - Валюшка уже тогда была у них, ради дочери не стали они брак рушить. Ну, вот. А на смертном одре отец-то о дочери и вспомнил. Испугался, видимо, что та объявиться может. Ну, знаете, как бывает? Станет на наследство претендовать. А там-то и всего та квартира, в которой вы были. Видимо, не захотел он Валюшку-то в такое положение ставить, вот и попросил меня нотариуса к нему привезти. Сам-то уже болел сильно, ходить не мог. Ну, я особенно в подробности не вдавался. Это мне Ольга Васильевна все поведала, когда я про эту Юлю-то упомянул. Только вы Валюшке ничего не говорите. Ладно? Она ж не то что я. Она благородная. Начнет эту сестру искать, наследство предлагать. Она это может. А я считаю, что прошлое должно оставаться в прошлом. Да и кто знает, что из той девчонки выросло. Нет, Дмитрий Иванович мужик умный был. Он все правильно сделал.

Ух ты! Вот это поворот сюжета! Шестеренки в моей голове закрутились с огромной скоростью. Втянув ноздри воздухом, словно гончая, идущая по следу, я выпалила:

- Так может, эта таинственная наследница все же объявилась? Вдруг она решила получить ей причитающееся? А что? Обиженная судьбой и отцом женщина решает восстановить справедливость, убивает нотариуса, похищает завещание, полагая, что теперь вполне может претендовать на свою долю в наследстве.

Придуманная версия казалась мне не только логической, но и очень красивой. Внебрачный ребенок, старик, раскрывающий страшную тайну на смертном одре, - это самые популярные темы детективных романов со времен Конан Дойля. Увы, мужчины мой энтузиазм не оценили должным образом. Креольский криво усмехнулся, а Сомов и вовсе одарил меня сочувственным взглядом. Таким, каким смотрят на пятилетнего ребенка, пытающегося объяснить тайны мироздания.

- Чушь, - заявил он бестактно, - допустим, кто-то действительно готов так заморочиться ради одной трети в квартире на окраине. Но не логичнее ли тогда начать с кражи Валюшкиного экземпляра завещания и только потом заняться нотариальной конторой? Допустим, таинственный внебрачный ребенок действительно решил объявиться. Это значит, что ему, во-первых, придется доказать факт родства с покойным батенькой, а во-вторых, избавиться от всех копий завещания. И даже если бы ему все это удалось, вступить в наследство он смог бы только через суд, который в нашей стране, как известно, действует очень медленно. Затея, прямо скажем, очень авантюрная, с мизерными шансами на успех.

Конечно, доводы Сомова выглядели очень убедительно, но сдаваться так просто я тоже не собиралась.

- Ну, знаете ли. Вы тоже ничего не знаете об этой дочери. Может, у нее с головой не все в порядке. Кроме того, женщины, движимые стремлением восстановить справедливость,

не всегда действуют адекватно и логично.

- Не спорю, - риелтор ехидно хохотнул, - женская логика - призрачное, не существующее понятие, но все равно так подставляться... Даже укради эта самая наследница все варианты завещания, со свидетелями-то как быть? Ведь факт пропажи автоматически делает ее подозреваемой номер один в убийстве Юрия Креольского.

- Вот именно! - меня вдруг осенило. - Она потому и не объявилась до сих пор, что испугалась обвинений в убийстве, которое, кстати, совершила непреднамеренно. Допустим, она лишь хотела выкрасть копию завещания из нотариальной конторы. Предположим, план ее был такой: сначала похитить документы у нас, потом в доме своей сводной сестры. А дальше все просто - предъявляешь свои права на долю в имуществе. И все! Без завещания доказать его существование не получится, так что... Но все пошло не по плану. Неожиданно для этой самой наследницы шеф оказался в конторе, ей пришлось его убить, и теперь она и носа не высунет, чтобы не получить обвинения в тяжком преступлении. Вот так-то! - я торжествующе посмотрела на Олега. Пусть знает, я тоже не лыком шита. Вон как мастерски дело раскрыла. Но тот лишь с сомнением покачал головой.

- Слушай, ну совсем белыми нитками все шито. Даже для серии малобюджетного женского детективного сериала не пойдет. Нереально, в общем.

Отвернувшись, я обиженно засопела, демонстрируя мужчинам свое презрение. Могли бы хоть вид сделать, что заинтересовались моей теорией. Тоже мне шерлоки холмсы - идут по самому очевидному и примитивному пути, записав в потенциальные убийцы главного городского бандита. Так каждый может дела раскрывать. А где же красивые версии? Где неожиданные повороты сюжета?

Вместе с тем долго молчать не в моих привычках, и потому уже очень скоро я произнесла:

- Ну хоть проверить-то эту версию можно? Чем черт не шутит?

- Проверить можно, - миролюбиво отозвался Олег. Но по его тону я поняла - ничего он проверять не будет и вообще не воспринял мою теорию всерьез. Просто мудро решил со мной не спорить. А и пусть! Я сама потяну за эту ниточку. Уверена, она выведет меня на убийцу и тогда... Что будет тогда, я придумать не успела, так как воцарившуюся было в салоне тишину нарушил вопрос Креольского, который, по всей видимости, решил, что с него довольно лирических отступлений - пора вернуться к прерванной беседе.

- Допустим, - обратился он к Сомову, - у тебя есть алиби. Но как ты сможешь это доказать?

Сомов, поняв, что ему начали верить, возликовал и суетливо полез в карман. Реакции Креольского мог бы позавидовать любой боевик спецназа. Тут же схватил собеседника за руку и, несмотря на ограниченность салонного пространства авто, как-то исхитрился заломить ее за спину. Он хоть и обыскал Сомова предварительно, но береженого, как известно, Бог бережет.

- Ты чего? - морщась, простонал риелтор. - Больно же!

- А ты чего? - вернул вопрос Олег, не отпуская руки.

- Я за телефоном полез. Не веришь, сам достань.

Долго упрашивать Олега не пришлось - нырнув в карман брюк Сомова, он вынул оттуда

мобильник со знаменитым надкушенным яблоком на крышке.

- И дальше что? - повертев в руке красивый гаджет, задал он вполне закономерный вопрос.

- Отпустишь, покажу, - пробурчал все еще скрученный пленник.

Креольский пожал плечами, но возражать не стал и просьбу выполнил.

Поводив пальцем по экрану, риелтор не без торжества продемонстрировал Олегу какую-то запись. Мое положение мешало мне увидеть транслируемое, но судя по всему, экран транслировал какой-то концерт.

- Ну и что, - пожал тот плечами, - я тебе таких записей миллион из Сети скачаю. Тоже мне алиби.

- Нет, нет, погоди, - засуетился «подозреваемый». - Вот сейчас! Видишь?

Олег уставился в маленький экран, а мне не оставалось ничего иного, как изнывать от любопытства. То ли сжалившись надо мной, то ли подозревая Креольского в тугодумии, Сомов принялся объяснять все происходящее на экране:

- Вот это я, меня Валюшка снимала. Вот видишь на фоне сцены? А тут мы сумели в антракте за кулисы попасть. У меня в концертном зале друг работает, он помог пробраться. Если что, он тоже подтвердит, что в момент убийства Юры я наслаждался живым выступлением Гарика Сукачева. Вот, кстати, и он сам.

- Надо же, как предусмотрительно, - Олег даже не пытался скрыть недоверия. - Весьма кстати для тебя и концерт случился, не находишь?

- Ну, - Сомов пожал плечами, - как есть. Думай что хочешь, но к смерти твоего брата я не причастен.

- Ты его не убивал, - уточнил Креольский, - и то не факт. Запись, знаешь ли, и подделать можно. Откуда мне знать, что это именно тот концерт. Может, ты накануне его записал.

- Какой накануне? - было расслабившийся Сомов снова засуетился. - Это выступление в поддержку нового альбома. Единственное в нашем городе. В конце концов, все это нетрудно проверить!

- Вот в полиции и проверят. Заодно свидетелей вызовут, экспертизу записи проведут. Осуществят, как говорится, все прочие, необходимые в таких случаях следственные мероприятия.

Тут Сомов словно озверел. Схватив Креольского, который уже расслабился и нападения не ждал, за грудки, риелтор закричал, брызгая во все стороны слюной:

- Нельзя мне в полицию, как ты не понимаешь! Я жить хочу! Семавас шутить не будет!

- Ладно, ладно, - Олег миролюбиво поднял вверх руки. - Давай так: сейчас ты нас отвезешь к своему другу, я пока в Сети пошарю, даты концертов сверю, а там посмотрим. Окей?

Сомов кивнул понуру, демонстрируя вынужденное согласие.

Глава двадцать первая

Есть люди, в которых живет Бог.

Есть люди, в которых живет дьявол.

А есть люди, в которых живут только глисты...

Ф. Раневская

К счастью или несчастью, но алиби Сомова подтвердилось. Остаток дня мы провели, колеся по городу. Вернее, колесила я, а Креольский то разговаривал со свидетелями, то, погрузившись в дебри Интернета, разыскивал хоть что-то, что могло опровергнуть неопровержимые улики, предоставленные нам маклером. В итоге Сомова пришлось отпустить – найти хоть малейший изъян в его алиби так и не удалось.

– Понимаешь, это-то и настораживает, – объяснял мне Креольский вечером, когда мы пили чай, завершая им легкий ужин, наскоро приготовленный Олегом. Ольга, к моему вящему удовольствию, отсутствовала, хотя демонстративно, во всяком случае, мне так казалось, разбросанные по всему дому вещи свидетельствовали о том, что обосновалась она здесь всерьез и надолго. И хотя законных оснований находиться тут у нее куда больше, чем у меня, доводам рассудка мое сердце подчиняться отказывалось. Я злилась и едва ли не впервые в своей жизни ненавидела человека. Даже покойный Креольский не удостоился этой чести, а вот его экс почти что супруга сумела возбудить в моей душе самые негативные эмоции. Даже сейчас волна дикой злобы поднималась в моем сердце при каждом взгляде на брошенные в холле черные туфли на умопомрачительном каблуке.

Представляя себе возможные способы расплаты с неожиданно объявившейся соперницей, я, разумеется, в итоге потеряла нить разговора. Хотя беседой в привычном смысле слова это вряд ли являлось – вещал в основном Олег, мне же отвели роль китайского болванчика.

А между тем с каждой минутой ситуация становилась все «опаснее» – в любой момент Олег мог поинтересоваться моим мнением по обсуждаемому вопросу, а я давно уже не в курсе, о чем, собственно, идет речь. Собрав в кулак всю силу воли, мне удалось прогнать прочь мысли об Ольге и сосредоточить внимание на Креольском. Стоило мне это сделать, как он тут же замолчал. Елки, только бы не спросил, что я обо всем этом думаю. Но Олег, похоже, и не собирался этим интересоваться, на что я, вопреки всякой логике, обиделась.

Нет, понятно, что его расспросы сейчас оказались бы нехстати, но, в конце концов, если ему совсем неинтересно, что я думаю, зачем так распинаться?

– И что теперь? – задала я нейтральный, как мне казалось, вопрос. И попала впросак. Оказалось, Олег только что изложил план дальнейших действий, который я, витая в облаках, не слышала.

– Я же сказал, – удивился мужчина, – теперь мне нужно встретиться с Семавасом. Как это ни подозрительно, но алиби Сомова подтвердилось, так что будем двигаться в указанном им направлении.

– Когда же мы встречаемся с этим загадочным Семавасом?

– Мы? – обдавший меня холод во взгляде ощущался физически. – Ты остаешься дома. Это не обсуждается! Хватит с меня твоей самостоятельности.

– Что?! – я едва не задохнулась от возмущения. – Интересно, что бы ты делал, если бы я

послушалась твоего приказа и сразу отправилась домой? Как бы в одиночку справился с Сомовым?

- Справился бы как-нибудь, - пробурчал Креольский, не желая признавать мою правоту, - но в этот раз я тебя точно не возьму. Семавас - бандит такого масштаба, что даже у меня, признаюсь, поджилки трясутся от страха. Хотя удивительно, почему он давно со мной сам не связался, ведь все Юркины долги автоматически ко мне переходят. Ну, раз гора не идет к Магомету...

- И что ты надеешься узнать? Допустим, этот самый Семавас, странная, кстати, какая-то кличка, даже и убил Крео... Юрия Павловича. Допустим, даже признается тебе в этом. В конце концов, чего ему бояться. Что дальше?

Эх, кто меня только за язык вечно тянет? Ясно же, что не стоит задавать подобных вопросов. Хотя почему, собственно? Что такого я, собственно говоря, сказала? Но сталь во взгляде собеседника и его плотно сжатые кулаки довольно точно поведали мне о зыбкости почвы, на которую я ступила.

- Там видно будет, - процедил Креольский сквозь зубы и резко встал. - Ладно, поздно уже. Тебе пора спать.

- А тебе? - парировала я, чувствуя себя дерзким подростком, возражающим властному отцу. Олег, как ни странно, на провокацию повелся, предложенную роль принял.

- А мне нет. Нос не дорос старшим указывать, - немного смягчившись, попытался он пошутить. Я послы не поддержала. Обиженно засопев, стала подниматься на второй этаж. И почти его достигла, когда услышала звук хлопнувшей внизу двери.

- Я дома, - мелодичный голос возвестил о приходе ненавистной соперницы. Еще больше чувствуя себя ребенком, на этот раз любопытным, я притаилась за балюстрадой и, осторожно вытянув голову, стараясь одновременно оставаться незамеченной и увидеть как можно больше, принялась «шпионить». Конечно, раскрыть меня любой из находившихся внизу мог без особого труда каждую секунду - для этого ему достаточно было бы просто поднять голову вверх, но ни Ольга, ни Олег этого не сделали. Конечно, какое им до меня дело?!

Я же не преминула воспользоваться подвернувшейся возможностью, чтобы лучше рассмотреть соперницу. Наблюдая за ней, я даже не пыталась быть объективной. Напротив, всячески старалась отыскать как можно больше изъянов. Увы, то ли ракурс оказался для меня неудачным, то ли освещение неподходящим, но обнаружить недостатки в безупречной внешности роковой красавицы никак не удавалось. Складывалось ощущение, и, подозреваю, так и было, девушка только что покинула салон красоты, СПА и кабинет массажиста. Такой вот вполне себе современный способ борьбы со стрессом. И правда, кончина любимого мужчины - вовсе не повод для отказа от привычных занятий. С другой стороны, может, это во мне говорит ревность и обычная бабская зависть, в то время как ослепительная внешность - привычное состояние девицы. Вполне возможно, она уже с постели встает с тщательно уложенной прической и мастерски нанесенным макияжем. Может, всклоченные волосы и опухшие поутру глазки - исключительно удел мне подобных. Помотав головой из стороны в сторону, прогоняя мрачные мысли, я обратилась в слух, стараясь не думать о своем положении в случае, если меня застукают.

- Олеженька, - проворковала Ольга. На этот раз с моей стороны никакого преувеличения - девушка именно проворковала, щедро добавив в голос медовой патоки. - Если бы ты знал,

как мне не хватает Юры и как тяжело смотреть на тебя, учитывая ваше сходство.

«Так и не смотри», – возглас едва не сорвался с моих губ, но я вовремя удержалась, понимая неуместность своего вмешательства. Но уже в следующую минуту очень пожалела, что не обнаружила своего присутствия. Возможно, тогда мне не пришлось бы стать свидетельницей объятий Креольского и его несостоявшейся золовки. Причем инициатором этого вполне себе страстного проявления чувств стал Олег. Именно он обнял красавицу за плечи и, прижав к себе, что-то тихо прошептал на ухо. Наблюдать далее за этой идиллией оказалось выше моих сил, и поэтому я тихонько ретировалась к себе в комнату, где и предалась мрачным мыслям. В какой-то момент мне, правда, хотелось излить их слезами, но образовавшийся в горле комок так и не прорвался ни глухими, ни громкими рыданиями. Такая уж у меня натура – облегчительная соленая влага крайне редко орошает глаза.

Тем более что поводов для слез было столько, что для начала не мешало бы разобраться в том, какой из них более значимый. Да уж, выбор, конечно, знатный. Отсутствие работы, средств существования, жениха, жилья – только начни рыдать, до утра не остановишься. Ведь перечисленное далеко не все, что можно занести в главу «дебет». А вот в «кредите» значился всего один пункт. Зато какой – все еще не снятое обвинение в убийстве! С другой стороны, моя мама учила меня во всем искать позитив, и, взглянув на ситуацию со стороны, я тут же его нашла: если меня обвинят в совершении тяжкого преступления, все остальные проблемы решатся сами собой. Будет у меня и крыша над головой, и работа, и... даже личная жизнь может наладиться – подозреваю, в тюрьме меня сочтут весьма привлекательной особой, наверняка от тамошних женихов или невест, не знаю, как правильно, отбоя не будет.

Горько улыбнувшись, я направилась в ванную, которую справедливо считала лучшим антидепрессантом. Погрузившись в горячую воду с густой пеной, средство для создания которой я нашла среди множества стоящих на полке пузырьков, усилием воли прогнала роившиеся в голове мысли. В конце концов, сейчас от них никакого толку.

Зачерпнув ладошкой горсть мыльных хлопьев, принялась следить за ее медленным таянием. Маленькие пузырьки лопались прямо на глазах, не оставляя после себя ничего. Вот только что была целая гора, а теперь пустота. Почти как моя жизнь – все, что до этого казалось мне ценным и значимым, на поверку оказалось лишь пеной, в мгновение ока растаявшей без следа.

Усмехнувшись, я погрузилась в воду с головой. Вода всегда оказывает очищающее действие не только на мое тело, но и на сознание.

Единственным желанием было завалиться в постель и спать до тех пор, пока все это не закончится. Я готова на любые испытания, лишь бы быть рядом с Олегом Креольским, сейчас же, когда он явно ускользал в объятия другой, продолжать игру совсем не хотелось. Что я тут делаю? Это ведь совсем не мое? Еще несколько дней назад главной моей проблемой являлись не купленные вовремя сливки, а что теперь? Какие-то Семаваси, или васы, интересно, как правильно, черные маклеры и все прочее, о чем раньше мне было известно разве что из телевизионных детективов.

Ванная непосредственно примыкала к моей комнате, и поэтому я решила не тратить время на одевание, покинув ее, завернувшись в полотенце. Еще одно использовала для сооружения тюрбана на голове.

Вот в таком виде и предстала пред ясны очи Креольского, который преспокойно восседал в кресле рядом с кроватью.

«Что-то они быстро», – пронеслась в голове язвительная мысль.

- Привет, – весело поприветствовал меня Олег.

- Виделись уже, – я никогда не умела скрывать свои эмоции и не считала, что сейчас подходящее время этому учиться.

- Ты что? – удивление мужчины выглядело вполне искренним. С другой стороны, откуда ему было знать об обуревавшей меня ревности?

- Просто рассчитывала, что мне наконец-то удастся побыть одной.

- Ну, извини, если не вовремя, – разочарованно и даже слегка обиженно протянул Олег, но даже не сдвинулся с места. Совершенно очевидно, мужчину совсем не смущал мой полуголый вид. Подозреваю, он даже не заметил моего не совсем одетого состояния. В голове промелькнула шальная мысль сбросить полотенце, чтобы сексуально одеться, демонстрируя свою раскованность и раскрепощенность. Именно так поступают обычно роковые красотки в некоторых голливудских фильмах. Мужчины в этом месте обычно смущаются, но дамочек это только забавляет.

Махнув головой, я прогнала возникшую картинку, отчетливо понимая, что в моем случае все будет выглядеть совершенно иначе. Никакого сексуального одевания у меня не получится – наверняка запутаюсь ногами в джинсах, буду пыхтеть, натягивая их на мокрый зад, а в довершение всего еще и свалюсь не очень грациозно. Так что если кто и будет испытывать смущение, то точно не Креольский. Тут я вспомнила, что давненько не делала депиляцию, от чего возникло желание завернуться еще в одно полотенце, на случай, если нательная растительность начнет пробиваться через это.

- Так что? Ты готова обсудить ситуацию? – Да уж, этот мужчина не привык отступать от намеченного – если уж заявился ко мне в комнату с намерением поговорить, разговор непременно состоится. Независимо от моего мнения на этот счет. Видимо, придется подчиниться. Никуда не денешься.

- А можно мне сначала одеться? – я даже не пыталась скрыть раздражение в голосе.

- Валяй, – протянул Креольский и лениво устроился в кресле.

Вздохнув, я снова поплелась в ванную. Надежда на скорое свидание с Морфеем таяла, словно та самая мыльная пена. Заперев дверь, я сбросила полотенце и замерла в нерешительности. Немного подумав, взяла бритвенный станок и принялась за депиляцию. Не то чтобы я на что-то сильно рассчитывала... Но чем черт не шутит! Торопясь и волнуясь, дважды полоснула себя по ноге. И хотя семь бед – один ответ – ноги и так были исполосованы кошкой, так что пара дополнительных царапин погоды не сделала, но в этот раз я решила обеззаразить раны, использовав стоявший на полке мужской лосьон после бритья. На мою беду Креольский оказался поклонником стойких, ярко выраженных и явно мужских ароматов, поэтому из ванной я вышла, благоухая, словно заправский мачо. Нечего было и думать о соблазнении Олега. Сейчас мне вообще лучше держаться от него подальше, дабы не объяснять, от чего я пахну так, будто на утро у меня назначена операция по смене пола. Хорошо еще, что джинсы надежно скрывают кровавые раны, оставленные бритвой, которая, к слову, позиционируется производителем как безопасная. Страшно подумать, что в их представлении означает «безопасная». Видимо, если изделие оставляет тебя с конечностями и шансом не умереть от потери крови, оно вполне может претендовать на звание «самый безопасный товар года».

Креольский втянул носом воздух, или это мое богатое воображение, но промолчал, за что я ему была безумно благодарна.

- Ну, теперь ты наконец-то готова к разговору? - в его голосе явственно слышались нотки раздражения. Вот ведь наглец!

- Да, давай, - устало протянула я и плюхнулась на кровать, стараясь вести себя как можно более непринужденно. Откровенно говоря, получалось у меня это не очень хорошо.

- Я тут прикинул, и вот что получается - не похоже, что Юру убил Семавас. Нет, я, конечно, с ним обязательно встречусь, вот только подозреваю, он тут ни при чем. Сама посуди, что он выигрывает от этой смерти? Допустим, Юрка действительно отказался ему платить, в чем я, к слову сказать, сильно сомневаюсь. У моего брата, конечно, полно недостатков, но отсутствие здравого смысла - не в их числе. Но все же предположим, что в каком-то приступе отчаянного безумия Юра решил в одиночку противостоять главному авторитету города.

- Предположим, - эхом повторила я исключительно чтобы засвидетельствовать свое присутствие. В этой беседе мне явно отвели роль безмолвного слушателя, а я с некоторых пор перестала соглашаться с навязываемыми образами.

- В этом случае, - продолжил Креольский как ни в чем не бывало, - Семавас для поддержания собственного авторитета и впрямь должен был бы убить Юрку. Но сделал бы он это совсем не так. Пуля в лоб, пожар в офисе, похищение - да все, что угодно, только не ножницы в сердце. Это какой-то дилетантский, совсем не солидный метод. Уважающий себя бандит после такого просто обязан сделать харакири в искупление несмываемого позора. Ты понимаешь?

- Понимаю, - эхом повторила я, - но может, на это и расчет? Может, этот ваш Семавас - объяснит мне кто-нибудь, кстати, почему его так зовут?.. Так вот, может, этот странный тип не хотел, чтобы его подозревали в убийстве, ну и обставил все таким образом.

- Да нееееет, - протянул Креольский. - Зачем ему это? Кстати, Семавас - это Семен Андреевич Васильев. Вот так прозаично, - мужчина усмехнулся, но дальше продолжать размышления на тему бандитских кличек не стал. - Сама посуди, убийство Юрия в этом случае должно было носить демонстративный, устрашающий характер. Да Семавас лично бы довел до сведения широкой общественности о своей роли в этом деле, заранее позаботившись, разумеется, о своем алиби. Нет, что-то тут явно не сходится, не стыкуется...

Мне же не оставалось ничего другого, как согласиться. На том и порешили. Креольский закончил разговор так же неожиданно, как и начал. Просто поднялся и решительно удалился. И никаких тебе поцелуев на ночь, даже в лобик, никаких колебаний у двери, долгих взглядов и прочей романтической «мишуры», коей изобилуют обычно дамские романы. То ли их авторы безбожно врут читательницам, то ли пробежавшая на днях между нами искра - плод моего больного воображения. С другой стороны, не приснился же мне, в конце концов, тот поцелуй? Или приснился? Или я просто в очередной раз сотворила из мухи слона, придав слишком большое значение ничего не значащему событию?

Эх, поди в этом разберись! Так, терзаемую сомнениями и романтическими образами, то и дело всплывающими в голове, меня и настиг сон. В своем воображении я довольно быстро прошла путь от первого поцелуя до алтаря и толпы ангелоподобных детишек, рожденных в счастливом браке с мужчиной, который, между прочим, даже не удостоил меня долгим взглядом на прощание. Хотя вполне мог бы!

Есть такие люди, к которым просто хочется подойти и поинтересоваться, сложно ли без мозгов жить...

Ф. Раневская

- Ага, угу, м-м-м-м, - вот уже полчаса Ольга разговаривала с кем-то по телефону, используя исключительно междометия. Да Эллочка-Людоедочка по сравнению с ней просто Цицерон! Я сидела на лестнице и наблюдала за мерным покачиванием длинной, практически бесконечной ноги - это единственное, что мне было видно с моего обзорного поста. Девушка, словно на троне, восседала на барном стуле, закинув одну безупречную конечность на другую, и болтала по мобильнику. Поначалу я, признаюсь честно, хотела подслушать ее беседу, надеясь узнать о том, что именно произошло вчера между ней и Креольским, но, с кем бы Ольга ни разговаривала, посвящать его в тайны своей личной жизни явно не собиралась. Конечно, я поняла это довольно давно, но покинуть свое укрытие не торопилась, сама не знаю почему.

Возможно, от того, что в обществе этой сногшибательной красотки чувствовала себя крайне неудобно. Эта девушка явно никогда не забудет о депиляции. Блеск перламутра нежно-розового лака, нанесенного на тщательно обработанные ногти, был отлично виден мне и отсюда, из-за чего я только еще глубже засунула свои ноги в тапки. Но ведь не все проблемы решаются так просто. Куда спрятать растрепанные во все стороны волосы, фигуру, далекую от идеала, и посредственную внешность? Мама учила меня, что выход можно найти из любой ситуации. В данной мне виделся только один - обмотаться туалетной бумагой на манер мумии, замаскировав таким образом все имеющиеся недостатки. Ну или просто не появляться рядом с Ольгой, на фоне которой я даже в самые лучшие свои времена буду выглядеть обычной бледной молю.

Именно поэтому я и сидела наверху, рискуя умереть от голода и жажды, но не решаясь спуститься вниз. Судя по всему, Олега в кухне не было, но это не означало, что он не может появиться там с минуты на минуту, что являлось еще одной причиной моего нежелания покинуть укрытие - наблюдать за нежным воркованием влюбленных голубков, знаете ли, выше моих сил. Скрывать свои эмоции я никогда не умела, в то же время их демонстрация могла нанести серьезный урон моему и без того уязвленному самолюбию.

Сколько именно времени я провела таким образом, не знаю. Мне показалось - вечность, но, подозреваю, не более десяти минут. Но и этого вполне хватило, чтобы накрутить себя до предела. В моем воображении Олег и Ольга уже сочетались браком и нарождали кучу премилых детей, в то время как я доживала свой век в тоскливом одиночестве, покинутая всеми и вся: без зубов и волос, в окружении несметного количества кошек. Правда, любительницей хвостатых мяукающих животных я отродясь не значилась, но в данный момент мне хотелось добавить этот штрих для полноты картины.

С другой стороны, даже такое будущее мне не светит, если сегодня я умру голодной смертью - событие, вероятность которого не так уж и мала. Еще чуть-чуть, и урчание моего живота услышат соседи, которые вполне могут посчитать, что это неполадки в трубах, и вызвать аварийную бригаду. Не желая доставлять невинным, хоть и незнакомым мне людям столько хлопот, я все-таки спустилась вниз, чтобы сделать себе хотя бы бутерброд. И тут же об этом пожалела. Ибо если с ногами своей счастливой соперницы я уже более-менее примирилась, осознав всю убогость своих нижних конечностей, то вот остальные части тела сразили меня

наповал. Осознавая их безупречную красоту, девица и не думала прятать их от мира. Именно поэтому восседала на стуле в одной тонюсенькой рубашке и кружевных трусиках. Наряд из серии «могла бы и не надевать. Все равно, что есть, что нет».

Судя по разочарованию, написанному на лице обернувшейся на звук шагов Ольги, ждала она явно не меня, и уж точно не для меня отыскала она в своем гардеробе эту одежду.

- Ладно, слушай, давай попозже созвонимся, – резко оборвала она своего собеседника, захлопнув крышку телефона с такой силой, что тот только чудом не развалился на куски. В этот момент она напомнила мне огромную паучиху, и я не могла не порадоваться, что тот, для кого она расставила свои сети, пока еще не появился. Конечно, это лишь вопрос времени, но, по крайней мере, может, я смогу морально подготовиться и не вцепиться девице в волосы, когда она начнет обхаживать при мне Креольского.

Открыв холодильник, я с тоской уставилась на его содержимое. Ужасно хотелось откусить большой кусок колбасы с сыром, но, покосившись на безупречные формы Ольги, я, вздохнув, взяла йогурт.

Видимо, терзающие меня противоречия отразились на лице, так как девица, хищно улыбнувшись, проворковала, наполнив голос медом, сладость которого отнюдь не смягчила горечь слов:

- Ой, да брось ты! На твоём месте я бы не стала так заморачиваться. Все равно не поможет.

- Ты это о чем? – не припоминаю, чтобы мы пили на брудершafft, но не я первая начала.

- О твоей жалкой попытке сделать вид, будто следишь за фигурой. Беглого взгляда на тебя достаточно, чтобы понять – на завтрак ты трескаешь обычно одни бутерброды. Впрочем, подозреваю, что на обед и ужин тоже.

- Послушай, я не понимаю, кто дал тебе право...

Это какое-то дежавю. Вот так же я ощущала себя в средней школе, когда первая красавица класса Анька Ершова оттачивала на мне свое остроумие. Так же, как и тогда, голос предательски «полез» вверх, а хлесткие фразы, каждая из которых могла бы поставить зарвавшегося обидчика на место, спрятались за жалкими «кто дал вам право» и «на каком это основании». В такой ситуации, честное слово, лучше вообще молчать. Поэтому захлопнув холодильник и рот одновременно, я уселась со своим жалким обезжиренным йогуртом за стол и сделала вид, будто нахожусь в кухне одна. Давясь противной скользкой массой, я кляла судьбу на чем свет стоит. Действительно, кто мешал мне соорудить свой привычный завтрак? Зачем эта комедия с диетическим рационом? Какое мне дело, что подумает обо мне эта девица? На все эти вопросы у меня находился только один-единственный ответ – я дура. Вообразила, будто смогу обмануть кого-то йогуртом. Каждому достаточно одного взгляда, чтобы отыскать мне место в социальной иерархии. Богатое воображение тут же нарисовало клетку с табличкой «лузер», в которой я, по мнению барышень, подобных Ольге, должна находиться круглосуточно, в то время как они будут водить ко мне своих одетых во все розовое гламурных дочерей на экскурсию, чтобы наглядно продемонстрировать, как нельзя выглядеть ни в коем случае.

Так и вижу длинноногих учительниц из музыкальных клипов, одетых в белую блузку с вырезом до пупа и юбку-карандаш, тыкающих в меня указкой и говорящих: «Вот, девочки. Именно так выглядит женщина, никогда не посещавшая салон красоты». Благоговейный шепот ужаса разносится по толпе, а один особенно впечатлительный ребенок даже падает в обморок.

Так тебе и надо, гламурная дурочка, – злорадно подумала сидящая в клетке я и скрылась в темноте норы, в которой мне самое место.

Ну уж нет уж! Вот уж дудки! В конце концов, мы давно не в школе, а во взрослой жизни, знаете ли, все по-другому! И, хотя сама я в это утверждение верила слабо, отступить было некуда. Гордо вскинув голову, я проворковала, как бы невзначай:

– А ты знаешь, скоро осень, ласточки собираются на юг, пожалуй, пора и тебе в дорогу.

Этот прием я усвоила, кстати, тоже еще в школьные времена. Главное – оглушить соперника неожиданным высказыванием, лишив его возможности высмеять твой выпад. Безотказная тактика, сработавшая и на этот раз.

– Чего это? – насмешка в голосе Ольги сменилась настороженностью.

– Ну как же! Ты же у нас Дюймовочка, питаешься половинкой зернышка, наверняка Принц эльфов уже заждался тебя. Ой, нет, прости, перепутала! Тебе, наоборот, по вкусу богатые кроты! Толстые и противные, главное, чтобы денег было побольше!

Как я и предполагала, собеседница не блистала интеллектом, так что ей потребовалось какое-то время, чтобы переварить услышанное. Наконец до нее дошло.

– Ха, ха, ха, как смешно, – ответила она уязвленным тоном. Стрела достигла цели, и, по моему опыту, можно перевести дух. Рассчитывать на то, что барышня от меня совсем отстанет, конечно, не приходится, но спокойно попить кофе сегодня я наверняка смогу.

Так и вышло. Соблазнительно покачивая бедрами, девица покинула кухню, бросив на прощание в мою сторону взгляд, полный презрения.

А я наконец-то смогла одолеть огромный бутерброд с колбасой. В конце концов, кого я обманываю – даже если я перестану питаться вовсе, мне никогда не стать такой, как Ольга. Как там говорит «Русское радио»? «Худая корова – еще не газель»? В общем, не стоит обольщаться – кто бы ни одарил девицу ее красотой – природа, пластический хирург или команда косметологов, мне до нее все равно не дотянуться. Мы с этой барышней ягодки из разных туесков, не одного поля и материка. Да что там! Если уж говорить откровенно, мы даже растем на разных планетах. В разных вселенных, галактиках, мегагалактиках и... Тут мои знания о космосе подошли к концу, но смысл ведь и так вполне себе ясен.

Дура! Какая же я все-таки дура! Насмотрелась голливудских сказок про дурнушек, которые после долгих мытарств и неурядиц выходят замуж за принцев. Но где они, реальные Бриджит Джонсы? Где Кати Пушкаревы? Нет, они, конечно, существуют и некоторые даже вполне себе замужем, но далеко не за красивыми, богатыми и знаменитыми. Нужно смотреть правде в глаза – джентльмены всегда предпочитают блондинок. Ну или брюнеток. Главное – чтобы с внешностью Мэрилин Монро или Анджелины Джоли. Поймав в отполированном до блеска чайнике собственное отражение, я лишней раз убедилась в том, насколько мой образ далек от образа ослепительных красоток. И пусть гладкая поверхность отражала незнакомку с перекошенным ртом и расположенными невероятно далеко глазами, это ничего не меняло. Так даже лучше! Надо бы прихватить эту посудину и таскать ее всегда с собой, чтобы каждый раз, как только в голове возникнет образ Креольского, смотреть на свое отражение и понимать, где он и где я.

Представив себя с блестящим чайником наперевес, я хмыкнула и чуть не поперхнулась кофе. Жидкость попала не в то горло, я принялась кашлять и чихать, пытаюсь вернуть дыханию

нормальный ритм. В результате часть бодрящего напитка покинула мой организм через нос, а еще часть так и застряла где-то в дыхательном горле, из-за чего мои глаза вылезли из орбит, а кожный покров сменил цвет с нежно-розового на ярко-бордовый. И, конечно, само собой разумеется, по всем законам подлого жанра, именно в таком виде меня и застал Креольский. Сказав мысленно Вселенной все, что я думаю по поводу ее чувства юмора, я попыталась ретироваться в ванную, в надежде минимизировать последствия собственного позора. Ага, не тут-то было. Я ведь и забыла, что, в отличие от своего брата, Олег мужчина внимательный и заботливый. Это бывший шеф позволил бы мне умереть от удушья, его же родственник тут же кинулся меня спасать. Кто бы его только об этом просил! Нежно похлопав меня по спине, он принялся вытирать кофе с моего лица своим белоснежным платком, одно то, что он у него имеется, ввергло меня в уныние и наградило множеством комплексов.

Кое-как отдышавшись, я наконец-то смогла вырваться из цепких, навязчиво заботливых рук Креольского и спряталась в дамской комнате. Типа, припудрить носик, а на самом деле исключительно для того, чтобы соскрести с пола остатки самолюбия. Собирать особо, конечно, нечего, но в моей ситуации разбрасываться даже этими крохами – роскошь непозволительная. Включив воду, уставилась на свое отражение в зеркале. Видок, конечно, тот еще, но если не стоять рядом с Ольгой и ей подобными, вполне можно сойти если не за красавицу, то уж за симпатягу точно. На том и порешив, дождавшись, когда цвет лица примет свой естественный оттенок, я покинула ванную.

И-и-и. Барабанная дробь! Конечно, тут же столкнулась нос к носу со своей прекрасной соперницей, которая понятия не имела о моем намерении не отвечать на ее фоне. Подозреваю, что она как раз преследовала обратные цели. Ясное дело – рядом со мной она выглядела особенно ослепительно, словно огромный бриллиант чистой воды возле бутылочного осколка.

Глава двадцать третья

Всю жизнь я страшно боюсь глупых. Особенно баб. Никогда не знаешь, как с ними разговаривать, не скатываясь на их уровень...

Ф. Раневская

Поникнув головой, я стала боком пятиться к лестнице, намереваясь по традиции спрятаться в «своей» комнате. Но и этим моим планам не суждено было реализоваться.

- Соня, - позвал меня Креольский, - ты куда это?

- Э-э-э, я к себе. В смысле... в общем... в ту комнату, - вот елки, снова-здорово. Куда только деваются остроумные, блистательные ответы на любые вопросы, которыми я сыплю обычно в своем воображении? Как назло, ни одного не удастся извлечь из головы.

- Останься, пожалуйста. Ты мне нужна.

Сердце затрепетало нежной бабочкой, так и норовя выпрыгнуть из груди. Я ему нужна! Но тут же я поймала его «сачком разума» и приказала сидеть смирно. В конце концов, Олег же не сказал, зачем именно я ему нужна. Может, полы помыть или рубашку погладить. Вариантов, помимо тех, которые уже успела нарисовать моя богатая фантазия, было множество.

Вздохнув, я побрела к стоящему в глубине комнаты дивану и забралась на него с ногами.

Стараясь слиться с обивкой и сделаться как можно менее заметной, принялась ждать, что будет дальше. Чувства мои настолько обострились, что я ожидала от этой парочки любого подвоха. Примись они кидать в меня яйца, и то бы не удивилась. «Враги, враги, кругом враги» – молоточками стучало по нервам.

Но, как это часто бывает, все оказалось не так уж ужасно. Напротив, в этот раз неприятности ожидали мою соперницу. Покосившись на ее откровенный наряд – Ольга так и не удосужилась переодеться, – Креольский бросил недовольно:

– Оля, мне нужно поговорить с Соней наедине. Оставь нас, пожалуйста. И прошу тебя, найди в своем гардеробе одежду, приличествующую статусу вдовы. Хотя бы сделай вид, что скорбишь по Юрию.

Я поежилась – в этот момент Олег удивительно напомнил своего брата. Сколько раз шеф вот так же презрительно смотрел на меня. Несмотря на то что поводов любить девицу у меня не имелось, я даже испытала к ней что-то вроде сочувствия. Но вскоре эти эмоции сменились другими. Увидев, как Креольский взволнованно мерит шагами комнату, я приготовилась к худшему.

– Что случилось? Где ты был? И почему выглядишь так, будто только что получил известие о своей скорой кончине?

Взъерошив волосы руками, Олег повернулся ко мне. Господи, какой же он милый!

– Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой! – Брякнув челюстью об пол, я в недоумении уставилась на собеседника, но тут же пришла в себя и кинулась в его объятия.

– Да, да, да, я согласна! – Соседи, еще не отошедшие от утробного урчания моего желудка, наверняка в испуге выронили чашки и ложки, решив, что стали свидетелями брачных игр горластых крикоорок – название которых я выдумала только что. Впрочем, как и всю только что описанную сцену. Разумеется, ничего подобного не произошло, и Олег не собирался объясняться мне в любви. Просто в тот момент он выглядел, словно мистер Дарси из книги «Гордость и предубеждение», которую я считаю своей «Библией».

– Я встречался с Семавасом, – пояснил Олег, аккуратно присаживаясь рядом со мной на диван. От этой близости меня бросило в жар, а щеки окрасило багрянцем. О чем я только думаю? О чем угодно, только не о предмете нашего разговора. Собрав всю волю в кулак, а глаза на переносице, я попыталась сосредоточиться на том, что говорил Креольский. Не сиди он так близко, его рассказ заинтересовал бы меня куда больше. Сейчас же мне приходилось предпринимать по-настоящему героические усилия, чтобы унять разыгравшееся воображение, которое то забрасывало нас двоих на необитаемый остров, то отправляло в романтический круиз по Средиземному морю.

– Так рано? – с другой стороны, откуда мне знать, во сколько начинается рабочий день у бандитов.

Усталая усмешка озарила лицо моего собеседника:

– Скорее уж поздно. О своем намерении встретиться с авторитетом я сообщил сразу после встречи с Сомовым, а вчера мне позвонили и вызвали на randevu. Семавас живет активной ночной жизнью.

– Что ты выяснил? – азарт охотника погнал кровь быстрее по моим жилам. Я сделала стойку,

ожидая услышать сенсационное известие, но чуда, разумеется, не произошло.

- Ты знаешь, все и почти ничего. Как я и предполагал, к убийству Юры братва не имеет никакого отношения. Не их это почерк. Но вот что интересно. Оказывается, у Семаваса и повода убивать моего брата не было. Тот с ним полностью расплатился.

- Вот как? Значит, Сомов все наврал? Зачем ему это?

- Да нет, в том-то и дело, что не наврал. Вот это-то и есть самое интересное. Бандит требовал с Юрки весьма солидную сумму денег. В то же время со счетов брат деньги выгреб еще раньше. Это точно - я проверял. Квартира не в залоге, контора тоже, и все же Юрка где-то отыскал наличные. Вот что удивительно!

- Ну, может, у шефа была заначка на черный день.

- Откуда? Юрка никогда не умел копить деньги. Жил на широкую ногу, да и ты сама знаешь, контора не приносила таких уж солидных доходов. Деньги от их с Сомовым незаконной деятельности он отдал раньше. Да и сам Семавас признался, что был сильно удивлен, ведь поначалу Юрка платить отказался, заявив, что платить нечем, а потом вдруг неожиданно сам позвонил и назначил ему встречу.

- А ты не спрашивал у этого бандита, может, он что знает?

В брошенном на меня взгляде сквозило сожаление. Примерно так смотрят умудренные жизнью старцы на неразумных юнцов, задающих банальные вопросы о смысле бытия.

- Конечно, я поинтересовался, в отличие от Семаваса. В его кругах любопытство - не просто порок, а качество, которое может стоить жизни. Так что лишних вопросов он Юрке не задавал. Просто забрал то, что, как он полагал, ему причитается, и все.

- По крайней мере, шеф ушел в мир иной без долгов, - улыбнувшись, произнесла я. Эта фраза слетела с моего языка задолго до того, как я ее обдумала. Услышав же произнесенное, пришла в ужас от собственной бестактности. Креольский тоже, видимо, испытал нечто подобное, так как резко встал, буркнув что-то нечленораздельное, и, не говоря ни слова, отправился в свою комнату.

В который уже раз за утро обозвав себя дурой, я тоже уныло побрела к себе. День, начавшийся столь «удачно», явно не предвещал ничего хорошего.

* * *

- Знаешь, а ведь я здесь никогда не была, - мелькавшие за окном дома поражали своим великолепием и роскошью. Вглядываясь в их окна, я пыталась представить себе людей, живущих в подобных сооружениях. Никогда не преклоняясь перед богатством, я тем не менее не могла не любопытствовать, каково это - жить окруженной подобной роскошью. О чем думают субъекты, обитающие в этих дворцах? Что их заботит, радует, печалит, веселит? В то, что богатых интересуют только деньги, я не верила, впрочем, как и в то, что их существование похоже на прекрасную сказку. И все же страсти, кипевшие за высокими заборами элитных особняков, были от меня столь же далеки, как беспроводная телефония от затерянных в пустыне африканских племен, - где-то она существует, но никакого отношения к этим людям не имеет.

Хотя сейчас у меня, кажется, появился шанс «совершить звонок» - мы ехали на встречу

с Татарским – человеком, сообщения о котором регулярно мелькали в местных печатных изданиях. Если верить прессе, этот народный избранник радел за благо своих избирателей, аки отец родной. Перед поездкой Креольский, сменивший гнев на милость, заставил меня ознакомиться с соответствующими публикациями. Во время чтения я пару раз едва не прослезилась от умиления и дала себе зарок непременно проверить наличие нимба над головой будущего визави – после прочитанного поверить в его отсутствие было просто невозможно.

Вот мы едем по территории дорогого элитного коттеджного поселка, дома которого явно соревнуются между собой на звание самых больших и помпезных. Хоть бы одна «хибара» на два этажа. Какой там! Местные жители явно не знают таких слов, как «умеренность», «сдержанность» и «скромность». Очень странно, ведь, согласно газетным публикациям, выходец из народа Татарский В. С. не утратил с ним связи, по-прежнему оставаясь простым и, что называется, «своим рубаха-парнем». Хотя, может, зря я наговариваю на человека? В конце концов, мы ведь еще не приехали. Как знать, возможно, среди этих шикарных особняков затесался где-то скромный домишко, больше похожий на флигелек станционного смотрителя? Смахнув невидимую слезу и усмехнувшись собственным мыслям, я повернула голову к Креольскому, решив, что уже достаточно наказана за свою бестактность и наконец-то могу нарушить обет молчания, который мы, похоже, дали друг другу.

– Олег, а ты уже думал, как мы выстроим беседу? Может, стоит разработать какую-то тактику и стратегию, ведь если Татарский и имеет отношение к убийству, очень сомневаюсь, что он вот так нам это сразу и выложит. Судя по всему, он тертый калач, стреляный воробей, которого на мякине не проведешь.

Сурово вцепившись в руль, Креольский вглядывался в дорогу.

– Там, на месте, разберемся, – лаконично ответил он, и я поняла, что все еще не прощена за утреннюю выходку.

Подумаешь! Тоже мне! В конце концов, что я такого сказала? Ну да, шутка неудачная и неуместная, согласна, но не дуться же теперь из-за этого вечно. Нет, все-таки я погорячилась, решив, будто характеры у братьев столь уж разные. Судя по всему, эти два яблочка с одного деревца, как и положено, имеют одинаковый вкус. Вспомнив, как утром Олег обошелся с Ольгой, я только еще больше укрепила в этом мнении.

Ну, надо же, так встрять! И что мне теперь со всем этим делать? Я-то уже втрескалась в этого мужика по уши, и каким-то там суровым взглядом и игрой в молчанку ему эту ситуацию не изменить. Серdito насупившись, я прибавила звук в проигрывателе в попытке возвести между нами еще и звуковой барьер, если уж ему так хочется устанавливать границы. Как назло, радиостанция в этот момент транслировала слезливую любовную балладу, что не очень способствовало достижению поставленной цели. Серdito хмыкнув, я устала в окно – в конце концов, обижаться может не только он!

Правда, уже очень скоро мне довелось испытать совсем другие эмоции: удивление, граничащее с недоумением, а также растерянность на грани потерянности.

По дороге к дому Татарского нам попадались самые разные постройки – большие и очень большие, великолепные и еще великолепнее, но увиденное в пункте прибытия трудно описать обычными словами. В какой-то момент у меня даже возникла шальная мысль, что Креольский решил сыграть шутку и зачем-то притащил меня на съемочную площадку какого-то исторического фильма. Ну, трудно мне представить, что кто-то всерьез захочет возвести

подобное «дворянское гнездо» для собственного проживания. Огромный забор, украшенный витиеватой лепниной, скрывал усыпанную гравием дорожку, ведущую к небывалому по своим размерам особняку с колоннами и фронтонами. Белоснежные статуи, игривые фонтаны, кованые скамейки – в последний раз я видела нечто подобное еще в школе, когда нас всем классом возили на экскурсию в летнюю резиденцию царей в Питере. Допускаю, что монарший дом был все же богаче, но зато этот однозначно произвел на меня куда большее впечатление, ведь в нем жили обычные люди! Реальные люди из крови и плоти, наши с вами современники. Те самые, с которыми нам сейчас предстояло разговаривать. А как прикажете это делать, если я даже не могу представить, что в голове у человека, возводящего подобные архитектурные шедевры? Уверена, где-то тут наверняка есть конюшня и псарня с русскими борзыми.

Хорошо хоть Креольский тертый калач. Его каким-то там видом дома не «прошибешь». Криво усмехнувшись, он буркнул что-то про жизнь «слуг народа». Если он и удивился, увидев на пороге ожидавшего нас дворецкого, хотя дворецкие ж вроде в Англии, у нас лакеи, то виду не подал. А вот я своими эмоциями владела куда хуже, поэтому, как ни старалась соскрести с пола упавшую туда челюсть, так и не смогла этого сделать. Дворецкий (лакей?), по всей видимости, привык к подобной реакции окружающих, а может, просто профессия заморозила все его мимические мышцы, так как он не обратил на мои блюдецвидные глаза никакого внимания, даже несмотря на то, что они смотрели на него не отрываясь, я, как ни старалась, не могла отвести взор от «чуда во фраке».

- Владимир Степанович вас ожидает, – произнес он и, к моему удивлению, не щелкнул каблуками. А ведь мог бы этим добить меня окончательно.

Пройдя через распахнутую привратником – наконец-то я подобрала нужное слово – дверь, мы оказались в огромном холле, оформленном, как это ни странно, во вполне современном стиле. Чему я очень удивилась, так как ожидала увидеть позолоту, шелка, зеркала в пол, обрамленные витиеватыми рамами, а также галерею картин с изображением дам в кринолинах и кавалеров в напудренных париках – предков хозяина усадьбы. Ан нет – внутри помещение выглядело вполне себе современно и даже, на мой совершенно непрофессиональный взгляд, со вкусом. Надо же, умеет ведь, когда хочет.

Правда, долго предаваться размышлениям о дизайнерских талантах владельца дома мне не пришлось, так как вскоре мое внимание переключилось на его собственную персону. Он, как и полагается людям его уровня, не встречал нас у входа, но и не утомил ожиданием – очень скоро спустившись по витиеватой лестнице. Мужчины обменялись рукопожатиями, я ограничилась ослепительной, по крайней мере очень на это надеюсь, улыбкой и коротким кивком головы.

Татарский предложил нам сесть на один из диванов, а сам удобно расположился на другом, стоящем напротив.

- Чай, кофе или что покрепче? – депутат оказался гостеприимным хозяином.

- Нет, спасибо, – ответил за нас обоих Креольский, что мне не очень понравилось, но перечить я, разумеется, не стала. Видимо, Олег решил сразу взять «быка за рога», так как тут же перешел к делу:

- Владимир Степанович, – вальяжно откинувшись на спинку дивана, начал он, – я прекрасно осведомлен о вашей занятости и о том, как дорого ваше время, поэтому не стану отнимать его попусту. Тут дело вот в чем. Несколько лет назад вы обратились в нотариальную контору моего брата, чтобы оформить брачный контракт.

- Олег Павлович, - перебил Татарский, - вы сами только что упомянули о моей занятости, так что давайте опустим изложение общеизвестных фактов. Я действительно оформлял брачный договор у вашего брата, которого, как я знаю, недавно убили. Примите мои соболезнования. И, насколько я знаю, убийца прихватил с собой какие-то бумаги, и коль уж вы тут, мои среди них. Предвосхищая ваши вопросы, отвечаю - город у нас маленький, свои источники информации я не выдаю, но упомяну, что хожу в баню с начальником управления полиции. И нет, я не убивал вашего брата. Мне это совершенно ни к чему, ведь я как раз заинтересован в наличии документа, благо его экземпляр у меня, конечно, имеется. Если у вас больше нет ко мне вопросов, давайте заканчивать - у меня действительно очень много дел.

Вот это да! Четко, быстро, лаконично и по сути! Правда, Креольского подобный расклад не очень-то устроил.

- Владимир Степанович, - располагаясь на диване еще более основательно, произнес он, - все это вы могли сообщить мне и по телефону, но, коль уж согласились на личную встречу, думаю, у вас есть и еще кое-что добавить. Не так ли?

Татарский усмехнулся:

- Когда вы звонили, я был занят, и мне оказалось проще назначить встречу. Кроме того, хотел лично убедиться в вашем с братом поразительном сходстве. Честное слово, не знай я о вашем существовании, принял бы вас за Юрия.

Я вздрогнула, еще раз пережив весь ужас нашей с Олегом первой встречи.

- Да бросьте, - вот уж не знала, что у Креольского проблемы со слухом. Как по мне, так все предельно ясно - нам никто ничего не собирается рассказывать. Конечно, обидно - тащились в такую даль только ради того, чтобы удовлетворить любопытство собеседника, но, судя по всему, считаться с людьми - не в традиции сидящего перед нами человека. Но Олега, похоже, это все ничуть не смущало. Более того, судя по всему, он вообще не воспринял слова Татарского всерьез, так как продолжил допрос:

- Владимир Степанович, я ценю ваше время, а вот вы, похоже, нисколько. Давайте опустим этап набивания себе цены и демонстрации значимости. Кто вы, мне хорошо известно, знаю я и о вашей влиятельности etcetera, как говорится. Поэтому давайте будем считать, что я достаточно выразил свое почтение и долго, долго упрашивал рассказать мне все как есть, а вы исключительно по доброте душевной это сделали.

Притаившись, словно мышь под веником, я сидела в уголке дивана. В голове бегущей строкой по кругу носилась лишь одна мысль: «Буря, скоро грянет буря». Воздух сгустился настолько, что, будь у меня под рукой нож, я наверняка смогла бы разрезать атмосферу, словно сливочное масло.

Не мигая Татарский смотрел на Креольского, а потом... расхохотался. Это было так неожиданно, что я даже вздрогнула.

- Да, а вы похожи на своего брата только внешне. Юрка, царствие ему небесное, подобного себе не позволял. О покойных либо хорошо, либо никак, но, если честно, скользкий он был тип, неприятный. Не люблю таких.

Покосившись на Олега и увидев, как напряглось его лицо, я оглянулась назад в поисках выхода - в данной ситуации может случиться все, что угодно, так что не мешает заранее продумать маршрут бегства. И снова ошиблась - Олег Креольский, к его чести, умел

сдерживать эмоции. Но они не укрылись от внимания Татарского, который, засмеявшись, поднял вверх руки в знак примирения:

- Ну, ну! Не сердитесь! Зато теперь мы квиты. И все же, увы, - Татарский снова нацепил маску жесткого депутата, - добавить мне совершенно нечего. Все именно так, как я и сказал. После вашего звонка я позвонил своему юристу, который заверил в правомочности хранящегося у меня экземпляра брачного договора. Так что я принимаю ваши извинения, но мне, слава богу, ничего не угрожает.

- Вы знаете, мы нашли черновик вашего брачного договора и позволили себе с ним ознакомиться. Прошу прощение за вмешательство в личную жизнь, но скажите, а какие у вас отношения с супругой?

На этот раз пришел черед окаменеть лицу Татарского. Хотя, думаю, и это слово в данном случае не совсем уместно, просто моего красноречия явно недостаточно, чтобы описать мимическое выражение лица нашего собеседника. В какой-то момент мне даже показалось, что он может ударить Олега, но только показалось, так как спустя какое-то время депутат справился со своими эмоциями и даже сумел изобразить некое подобие улыбки.

- Отличные! Просто замечательные. У нас крепкая дружная семья, в которой царят любовь и взаимопонимание.

Надо же, шпарит как по писаному. Хотя, подозреваю, так и есть - по дороге сюда я имела счастье ознакомиться с агитационной статьей об этом господине. Кажется, в ней о его личной жизни рассказывалось именно так - слово в слово.

- А сейчас, - Татарский неожиданно поднялся, - если позволите, разрешите откланяться. Я и так уделил вам куда больше времени, нежели планировал вначале.

С этими словами хозяин удалился. Резко и решительно. Ни тебе улыбки, ни рукопожатий на прощание. Зато тут же, словно из воздуха, материализовался лакей-привратник. Или дворецкий? Увы, но я так и не разобралась. И теперь уже, по всей видимости, не разберусь. Вряд ли нам суждено попасть в этот дом снова.

Но я ошибалась...

* * *

- Да, Владимир Степанович. Я понял! Сейчас будем, - Креольский резко развернул машину и стрелой помчался в обратном направлении. После того как мы покинули дом Татарского, он не проронил ни слова, а я не решалась задавать вопросы - на этот раз даже моих зачаточных знаний о мужской психологии хватило, чтобы понять - беспокоить сидящего рядом субъекта - себе дороже. И хотя интуиция и теперь просила меня промолчать, я все же не удержалась и спросила:

- Что случилось? - тут же вжала голову в плечи, ожидая услышать что-то резкое и неприятное, учитывая, что официального примирения по-прежнему не состоялось. Однако Креольский ответил довольно миролюбиво:

- А черт его знает. Звонил Татарский, сильно матерился. Сплошные междометия, но явно что-то неладно в Датском королевстве.

- Где? - удивилась я.

- А-а-а, забудь, - непонятно чему рассмеялся Олег, - в общем, сдастся мне, из этой встречи мы вынесем гораздо больше, чем ожидали. Нюхом чую - мы близки к разгадке. - В этот момент Креольский и впрямь был похож на собаку, взявшую след.

«Неужели это все?» - промелькнувшая в голове мысль, вопреки всякой логике, не принесла облегчения, не доставила радости, лишь напомнила о неопределенности моей судьбы и... Конечно, было кое-что еще, но об этом я не хочу думать сейчас - лучше подумаю об этом позже.

Вновь нелепые в своей величественности ворота, невозмутимый дворецкий на пороге, огромный холл и Татарский, неожиданно утративший высокомерное спокойствие. На этот раз хозяин расхаживал по комнате, словно раненый зверь в клетке.

- Я убью ее! Засажу! Засужу!

- Ты понимаешь, что происходит? - поинтересовалась я у Олега шепотом, но тот лишь неопределенно мотнул головой.

- Она убийца! Она! Точно! А сынок мой соучастник. Гаденыш! Обоих сгною в тюрьме! Обоих!

- Так, по-моему, пора вмешаться, - лед в голосе Креольского несколько охладил пыл Татарского. Тот все еще пыхтел, но уже заметно меньше. Между тем Олег продолжил: - Кое-что мне уже понятно, но все же дополнительные объяснения не помешают.

Ну надо же, ему что-то понятно! Как по мне, так вообще одни неизвестные.

- Да, извините, - кажется, Татарскому наконец-то удалось взять себя в руки, и перед нами вновь предстал величественный и невозмутимый предприниматель и депутат.

- После того как вы ушли, я на всякий случай решил проверить свой экземпляр брачного договора. Так вот - он пропал!

- Это я уже понял, - новость совсем не удивила Олега, хотя я все еще мало что понимала. - Я даже догадался, что исчезновение документа выгодно вашей жене и сыну...

- На самом деле пасынку, - поправил Татарский, - Андрей сын моей первой жены, но я растил его буквально с пеленок и всегда относился как к родному. И вот как он мне отплатил!

Мне показалось, что хозяин дома вот-вот сорвется на крик, но этого не произошло, и я восхитилась выдержкой этого человека, потому что дальнейший его рассказ убедил меня в том, насколько трудно ему это далось.

- С Ангелиной мы познакомились пять лет назад. Она тогда секретаршей у моего партнера по бизнесу работала. Ну, молодая, красивая, конечно. Только не в этом дело. Хотите верьте, хотите нет, но таких, как она, у меня вагон и маленькая тележка было. Сами понимаете, вокруг людей моего положения красивые девки, как мухи вокруг дерьма, вьются, но Гелька... Я ее любил! По-настоящему полюбил.

- И поэтому заключили брачный контракт, - не удержавшись, пробурчала я себе под нос. Сказала тихо, но Татарский все же услышал. Но, как ни странно, не рассердился.

- Брачный договор на самом деле - это ее идея. Не поверите. Я ведь все имущество после брака на Гелю переписал. В моем положении так многие делают, по понятным причинам. А Гельке я

доверял как никому. А она гордая же, честная. Настояла на брачном договоре. Говорит, все простить смогу, кроме измены. Изменишь мне, ничего не получишь. Потому и оговорку об измене включили в контракт, договорившись – имущество отойдет тому, кто верен останется. А оно вон как обернулось...

- И как же? – Креольский, кажется, начал терять терпение.

- А вот так, – Татарский окончательно взял себя в руки и перешел на деловой тон изложения, полностью исключив эмоции. – В какой-то момент я стал подозревать, что отношения Андрея и Ангелины отличаются от отношений мачехи и пасынка. Принялся следить за ними, даже частного детектива нанял, но они будто что-то почувствовали, а может, и не будто. В общем, очень осторожны были, но я не сдавался и таки поймал их на прелюбодеянии! – в голосе мужчины слышались торжествующие нотки. Он явно радовался, что оказался прав. Странная, однако, мужская психология.

- Вот так и поймали? – мне показалось, что Креольский провоцировал собеседника, но тот, видимо, не был способен спокойно оценивать ситуацию, так как на трюк купился и принялся с жаром рассказывать о том, как застукал свою некогда любимую женщину с некогда любимым сыном. Как они спали обнаженные в объятиях друг друга, как «эта стерва» удивилась, увидев нагрянувшего муженька. По описанию все это здорово смахивало на сцену из какого-то дешевого мыльного сериала, но, наверное, супружеские измены иначе и не выглядят.

- А дальше?

- А дальше все просто – я ее выгнал, ну и гаденыша вслед за ней тоже. Факт измены был запротоколирован, все чин чинарем. В общем, оставалась моя женушка с голой задницей. До сего дня. А теперь выходит, это я в дураках! Это у меня ничего нет! Но ничего, не на того напали. Быть мне, видимо, вдовцом второй раз, если не согласится она добровольно все отдать!

Только этого мне не хватало! Мало мне одного уголовного дела, еще осталось стать свидетелем по новому. Интересно, смогу ли я притвориться, что ничего не слышала? Смогу жить спокойно, прочитав в газете новость об убийстве жены Татарского и не пойти в полицию с заявлением о том, что знаю, кто за этим стоит? Видимо, такая же мысль пришла в голову и хозяину дома, так как он, грозно сверкнув глазами, добавил:

- В конце концов, наша жизнь опасна и непредсказуема. Моя супруга вполне может попасть в дэтэпэ, ситуация на дороге сами знаете какая, – Татарский сокрушенно покачал головой, как будто и впрямь переживал из-за высокой аварийности на дорогах страны.

Поежившись, будто от сильного ветра, хотя в комнате, несмотря на работающий кондиционер, было достаточно тепло, я решила промолчать. Кто их знает, этих людей – не ровен час, и я могу стать жертвой дорожно-транспортного происшествия.

- Ну, я им устрою. Ну, они у меня попляшут. В тюрьме их сгною! О, – Татарский вскочил и принялся возбужденно мерить комнату шагами, – а ведь это идея! Как только я сразу не додумался. Ведь если Гелька украла контракт, то и нотариуса, получается, она убила. Ну, или с ее подачи. Вот дура! Так подставиться! Неужели думала, я прикрывать ее буду? Конечно, такой скандал перед выборами мне ни к чему, но может, и удастся дело спустить на тормозах. Пусть только договор отдаст и катится на все четыре стороны вместе со своим любовником.

- А вот это вряд ли, – сталь в голосе Креольского и его решительный взгляд свидетельствовали

о том, что нарисованная депутатом картина его не устраивает. Я поняла – переговоров не будет. Все имевшиеся между братьями разногласия и конфликты – в далеком прошлом. Сейчас значение имели лишь родственные узы и решительное намерение Олега воздать убийце брата по заслугам.

Татарский поморщился. Он словно увидел муху, залетевшую в комнату, – неспособную доставить серьезные неприятности, но чрезвычайно раздражающую.

– А, вы еще здесь... Что ж, – мужчина пожал плечами, – пожалуй, это может стать определенной проблемой, хотя... В конце концов, без моего заявления о краже контракта вы доказать ничего не сможете. Мы же с Ангелиной будем старательно изображать счастливую пару. Более того! Любые ваши попытки поведать миру эту историю будут интерпретированы как попытки очернить мое честное имя политическими противниками. И я вас уверяю, моего влияния, – Татарский рубанул воздух рукой, – окажется достаточно, чтобы обвинить вас в клевете против представителя власти и возбудить против вас уголовное дело. Попытайтесь пойти против меня, и времени на расследование убийства вашего брата у вас не останется – будете думать, как самим избежать тюрьмы. С другой стороны, если мы договоримся... Дружба со мной сулит немало выгод, я добро помнить умею.

Креольский недобро усмехнулся:

– Уважаемый Владимир Степанович, – начало хоть и смахивало на вступление поздравительного тоста, продолжение же сильно от него отличалось, – мне совершенно все равно, – в этом месте он употребил куда более крепкое словцо, которое, несмотря на его уместность и приличествующую случаю, я воспроизвести все же не решусь, – какова сила вашего влияния и возможностей. Если выяснится, что ваша супруга имеет отношение к убийству моего брата, она за это, так или иначе, ответит, даже если для этого мне придется сесть в тюрьму. Все! Я все сказал.

Желваки Татарского плясали лезгинку, но мужчина быстро сумел взять себя в руки.

– Ну, ну, – только и произнес он. – Что ж, посмотрим. А теперь вон из моего дома. Советую сделать вам это как можно скорее, а то, не ровен час, собачки мои из загона вырвутся, мало ли какая неприятность может случиться. Знаете, ведь может так произойти, что никакого приглашения не было, что вы проникли на территорию моего дома незаконно, где и пали бесславной смертью от лап и зубов моих сторожевых псов. Как вам такой расклад, а, Олег Павлович? Я и так сильно пожалел, что поддался эмоциям и вернул вас, не заставляйте меня пожалеть и о моем великодушии.

Нарисованная хозяином дома картина тут же предстала перед моим взором, заставив кровь застыть в жилах, и, преодолевая короткий путь от дома до машины, я все время ждала нападения сзади, почти физически ощущая тяжелое дыхание огромных псов, в два прыжка настигающих свои жертвы, то есть нас. И хотя собак я так и не увидела, эта картинка наверняка еще долго будет преследовать меня в самых страшных моих кошмарах.

Глава двадцать четвертая

Если женщина идет с опущенной головой – у нее есть любовник!

Если женщина идет с гордо поднятой головой – у нее есть любовник!

Если женщина держит голову прямо – у нее есть любовник!

И вообще – если у женщины есть голова, то у нее есть любовник!

Ф. Раневская

– Хотите чаю? – сидевшая перед нами женщина устало улыбнулась, отчего комната будто наполнилась ярким светом. Удивительно, она явно относится к женщинам из противоположного лагеря. Того самого, к которому принадлежит и наша красавица Марья, и моя ненавистная соперница Ольга. И все же в ее обществе мне было легко и комфортно. И это несмотря на то, что к ней в дом мы явились с намерением обличить ее в жестоком убийстве. В то же время мысль о том, что Ангелина могла его совершить, казалась безумно нелепой.

Хотя, что я знаю о жестоких убийцах? Чикатило вон, по свидетельствам очевидцев, и вовсе был милым человечком, робким, нерешительным и неуверенным в себе.

Как уж там Олег нашел адрес женщины, которая неожиданно стала нашей главной подозреваемой, я не знаю. Видимо, его возможности куда больше, чем я даже могу представить, но в дом, который с некоторых пор стал убежищем Ангелины, мы отправились сразу же после встречи с Татарским. Тот, видимо, успел предупредить супружницу о нависшей над ней угрозе, так как женщина предпочла сразу «взять быка за рога». По всей видимости, решительность – общая черта членов этой семьи.

– Попробуйте, отличный сорт, мне подруга его из Китая присылает. Да вы не бойтесь, он не отравлен, – Ангелина вновь улыбнулась. – И, пожалуйста, примите мои искренние соболезнования по поводу безвременной кончины вашего брата. Наше знакомство с ним носило шапочный характер, но я прекрасно знаю, каково это – терять близких, – интересно, мне показалось или на ресницах барышни действительно блеснула слеза? Или она прекрасная актриса, или... Хотя все же, наверное, без «или» – так переживать из-за кончины незнакомого ей человека.

– Вы простите меня... Вся эта история с Володей... Я теперь каждый день реву по поводу и без, словно дура. А вашего брата я не убивала, – было сказано вот так просто и без обиняков. Действительно, чего тянуть кота за хвост? Вот только вряд ли Креольский удовлетворится этим ответом. Хотя и представить себе, как он сумеет разговорить барышню и вынудить ее признаться в серьезном преступлении, я тоже не могла.

– Я ведь люблю его, – женщина горько усмехнулась и откинула рукой прядь волос, упавшую на глаза, – не вашего брата, разумеется, – она испуганно прикрыла рот ладошкой. – Своего мужа. Любила и люблю до сих пор.

Я прикрыла рот ладошкой, чтобы скрыть удивление. Представить, что кто-то может искренне любить властного кровожадного депутата, мне было сложно. Но сидевшая перед нами женщина утверждала, что это так.

– Знаете, как мы познакомились? – и, не дожидаясь нашего ответа, принялась торопливо рассказывать, словно брошенная всеми старушка, предающаяся воспоминаниям, радуясь наличию хоть каких-то слушателей. Острое чувство жалости пронзило мое сердце, так как я вдруг физически ощутила весь груз одиночества сидящей передо мной женщины.

– Я тогда совсем девчонкой была. Всего-то достоинств, что ноги от ушей, но этого вполне хватило, чтобы устроиться на работу к одному очень солидному предпринимателю. В общем, скорее, это и стало решающим фактором, так как ни опыта работы, ни способностей к ней у меня не имелось. Стоит ли удивляться, что ошибалась я тогда безбожно? Шеф терпел меня

долго, но в итоге и его терпению пришел конец. В общем, моя работа висела на волоске, любой промах мог обернуться ее потерей. Осознавая это, я старалась, как могла, но природная рассеянность и невнимательность вкупе с молодостью и бесшабашностью делали свое дело. Вова тогда вел дела с моим шефом, имя которого, вы уж простите, я упоминать не стану. Видела я его часто, но внимания особого не обращала – дядька и дядька, сколько их таких ходит. Так продолжалось до того момента, пока он меня не спас. В тот день шеф поручил мне напечатать договор с компанией Володи. Я по традиции добросовестно подошла к работе, старательно выстукивая клавишами текст сделки. Но, также по традиции, одновременно общалась с виртуальными подружками в «аське», обмениваясь всевозможными цитатами и приколами, найденными на просторах Интернета. Один мне особенно понравился. Про то, что женщины верят в романтические фильмы, событиям которых никогда не суждено случиться в действительности, а мужчины примерно так же относятся к порнофильмам. Дословно не помню, но суть такая. Ну, я отправляла эту фразу сразу нескольким подружкам, скопировав ее в буфер, и нечаянно вставила в текст договора. Конечно, даже и не заметила этого. Потом благополучно распечатала и отдала компаньонам на подпись. Необходимо отдать моему будущему мужу должное, он никогда не подписывает бумаг, внимательно их не прочитав. И, хотя с текстом он был отлично знаком, в мою задачу входило лишь оформление документа, все равно изучил бумаги досконально. И, разумеется, с прикольным «бонусом» тоже ознакомился. Но и виду не подал! Просто отказался подписывать договор, сославшись на необходимость еще раз его проверить. Шеф рвал и метал – такое неуважение, но Володя был непреклонен. А после встречи позвонил мне, представился и сказал: «Знаете, не скажу, что большой поклонник романтических фильмов, но в то, что любовь существует, я верю».

Я, конечно, опешила, так как не поняла, к чему подобные откровения – ошибку свою к тому моменту еще не обнаружила. Тогда Вовка, смеясь, попросил исправить договор, чтобы он мог его подписать. Вот так и начались наши отношения. Конечно, и тогда, и потом, и тем более сейчас, – Ангелина усмехнулась, – меня многие подозревали в корысти. Мол, Володя немолод, некрасив. Всего-то достоинств, что кошелек да власть, но для меня это не было решающим фактором. Хотя, конечно, свою роль это тоже сыграло. Не в том смысле, что я запала на деньги. Просто такие мужчины – состоявшиеся, успешные, они ведь всегда привлекают женщин. А Вовка к тому же... Понимаете, с первых же минут нашего общения я поняла – он намного моложе меня, мальчишка, в сущности. И мне не важно, сколько ему лет по паспорту, как он выглядит и что о нас думают окружающие. Я знаю лишь одно – с этим человеком мне хотелось бы прожить всю свою жизнь и умереть в один день. И я по-прежнему этого хочу, хотя уже больше и не надеюсь.

– Очень занимательная и поучительная история. Bravo! – Олег несколько раз несильно хлопнул в ладоши, изображая аплодисменты. – Советую вам, выбирая присяжных, отдавать предпочтение женской аудитории. Уж поможет ли вам этот «романтик» при вынесении приговора или нет, не знаю, но зрительский успех гарантирован.

Я укоризненно посмотрела на своего спутника. Как он может? Лично я поверила в рассказ Ангелины сразу и безоговорочно. И не только из-за своего настроения на романтическую волну, просто было в сидящей передо мной красавице нечто, что заставляло доверять ей безоглядно. Хотя, наверное, именно таким свойством и обладали все коварные красотки, начиная с Миледи и заканчивая Матой Хари. Все же я не могла даже мысли допустить о том, что перед нами сидит хладнокровный убийца.

Олег же, по всей видимости, полагал иначе, о чем и поведал довольно жестко, изложив собеседнице свою версию событий, напомнив и о пропаже брачного договора, и об измене якобы обожаемому супругу, – признаться, ослепленная красотой рассказанной Ангелиной любовной истории, я как-то позабывала об этих важных фактах.

Молча выслушав обвинения в свой адрес, женщина поднялась и отправилась в соседнюю комнату, оставив нас в некотором замешательстве, которое, правда, длилось недолго – уже очень скоро она вернулась, неся в руках какие-то бумаги.

- Вот, – протянула она документы Креольскому, – возьмите. Передайте их, пожалуйста, Вове. И скажите ему, на имущество я претендовать не буду. Мне от него, кроме него самого, ничего больше не нужно.

Беглого взгляда на бумаги было достаточно, чтобы понять – перед нами злополучный брачный контракт. В двух экземплярах.

- Что ж, грамотный ход, – хмыкнул Креольский, – а что же вы не все документы возвращаете? Это, как я понимаю, ваши с супругом экземпляры, а ведь есть же еще нотариальная копия.

Удивление промелькнуло в глазах Ангелины, на секунду озарив потухший взгляд блеском.

- Ах, это... можете мне не верить, но у меня его нет. К смерти вашего брата я никакого отношения не имею, соответственно, и к краже документов из его офиса тоже. Это все Андрей придумал. У него какие-то знакомые в полиции, они и шепнули ему о том, что из офиса нотариуса пропали какие-то важные документы. Он не знал, была ли там наша папка, но подсуетился, посчитав это прекрасной возможностью оставить папечку с носом, договорился с дворецким, получил доступ к сейфу, шифр как-то узнал. Ну а дальше – дело техники. У него связи не хуже, чем у отца, он узнал, что в полицейской описи наш контракт не значится, и узрел в этом перст судьбы. Поначалу мне эта затея не по вкусу пришлось, но потом я решила – это прекрасный шанс доказать Вове, что я с ним вовсе не из-за денег. В общем, я с самого начала хотела вернуть бумаги мужу, просто ждала, когда он сам заметит их пропажу. Конечно, это уже ничего не изменит в наших с ним отношениях, но я не хочу, чтобы и он, как другие, думал, что я с ним была исключительно из-за его денег.

- А это, конечно, не так, – продолжал упорствовать Олег. – Какие еще доказательства невинности ему нужно предоставить? – Именно поэтому вы и прыгнули в постель к молодому пасынку? Исключительно от великой любви к его батюшке?

И вновь вспышка озарила взор нашей красавицы. На этот раз гневная.

- Да как вы смеете? – чеканя слова, проговорила она. – Подробности моей личной жизни вас не касаются. С кем я сплю, к делу отношения не имеет.

На какую бы реакцию женщина ни рассчитывала, ее не последовало. Олег даже бровью не повел. Он спокойно продолжил гнуть свою линию.

- Имеет, – устало проведя рукой по волосам, парировал он, – еще как имеет. Одно дело убийство, совершенное в одиночку, другое – группой лиц по предварительному сговору. Я не юрист, но вот она, – он кивнул в мою сторону, – объяснит вам, что наличие сообщника при вынесении приговора наверняка прибавит вам несколько лет тюрьмы.

Пожалуй, самообладанию хозяйке дома мог позавидовать сам далай-лама. Меня восхищали ее выдержка и спокойствие. Никогда прежде не доводилось мне встречать подобных людей, и я не понимала, как Креольскому удавалось не поддаться ее чарам. Будь я мужчиной, наверняка уже мчалась бы в ближайший цветочный киоск за букетом, заказывая по телефону билеты в Париж в надежде уговорить неприступную красавицу составить мне компанию, ну или хотя бы разрешить издали сопровождать ее в путешествии. Но мой спутник, казалось, не замечал ни длинных ресниц, обрамляющих огромные с поволокой глаза, ни чувственных

губ, ни стройности стана красавицы. По всей видимости, он видел перед собой только убийцу своего брата, и детали значения не имели. Что ж, не могу сказать, что это меня так уж огорчало. В конце концов, мне и Ольги вполне хватало, а ведь она на фоне этой красотки выглядела бледной молью, дешевой бижутерией рядом с огромным, чистой воды бриллиантом.

- Что ж, - проговорила Ангелина, - мне кажется, мы закончили разговор. И, если у вас нет ордера на мой арест, прошу покинуть мой дом. Да, и документы прихватите.

Но Олег и не думал двигаться с места. Пожалуй, мне удалось отыскать ответ на вопрос, почему чары хозяйки дома не имели на него влияния - они с ней слишком похожи! Внутреннее достоинство, выдержка и самообладание - качества, совершенно отсутствующие у меня и в избытке имеющиеся у этих двоих.

- Я уйду отсюда только тогда, когда получу ответы на все свои вопросы, - глядя Ангелине прямо в глаза, произнес мой спутник.

- Что ж, - парировала она, - тогда откланяться придется мне. Надеюсь, вы не станете задерживать меня силой, - решительно поднявшись, женщина неторопливо отправилась к выходу из комнаты.

Если честно, меня этот поединок «Штирлица с Мюллером» порядком утомил. Впрочем, как и весь этот бесконечный день. Так что я решила, мне пора вмешаться. В конце концов, зачем-то же таскает меня за собой Креольский.

- Ребят, ну, может, хватить уже, в самом деле, а? Давайте зароем топор войны и поговорим спокойно? Лично я Ангелине... ээээ...

- Можно просто Ангелине, без отчества, - женщина замерла на пороге и, повернувшись, вперила в меня внимательный взгляд своих бездонных глаз.

- Одним словом, я вам верю, да и презумпцию невиновности никто ведь не отменял, не так ли? Олег, извини, но ее объяснения выглядят вполне логично.

Эх, кто меня только за язык тянет постоянно? Мало мне было утренней ссоры, так на новую умудрилась напроситься. С другой стороны, роль пешки в этой игре мне порядком надоела. Если уж он, по каким-то причинам, таскает меня за собой повсюду, пусть привыкает к наличию у меня своего собственного мнения.

Решительность ли в моем взгляде или несвойственная обычно уверенность убедили Креольского не вступать в полемику, а может, ему припала по душе неволью мною затеянная игра в доброго и злого полицейского, но Олег даже гневным взглядом меня не одарил. Впрочем, никаким не удостоил, предпочитая наблюдать за нашей хозяйкой. Острой иглой ревность уколола меня в самое сердце, так как в обращенном к ней мужском взгляде я наконец-то прочтала все то, чему полагалось появиться с самого начала: заинтересованность и толику восхищения.

С невероятным достоинством женщина вернулась на место, изящно присев на краешек кресла.

- Прошу простить меня за эти проявления эмоций, - произнесла она ровным тоном, - мне следовало бы сделать скидку на ваше горе. Я понимаю, отчего вы так себя ведете, и допускаю, вы имеете право на некоторые вопросы. Но, - добавила Ангелина твердо, слегка повысив голос, - комментарии относительно моей личной жизни прошу оставить при себе. Тем более что вы ничего о ней не знаете. Наше сближение с Андреем... Одним словом, это не имеет

никакого отношения к убийству вашего брата.

- Что ж, извинения приняты, - Олег потянулся к стоящей на столе вазе с фруктами и отщипнул от виноградной грозди крупную ягоду, но есть не стал, а принялся задумчиво катать ее между пальцами, - в свою очередь, я также хочу принести свои. Понимая ваше негодование, хотел бы все-таки еще раз вам напомнить - мое любопытство не является праздным. Можете мне поверить - меньше всего мне хотелось копаться сейчас в вашем грязном белье, но что поделать, если дорожки привели нас напрямик к вам и вашему... - мужчина замялся, подбирая слова, - пасынку. Поверьте, у меня нет цели повесить убийство на кого бы то ни было. Напротив, именно поиски истины заставили меня взяться за расследование. Но факты - вещь неумолимая. Пока вы единственная, у кого есть мотив разделаться с моим братом. И весьма, знаете ли, серьезный мотив.

Не мигая Ангелина смотрела в глаза Креольского, а затем неожиданно обратилась ко мне:

- Вы любили когда-нибудь? - Вопрос застал меня врасплох и заставил мои щеки запылать алым пламенем.

- А почему, собственно... И вообще... Я... - боковым зрением я поймала пристальный взгляд Олега. Кажется, его тоже заинтересовал заданный вопрос. Чего бы вдруг?

- Простите мою бестактность, - продолжила хозяйка дома, - вовсе не хотела вас смутить. Это всего лишь неудачная попытка найти в вашем лице союзника, - вспыхнувшая на секунду улыбка осветила лицо женщины ярким светом. Но это был лишь миг, он прошел, и свет погас. Словно и не было. - Видите ли, - она продолжила, обращаясь только ко мне, - мне действительно ничего не нужно от Вовы. Тем более учитывая, как я с ним поступила, - хрустнувшие костяшки сообщили о силе, с которой женщина сжала руки, - никогда себе не прощу! Ну, да вам об этом слушать неинтересно, - она провела рукой по лицу, будто пытаясь отогнать с него тень. - Вся эта затея с кражей контракта. Я ведь ничего о ней не знала. Это все Андрей. Преподнес мне документ торжественно в качестве подарка. Не судите о нем строго, он ведь мальчишка, в сущности. Эдакий жест д'Артаньяна, добывшего подвески для своей Констанции. Вот только мне они совсем ни к чему оказались. Конечно, я не стала огорчать мальчика. Будет еще время мягко объяснить ему, что к чему, но договор оставлять у себя я не собиралась. И да, не скрою, хотелось все же вернуть бумаги эффектно, доказав Володе отсутствие корысти. Пусть никто не верит, но я выходила замуж по любви.

- Я верю! - пожалуй, даже слишком горячо заверила я собеседницу. - Но вдруг этот ваш Андрей, стремясь доказать силу своей любви, договор не только у папеньки украл. Что, если он наведалься и в нашу нотариальную контору? - мне так хотелось верить в невиновность сидящего передо мной человека, что я с легкостью обвинила в преступлении пусть и незнакомого, но не очень симпатичного мне человека.

- Bravo, - Креольский хлопнул в ладоши, - мисс Марпл раскрыла загадочное преступление, - он даже не пытался скрыть насмешку в голосе. - Развязка в духе женского детектива. Мужчина совершает убийство ради любви. Вот только, душеньки вы мои, в жизни все иначе бывает. Деньги! Вот главная движущая сила всякого преступления. И пока, вы уж меня простите, от пропажи документов больше всех выигрываете только вы. Так что...

- Постой, - словно утопающий, схватилась я за последнюю соломинку, - мы же еще не спросили у Ангелины про алиби!

Креольский пожал плечами:

- В наше время убивать лично совсем не обязательно. Уверен, на момент убийства моего брата вы находились где-нибудь в очень людном месте, не так ли?

- Откуда мне знать? - удивленно спросила женщина. - Вы уж простите, но в последнее время жизнь моя бьет ключом, поэтому я понятия не имею, когда скончался ваш родственник. И, вполне возможно, я даже не вспомню, где именно находилась в тот момент.

Но, как выяснилось, она ошибалась, в отличие от Креольского, который как раз оказался прав - железобетонное алиби подозреваемой номер один не удалось бы разрушить и молотобойцу. Оказывается, именно в тот момент, когда шеф сделал свой последний вздох, милая хозяйка дома предавалась любовным утехам со своим пасынком, задокументированное свидетельство чему находилось у ее, пока еще законного, супруга. Позвонив Татарскому, Креольский получил надлежащее подтверждение. И, хотя все это еще нуждалось в дополнительной проверке, было очевидно - связать эту парочку напрямую с убийством брата Олегу не удастся.

Конечно, сдаваться так легко он не собирался, о чем и поведал мне по дороге домой довольно эмоционально, но, на мой взгляд, выстроенная им стройная версия рассыпалась прямо на глазах. И дело тут не только в наличии алиби у главных подозреваемых, но и в шаткости их мотива, ведь, если на момент убийства Креольский еще не знал о супружеской измене, похищать брачный контракт не имело особого смысла. Конечно, парочка наверняка понимала, что веревочке виться недолго и нужно заранее продумать пути отступления, но Ангелина уверяла, будто тот раз был первым и единственным, когда она изменила мужу. Я ей верила! В отличие, к слову, от Олега, тут же обвинившего меня в излишней сентиментальности.

Глава двадцать пятая

Бог создал женщин красивыми, чтобы их могли любить мужчины, и - глупыми, чтобы они могли любить мужчин...

Ф. Раневская

Несмотря на то что усталость валила меня с ног, мне удалось найти в себе силы приготовить нам легкий ужин. Ольга, по традиции, где-то отсутствовала, чему я, разумеется, была несказанно рада. Приученная Андрейкой тщательно сервировать стол перед каждой трапезой, я старательно раскладывала столовые приборы, когда Олег, стащив со стола кусок сыра и колбасы, соорудил из них бутерброд и предложил его мне.

- Но ведь скоро будет готов ужин, - слабая попытка оказать сопротивление была с негодованием встречена моим желудком, который громким, очень хочется надеяться, что не очень, рыком возвестил свой протест.

- И кто же нам помешает его съесть? - парировал Креольский, который тем временем состряпал второй бутерброд и принялся с аппетитом его уплетать. Все еще сомневаясь, не будет ли моя капитуляция расценена как отсутствие хорошего воспитания и не является ли предложение проверкой на манер той, которую принц из знаменитой сказки устроил принцессе, подложив ей под перины горошину, я аккуратно откусила кусочек и едва не заурчала от удовольствия. В конце концов, кого я обманываю? Принцесса из меня как из хрюкающего парнокопытного балерина, так что долой условности - да здравствуют вкусные бутерброды перед едой!

С удовольствием уплетая булку с вредным мясным продуктом, сидя рядом с мужчиной,

которого, вне всякого сомнения, я любила, я чувствовала себя необычайно счастливой. Разумеется, по всем законам моей жизни это не могло длиться вечно. Хлопнувшая входная дверь возвестила об обитателе квартиры, об одной мысли о котором кусок колбасы застрял у меня в горле, рискуя вызвать асфиксию. Кое-как проглотив его, я с тоской отложила бутерброд в сторону – почему-то мне сразу расхотелось есть. Особенно после того, как Ольга ехидно хмыкнула, бросив выразительный взгляд на отложенное в сторону сооружение из хлеба и колбасы.

- Привет честной компании! – весело проворковала она милым голосом и, хозяйским жестом бросив сумку на диван, грациозно вспорхнула на барный стул. – Трапезничаете? – протянула с показной завистливостью в голосе. – Везет же людям.

- Ну, так присоединяйся, кто тебе мешает? – любезно предложил Креольский.

- Нет, нет, что ты! – в голосе барышни на этот раз послышался испуг, граничащий с ужасом. – Я и после пяти вечера-то ем не всегда, а уж в столь поздний час! Коварный целлюлит только того и ждет!

- Что ж, а вот нам с Софьей эта напасть не грозит, правда ведь? – Олег весело мне подмигнул и с еще большим воодушевлением принялся уписывать бутерброд. Не особенно разделяя его энтузиазм, но и не желая вестись на явную провокацию соперницы, я вяло кивнула и нерешительно взялась за отложенную в сторону еду.

Придирчиво осмотрев мою фигуру и задержав взгляд в области бедер, Ольга ехидно хмыкнула, но предусмотрительно промолчала, чем сослужила себе хорошую службу – позволь она себе хоть один комментарий в мой адрес, честное слово, не досчиталась бы значительного количества волос на голове.

Грациозно потянувшись, милая барышня удалилась в свою комнату, пообещав скоро вернуться. Кто бы сомневался!

К этому моменту как раз подоспел наш ужин, состоявший из аппетитной жареной картошечки с румяной корочкой и сочной отбивной. «Смерть фигуре», как тут же окрестила я про себя это блюдо, источало такой аромат, что мой уснувший было аппетит вновь пробудился. Мне лишь чудом удалось не проглотить вилку и удержаться от желания вылизать тарелку.

Возможно, завтра я и пожалею об этом, пытаюсь свести пуговицу на джинсах с предназначенной ей петличкой, но сегодня мне было хорошо и комфортно. Хоть и недолго. Отличное настроение сделало мне ручкой одновременно с возвращением Ольги, красота которой ударила по глазам яркой электрической вспышкой. Тянувшийся за ней шлейф восхитительного аромата сумел перебить даже характерный запах жареной картошки, которым, как подозреваю, я вся пропахла. Потянув тонкими ноздрями воздух, барышня брезгливо поморщилась, но проявила чудеса сдержанности, оставив рвавшиеся наружу комментарии при себе.

- Приятного аппетита, – проворковала она, обращаясь к Креольскому. – Как прошел твой день?

Для такого простого вопроса сексуальности в голосе, пожалуй, чересчур много. С другой стороны, что я могу знать о правилах обольщения? Правда, даже моего скудного опыта в этой сфере оказалось достаточно, чтобы понять – пущенные стрелы, если и достигли цели, легко отскочили от Олега, не нанеся ему никакого урона. Все так же спокойно орудовал он ножом и вилкой, отправляя в рот аккуратно нарезанные мясные кусочки.

- Нормально, - буркнул он, демонстрируя явное неудовольствие по поводу попыток отвлечь его от трапезы.

- А у меня, ты знаешь, очень напряженно, - демонстративно, как по мне, так даже слишком, смахнув несуществующую слезу с явно нарощенных ресниц, барышня принялась рассказывать о мучающих ее переживаниях. Бремя одиночества тяжким грузом легло на хрупкие плечики нежного создания, а ему и разделить-то его не с кем. С удивлением наблюдая за разыгрываемым передо мной представлением, я ждала кульминационной развязки. Закручиваемое повествование прямиком вело Ольгу в объятия Креольского, как минимум для того, чтобы поплакаться на его плече. Уверена, именно для этого и разыгрывался весь этот спектакль. Девушку даже не смущало наличие посторонних зрителей в моем лице.

Не желая в очередной раз становиться свидетельницей жарких объятий сладкой парочки, я поспешно поднялась и, извинившись, попыталась стремительно ретироваться. Не тут-то было.

- Соня, постой, мы ведь еще чай не попили.

- С козинаками? - я процитировала фразу из старого детского мультлика, и, как ни странно, Креольский ее вспомнил. Лукавые искорки заплясали в устремленных на меня глазах.

- С козинаками, - весело ответил он.

- Я тебе душу изливаю, а ты... - Ольга зашлась в рыданиях. Довольно искренних, надо сказать. Не уверена, что таким образом она оплакивала шефа, а не выражала свою обиду перед Олегом, но факт остается фактом, по щекам девушки текли настоящие слезы, не причиняя, к слову, ни малейшего вреда ее безупречнейшему макияжу.

Виновато мне улыбнувшись, Олег достал из кармана белоснежный носовой платок и брезгливо протянул его красавице.

- Оля, без обид, но давай оставим эти игры, хорошо? Ты же знаешь, я дважды на одни и те же грабли не наступаю. Допускаю, смерть Юры действительно тебе нелегко дается, ведь есть же и в тебе что-то человеческое, но я уверен, ты это легко переживешь. И куда быстрее и проще, чем хочешь тут продемонстрировать. А у меня, в свою очередь, слишком много проблем, чтобы еще и утиранием твоих соплей заниматься.

Ого, а это было грубо! Не испытывая теплых чувств к сопернице, я тем не менее не могла ей не посочувствовать, осознавая унижительность для нее этой отповеди.

Перекосившееся от гнева лицо Ольги подтвердило верность моей догадки, а дальнейшее поведение избавило меня от мук сострадания.

- Да?! - завопила она, в мгновение ока превратившись из безупречной красавицы в страшную горгулью. - А на эту мымру у тебя время, значит, находится? - она зачем-то ткнула в мою сторону пальцем, хотя и так всякому присутствующему в комнате было ясно, кого именно она имеет в виду. - Таскаешься с ней где-то целыми днями. Твоего брата только что предали земле, а ты уже с ней любовь крутишь. Да еще с кем? С этой... с этой... с этой... - Я с нетерпением и некоторым внутренним содроганием ждала окончания фразы. А вот Креольский дожидаться не стал.

- Осторожнее, - тихо и очень твердо произнес он, - прошу не забывать, что ты все-таки гость в этом доме и в любой момент я могу решить, что ты злоупотребляешь оказанным

гостеприимством.

Отшатнувшись, словно от полученного удара, красавица стремительно покинула комнату и заперлась в ванной, откуда тут же послышались не слишком-то приглушенные рыдания.

- Соня, прости, пожалуйста, за эту сцену, - устало проведя рукой по волосам, обратился ко мне Олег. Губы мужчины скривила горькая улыбка.

Разумеется, я простила бы ему и большее, а в происшедшем так и вовсе не видела его вины, в чем и поспешила заверить. Креольский сделал ко мне шаг и ласково погладил по голове. Пальцы задержались на моих волосах чуть дольше положенного, от чего кожа тут же покрылась мурашками, а сердце замерло в надежде на продолжение, которое, как мне казалось, было так вероятно. Но, увы, чары растаяли вместе с появлением злой колдуньи. Словно фурия, ворвалась она в комнату и сквозь зубы вежливо попросила оставить их с Олегом наедине. Бросив на него вопросительный взгляд, я с удивлением обнаружила, что случившееся растрепало не только мои чувства, - мужчина выглядел весьма взволнованным. Пожалуй, таким я видела его впервые. Растерянно пожав плечами, он извинился и пообещал подняться ко мне позже. А я-то уж было решила, что его душевное волнение - моя заслуга! Скорее всего, причиной всему была предстоящая беседа с Ольгой, а их якобы ссора не более чем прелюдия. Очевидно, его чувства к бывшей возлюбленной все еще не остыли, и лишь уважение к брату, так недавно ушедшему в мир иной, останавливает его от того, чтобы слиться в любовных объятиях с некогда, а может, и все еще любимой женщиной. Комок тошноты подступил к горлу, стоило мне представить эту парочку вместе.

- Да выясните вы уже, наконец, отношения раз и навсегда, - голос против моей воли сорвался на крик. Поймав удивленный взгляд Олега и торжествующий Ольги, я резко развернулась и помчалась в «свою» комнату. Правда, больше всего мне хотелось и вовсе покинуть этот дом, но я справедливо рассудила, что и так доставила сопернице слишком большое удовольствие, да и на объяснения с Креольским сил откровенно уже не осталось.

Громко хлопнув дверью, я в два прыжка достигла кровати и навзничь на нее свалилась. Прокручивая в голове случившееся, тщетно пыталась отыскать столь желаемые признаки благосклонности ко мне Олега, ведь захоти он меня поцеловать, никакая бы Ольга не помешала. И уж совершенно точно, мечтай он, как и я, продлить то мгновение, не отпустил бы меня так легко. Нашел бы повод выставить наглую девицу за дверь. То, с какой готовностью он откликнулся на ее желание остаться наедине, свидетельствовало о многом.

Решение созрело в моей голове стремительно. Нет, больше я никому не позволю так издеваться надо мной. Пора брать судьбу в свои руки.

Глава двадцать шестая

Оптимизм - это недостаток информации...

Ф. Раневская

- Привет, - я шагнула за порог и замерла в тесном коридоре, - сможешь приютить меня ненадолго?

- Маша, кто там? - до боли знакомый голос раздался из глубины комнаты, и тут же в проходе возник Андрейка. В одних трусах с сердечками - моем подарке на День святого Валентина.

- О-о-о-о, вот это сюрприз! - Андрей и не думал скрывать своего торжества. - Какие люди! А где же твой защитничек? - поинтересовался он с притворным сочувствием. - Что? Выставил тебя за дверь? Дал пинка под зад? Что и стоило ожидать, ведь ты...

Что именно обо мне думает бывший возлюбленный, я решила не узнавать, предпочтя покинуть «гостеприимный» дом коллеги по-английски: не попрощавшись. Точно так же, как час назад я покинула другое жилище, навсегда оставив там огромный кусок своего сердца. Да чего там кусок! Я бросила его все к ногам человека, который этого явно не заслуживал, ведь он так и не поднялся ко мне в тот вечер. Решив раз и навсегда расставить все точки над «i», я сама решительно отправилась в его комнату. Хозяина там не оказалось. Тогда, едва сдерживая тошноту, подступившую из-за неприятного предчувствия, приоткрыла другую дверь и едва не лишилась чувств от отвращения. Конечно, кому-то представшее моему взору зрелище могло бы показаться естественным и даже красивым, но я к ним точно не относилась. Едва устояв на ногах, осторожно прикрыла я дверь и навсегда ушла из дома, который уже привыкла считать своим.

Формально меня не предавали: с Андрейкой мы давно расстались, и, значит, он вполне вправе строить личную жизнь с кем и как ему вздумается. Олег Креольский же и вовсе никогда не был моим. Но почему тогда мне так плохо? Почему хочется биться головой о стену до тех пор, пока воспоминания об обнаженной Ольге, восседающей на моем возлюбленном и совершающей характерные покачивающиеся движения, навсегда не исчезнут из моей памяти? Честное слово, гарантирую мне кто-нибудь амнезию от удара по голове, я с радостью подставила бы свою пустую тыкву под молоток. Как можно было надеяться, что такой мужчина, как Олег, всплывает ко мне какими-либо чувствами? О чем я вообще думала и почему позволила эмоциям себя захватить? Почему не сбежала сразу, как только увидела Ольгу, ведь любому дураку понятно, кто имел больше шансов на победу в этой схватке. Все эти вопросы носились в моей голове по кругу, и, сознавая их риторичность, я даже не пыталась искать на них ответы. Вместе с тем оставаться и дальше на улице становилось небезопасно - покинув квартиру Марьи, я решила скоротать время в соседнем дворе на лавочке, но, как выяснилось, несмотря на поздний час, в нем кипела довольно активная жизнь - уже несколько раз мимо меня проходили подозрительного вида субъекты, чьи красноречивые взгляды заставляли стынуть кровь в моих жилах.

Но куда мне податься? Подруга Маринка, как выяснилось ранее, отчалила на отдых в Таиланд, а больше я так и не успела обзавестись друзьями в этом городе. Покинуть же его совсем, отправившись к родителям в Волгоград, мне не позволяла гордость и еще, пожалуй, подписка о невыезде. Решение пришло само собой - неожиданно и вдруг. Стремительно поднявшись, я отправилась туда, где, как мне казалось, не откажут в приюте. Туда, где Креольский, приди ему такая мысль в голову, точно не станет меня искать.

Глава двадцать седьмая

Лучше быть хорошим человеком, ругающимся матом, чем тихой, воспитанной тварью...

Ф. Раневская

Божественный аромат свежесваренного кофе разбудил меня и мою любовь к жизни. Пожалуй, пора собирать разбитое сердце по кусочкам и заняться уже своей жизнью. И хотя, как именно это сделать, по-прежнему оставалось загадкой, радовало хотя бы наличие намерения.

- Соня, ты предпочитаешь черный кофе или со сливками? - спросила Ангелина, когда я

вползла в кухню.

- Нуууу, - протянула я нерешительно, - хотя какого черта. Конечно, со сливками. Хуже, чем есть, уже не будет.

Геля засмеялась, отчего морщинки вокруг ее роскошных глаз образовали красивое солнышко. А ведь она даже не пытается скрыть свой возраст, вдруг поняла я. Ей доступны, по крайней мере были, самые дорогие косметические процедуры и операции, но она предпочла нести свои годы с достоинством. Я пристально взгляделась в лицо гостеприимной хозяйки: губы явно не тронуты ботоксом, кожа, до которой не то что скальпель хирурга, игла косметолога не дотрагивалась. И тем не менее выглядела женщина просто роскошно - куда до нее старушкам из телика, чьи попытки улыбнуться накачанными губами заканчиваются жалкой гримасой.

- Ты чего? - засмеявшись, спросила Геля. - Рассматриваешь меня, будто я экспонат кунсткамеры.

- Скорее уж, музейный, - даже не пытаюсь скрыть свое восхищение, выпалила я. - Ты мне Мону Лизу напоминаешь.

- Здрасьте, приехали! - расхохоталась Ангелина. - Вот спасибо за комплимент. Она ж страшная, как не знаю кто.

- Кто? - с утра моя тыковка явно плохо соображала.

- Ну, Мона Лиза твоя. Ты же про творение кисти великого Леонардо? Вот уж никогда не понимала восторгов по ее поводу. Впрочем, как и ахов-охов относительно эталонной фигуры Венеры Милосской. Как по мне, так девушке не мешало бы приобрести абонемент в спортзал, подтянуть кое-какие части тела, знаешь ли. Да и руки ей наверняка не повредили бы, - вновь расхохотавшись, добавила Геля.

Заразившись ее весельем, я рассмеялась в ответ, на миг забыв о своих злоключениях и неприкаянности судьбы. Но мысли о них вернулись быстро, что неминуемо отразилось на выражении лица. Заметив перемены, хозяйка тоже посерьезнела.

- Ну, ну, все перемелется. Мука будет, как говаривала моя бабушка.

- Как ты можешь сохранять присутствие духа, учитывая выпавшие на твою долю злоключения? - В моем тоне было больше восхищения, нежели уважения.

- Позволь напомнить тебе, что в своих проблемах я виновата сама.

- Не верю! Можешь считать меня наивной, но мне кажется, ты не способна на предательство, и если уж ты изменила мужу, то на это имелись серьезные причины.

Мои слова вызвали у Ангелины приступ хохота, который меня несказанно удивил.

- Соня, ты бесподобна, - отдышавшись, смогла произнести неожиданно обретенная подруга, - но все равно спасибо, - женщина посерьезнела. - На самом деле измена есть измена. Без вариантов и оправданий. Хотя я все же могу привести в свое оправдание кое-какие аргументы. Вова здорово изменился в последнее время, превратился в мнительного Отелло, ревновавшего меня к каждому столбу. Он выматывал меня своими придирками, отдаляясь все больше. И все же я любила его и даже не помышляла об измене. А Андрюша... Знаешь, он ведь

очень милый мальчик. Такой трогательный и бесконечно одинокий. Ходил за мной все время, преданно заглядывая в глаза. Конечно, я замечала его влюбленность, но никогда не воспринимала ее всерьез. И надежд, как мне кажется, на взаимность не подавала.

- Так что же тогда произошло в ту ночь? - бестактность вопроса я осознала уже после того, как он вырвался, но Ангелина не обиделась и не удивилась. По всей видимости, даже обрадовалась подвернувшейся возможности излить душу, найдя в моем лице более чем благодарного слушателя.

- Не поверишь, я и сама не знаю. Мы с Володей повздорили, что в последнее время случалось все чаще, - Геля горько усмехнулась, - а Андрей был так мил и любезен. Мы выпили с ним шампанского, потом виски. Полагаю, больше положенного, ну и... Проснулась от криков мужа, обнаженная, рядом полуголый пасынок. Картина, я тебе скажу, не самая приятная, - гримаса боли исказила лицо моей собеседницы. Подозреваю, время нескоро залечит эту рану, если вообще залечит. Уверена, для Ангелины, от природы наделенной царственным достоинством, попасть в ситуацию из пошлого анекдота стало нелегким испытанием.

- Вот так, - женщина задумчиво наматывала на палец прядь волос, уставившись в одну точку.

- Да уж... - я не знала, что сказать и не была уверена, что в подобной ситуации это вообще стоит делать. Поднявшись, налила себе еще кофе, скорее для того, чтобы согреть о чашку озябшие пальцы.

- Как видишь, в своих бедах виновата только я, - подвела итог Геля.

- Что же теперь будет? - задала я вполне закономерный вопрос.

- Поживем - увидим, - пожав плечами, ответила хозяйка дома, - я, пожалуй, приступлю к поиску работы. Возможно, удастся устроиться куда-нибудь администратором. На большее я вряд ли гожусь - возобновлять карьеру секретарши в моем возрасте, сама понимаешь, несколько поздно.

- Я тебя умоляю! Сколько тебе? Двадцать девять? Тридцать?

- Тридцать пять! - торжественно провозгласила Ангелина.

- О да, ты, мать, настоящая старуха, - нас вновь охватил приступ безудержного веселья, а ведь моя родительница не раз говорила, что много смеха не к добру, как бы плакать не пришлось. С другой стороны, я уже вчера наревелась вдоволь, сидя в холодной подворотне, так что теперь просто восстанавливаю баланс.

- Ну а ты? Чем ты планируешь заниматься? - отдышавшись, спросила Геля. - Я так понимаю, в контору Креольского не вернешься, даже если она и возобновит свою работу.

- Ни за что! - выпалила я, пожалуй, чересчур поспешно. Женщина понимающе кивнула. - Поищу что-нибудь. Ты не волнуйся, я не собираюсь задерживаться у тебя надолго, - прижав руки к груди, горячо заверила я гостеприимную хозяйку.

- Что ты! Меня это совсем не волнует! Оставайся, сколько захочешь. Квартира все равно слишком велика для меня, а я ненавижу одиночество.

- А как же Андрей? - решила я задать давно мучивший меня вопрос, - разве он не живет здесь?

- Нет, с чего бы? - искренне удивилась Геля. - Наше с ним грехопадение не сильно изменило мое отношение к этому мальчику. Ну, разве что теперь я испытываю еще и досаду - не слишком справедливо, но что поделать, мы не всегда способны сохранять объективность.

- Это д-а-а-а, - протянула я, - мне ли не знать. Взять хотя бы мою историю. Казалось бы, мне следовало злиться на Олега, а я не могу, - сглотнув подступивший к горлу комок, я прижала руки к вспыхнувшим огнем щекам, пытаюсь их охладить, но ладони, согретые о чашку, не принесли желаемого облегчения. - Зато при одной мысли об Ольге во мне поднимается такая злость! Знаешь, попадись она мне сейчас, я бы наверняка вцепилась ей в волосы и здорово отметелила. Хотя в чем она, в сущности, провинилась? Каждый ведь сам кует свое счастье, она просто занялась своим.

- Твои чувства вполне понятны, даже если и несправедливы, - ласковая улыбка все понимающего человека осветила лицо моей собеседницы. - Так что не кори себя за них, а лучше выплесни энергию.

- Но как? - удивилась я.

- Ну-у-у, существует множество способов, могу поделиться своим рецептом. - С этими словами женщина встала и подошла к стоявшему возле стены музыкальному центру. Поколдовав немного с его кнопками, она вдруг замерла посередине комнаты с закрытыми глазами, и не успела я удивиться происходящему, как оглушительная музыка из динамиков прорезала утреннюю тишину, заставив ложку в моей чашке затрястись мелкой дрожью. Я вздрогнула, а Ангелина зашлась в безудержном танце папуасов Новой Гвинеи. По крайней мере, как я себе его представляю. Было в ее движениях что-то от первобытных шаманских ритуалов. Уверена, посылаемая во внешний мир энергия легко могла бы вызвать дождь, будь она на это направлена. Словно завороченная, смотрела я на дикие пляски, а потом неожиданно к ним присоединилась.

Закрыв глаза, принялась отплясывать я дикий танец, нимало не заботясь о его привлекательности. Хаотичные, лишены всякой логики и смысла движения имели лишь одну цель - развязать тугий узел в моем животе, вернуть утраченное душевное спокойствие. Как ни странно, мне это удалось. Очень скоро тревоги и волнения внешнего мира растворились в небытии, оставив только эти, лишены всякого смысла пляски.

Открыв глаза и встретившись взглядом с Ангелиной, я неожиданно для самой себя расхохоталась.

- Представляешь, если бы нас кто-нибудь сейчас увидел, - обратилась я к ней, давась весельем.

- Ага, - рассмеялась она, - а еще круче было бы, если бы кто-нибудь это снял. То-то бы Ютуб повеселился.

- А то! Мы вполне могли бы даже претендовать на участие в какой-нибудь передаче, где показывают самые смешные ролики из Сети. Непременно прославились бы!

- Да уж, - Геля вновь зашлась в приступе смеха.

Наконец, уставшие и измотанные, но довольные и счастливые, повалились мы на диван.

- Ну как? - поинтересовалась Ангелина.

- Здорово! - восхитилась я. - Пожалуй, теперь всегда буду использовать этот метод борьбы

со стрессами. Заодно и с лишними килограммами распрощаюсь, подобный фитнес, он ведь и для фигуры полезен.

- Ага, - весело подхватила Ангелина и принялась меня щекотать. Эта пижамная вечеринка заставила меня забыть обо всех проблемах и неудачах, вновь почувствовать себя девчонкой без хлопот и забот. И пусть в моих карманах гуляет ветер, да и свобода все еще под вопросом, сейчас мне было хорошо и весело, а весь мир может и подождать!

Но у мира, как обычно, на меня нашлись свои планы. Креольский напомнил о себе настойчивым звонком на сотовый. Высветившееся на экране имя тут же возродило в воображении картину, увиденную ночью. Вздвогнув как от удара, я выключила звук на телефоне, а потом, подумав, и вовсе вышвырнула его в окно. Убедившись, что нежная техника не пережила столкновения с землей, рассыпавшись на мелкие кусочки, резко захлопнула створки и повернулась к Ангелине.

- Вот так... - Подозреваю, что вымученная улыбка вышла не очень веселой, но вполне соответствующей случаю.

- Зачем ты это сделала? - удивилась Геля. - Никогда не понимала подобных жестов, перенесла бы звонившего в «черный список», и делу конец. Красиво, конечно, вышло, по киношному, но очень непрактично - у тебя же наверняка в записной книжке масса контактов осталась.

- Ой, и правда, - прикрыв рот ладошкой, вскрикнула я, - подожди, - прокричала уже из прихожей, поспешно засовывая ноги в тапки. Опротетью спустившись вниз, собрала осколки телефона, острой болью в сердце напомнившие мне о моей жизни.

Притащив разбитую технику домой, старательно выковыряла симку, которую, правда, все равно некуда было вставлять.

- Сейчас, - угадав мои мысли, произнесла добрая самаритянка Ангелина и ушла в спальню, где пробыла совсем недолго. Уже через минуту она вернулась оттуда с красивым аппаратом, на крышке которого красовалось надкушенное яблоко.

- Вот, держи, пользуйся, это мой старый телефон. Андрей помешан на Эппл и всегда дарит мне последние разработки компании Стива Джобса. А я, если честно, к ним совершенно равнодушна, но не обижать же, в самом деле, мальчика, сама понимаешь.

- Угу, - согласно кивнула я, размышляя, вправе ли принимать столь дорогие подарки, учитывая, скольким уже обязана Ангелине. Та, заметив мои сомнения, безмятежно махнула рукой:

- Не дури, бери, говорю. Все равно будет у меня валяться, пока кому-нибудь не подарю. Обычно за мной эту технику племянник «донашивает», но ему родители на день рождения как раз последний айфон подарили, а эта модель, считай, устарела и никому не нужна.

На том и порешили.

Чуть позже, уютно расположившись за барной стойкой и потягивая ароматный чай с плюшками, в очередной раз наплевав на диету, я делилась с Ангелиной своими планами. И первым пунктом в длиннющем списке дел, которые должны были привести меня к новой, счастливой жизни, значилось завершение расследования по делу Креольского Ю. П. И пусть Геля не очень верила в то, что мною двигало исключительно желание снять с себя подозрения

в жестоком преступлении, я продолжала стоять на своем, утверждая, что мне совершенно наплевать на близкого родственника убиенного, чей образ уже исчез из моей памяти. И уж тем более я не собиралась ничего доказывать человеку, имя которого давно забыла.

Недавно обретенная подруга, лишенная, судя по всему, склонности к затяжным дискуссиям, предпочла сделать вид, что поверила, хотя у меня имелись все основания в этом сомневаться. Но на продолжение споров сил не было, поэтому мы заключили безмолвное соглашение, согласно которому она делает вид, что верит мне, а я – что верю в то, что она верит мне. В общем, не важно – просто договорились не упоминать больше о том, кто стал причиной моих душевных страданий.

Можете назвать меня наивной дурочкой, выкладывающей главной подозреваемой все подробности проведенного расследования, но Ангелине я верила даже больше, чем себе. Понимаю, что многие знаменитые мошенники и злодеи обладали уникальной способностью расположить к себе любого человека, но в данном случае я предпочла бы обмануться, нежели обидеть сидящего передо мной человека подозрениями в коварстве.

Кроме того, мне просто необходимо было выговориться – в тандеме «я и человек, чье имя больше нельзя произносить» вещал обычно тот, кого не существует.

Геля, как и следовало ожидать, оказалась на редкость благодарным слушателем. При этом она не просто безмолвно внимала моим речам, но и вставляла в них весьма ценные ремарки и замечания, акцентируя мое внимание на тех моментах, которые ранее от него ускользали.

Перебирая главных подозреваемых, копаясь в их мотивах, Геля и я пришли к выводу, что лучших кандидатов на роль убийцы, чем мы сами, нам вряд ли найти. Но, так как подобный исход дела, по понятным причинам, нас не очень устраивал, пришлось обратить внимание на прочих кандидатов.

- Повтори еще раз все, что вам удалось выяснить, – попросила Геля, наверное, уже в пятый раз. Устало вздохнув, я вновь принялась пересказывать историю наших изысканий. Ангелина же, внимательно слушая, чертила вилкой на столе замысловатые узоры, нимало не заботясь об оставляемых на поверхности царапинах.

- Постой! – вдруг перебила она меня. – Мне кажется, мы что-то упускаем. Расскажи мне, пожалуйста, подробнее про старшую Макарову.

- Ольгу Васильевну? – удивилась я. – Зачем? Безобидная старушка, склонная к ипохондрии. Экстравагантная, конечно, но на роль убийцы никак не тянет.

- Ну-у-у, – протянула Ангелина, – в любом запутанном детективном романе именно такие безобидные старушки, божьи одуванчики, чаще всего и оказываются коварными преступниками.

Прыснув от смеха, я покачала головой:

- Так то в детективах, а у нас жизнь. Нет, я больше склоняюсь к версии, что за всей этой историей стоит Семавас. Как-то оно ближе к реальности.

- Как знать, как знать, – задумчиво проговорила женщина и сплела волосы в тугий узел, – я бы не стала так опрометчиво сбрасывать бабушку со счетов. Тем более что ее алиби, я думаю, вы проверить не удосужились?

- Нет, конечно, - растерянно проговорила я. - Да и зачем? Ни у кого из Макаровых не было мотива убивать шефа. Он всего-то оформил завещание, по которому, к слову, все имущество отходило дочери. Да и документ к тому же отыскался, что только подтверждает незаинтересованность женщин этого семейства в смерти нотариуса.

- А что, если это не тот документ? - глаза Ангелины заблестели от азарта. В тот момент она походила на охотничью собаку, взявшую след.

- Как это? - удивилась я.

- А вот так это. Что, если тебе показали не тот экземпляр завещания. Представь - отец изъявил иную волю, оставив все свое имущество загадочному внебрачному ребенку, к фигуре которого мы, кстати, еще вернемся чуть позже. Подобное положение дел не устроило мать и дочь или только старшую Макарову, коль уж у ее чада имеется алиби на вечер убийства, хотя это, к слову, тоже весьма подозрительно. Так вот, добрая старушка не желает лишать свое дитя положенного ей имущества и поэтому убивает нотариуса, крадет завещание, а тебе подсовывает старый его экземпляр.

- Ну, - протянула я, - красивая версия, не спору. Только не забывай, что старик Макаров не Рокфеллер и даже не дальний родственник Абрамовича. Все, что он оставил после себя - долю в квартире, весьма, кстати, убогой. А изложенная тобой версия больше тянет на детектив Агаты Кристи, в котором речь идет о последней воле старого графа, как минимум.

- Не скажи, - Геля налила чай в блюдце и шумно сделала глоток, напомнив мне купчиху, как их изображали в старых советских кинофильмах. Это так не вязалось с ее образом, что я прыснула в кулак.

- Ты чего? - удивленно спросила Геля. - Ах, это, - понимание промелькнуло в ее глазах, - должны же быть у женщины маленькие слабости, - она задорно мне подмигнула. - В общем, я за то, чтобы проверить старушку. Мой опыт читателя женских детективов свидетельствует о том, что именно такие темные лошадки и оказываются в итоге коварными злодеями.

С сомнением покачав головой, спорить я не стала - в конце концов, с чего-то же надо начинать. Правда, в моем случае начинать приходилось уже второй раз и с того же самого места, но на безрыбье, как известно...

Глава двадцать восьмая

Если больной очень хочет жить, врачи бессильны...

Ф. Раневская

- Представляешь, у них нет удостоверения сотрудника полиции. - Искреннее удивление Ангелины сильно меня рассмешило. Согласно ее плану, подсказанному, как я подозреваю, детективами Донцовой, она собиралась явиться в дом Макаровых, представившись сотрудником полиции, устроив старушкам допрос по всей строгости закона. Лично я в этом плане видела серьезные изъяны, и отсутствие соответствующих документов - далеко не единственный и точно не основной. Но Геля выглядела так забавно в роли детектива, что я не решилась спорить. Подозреваю, для нее эта игра стала отличным способом отвлечься от терзавших мыслей о разрушенном браке, и так как я нуждалась примерно в том же самом, отбросила все сомнения и решила окунуться в пучину бурной деятельности, развернутой моей недавно обретенной подругой. Вместе с тем первые же трудности не заставили себя ждать -

выяснилось, что купить в метро удостоверение сотрудника полиции невозможно. Или, по крайней мере, сделать это не так просто, как в романах знаменитой писательницы.

Правда, это ничуть не смутило мою новоиспеченную подругу – словно локомотив, неслась она на всех парах к намеченной цели. Уверена, попадись ей кто на пути, снесет не задумываясь. Весело напевая мотив знаменитой песенки, крутила она рулевое колесо своего автомобиля.

- Да уж... – только и смогла произнести Геля, когда ее сверкающий лаком, явно не дешевый автомобиль, взвизгнув шинами, лихо остановился возле нужного нам подъезда.

- Что, не похоже, что тут проживают богатые наследницы? – хихикнула я.

- Спокойствие! Только спокойствие! Как знать, а вдруг старик – подпольный миллионер, эдакий современный Корейко. Или, о! Может, он владеет дорогой коллекцией картин, стоимость которой на рынке Сотбис исчисляется цифрами с шестью нулями.

- Ага, а дочь и мать, чья память отца, предпочитают проживать в обшарпанной квартире и убивать всякого, кто покусится на ее долю. Сомневаюсь, что загадочная наследница, если даже принять за аксиому факт ее существования, знает о наличии дорогостоящих живописных полотен, коль уж семья настолько их не афиширует, что влачит жалкое существование в этих трущобах.

- Эх, Соня, никакого у тебя воображения, – нарочито грустно произнесла Ангелина и тут же мне весело подмигнула: – Ладно, в конце концов, чего гадать на кофейной гуще, пойдем и посмотрим.

- Пошли, только что ты собралась смотреть?

- Еще не знаю, – беззаботно проворковала моя спутница. – Там увидим.

* * *

- Сонечка, деточка, не могли бы вы принести чайник, мне так трудно ходить, – Ольга Васильевна тяжело вздохнула, наверное, в пятнадцатый раз за последние десять минут. Необходимо отметить, что, если бы ей давали рубль за каждый такой вздох, Валентина точно стала бы очень богатой наследницей.

Но нужно отдать хозяйке дома должное: несмотря на свое плохое самочувствие, встретила она нас крайне радушно. Хотя это-то как раз вполне объяснимо – участь вынужденной затворницы, как правило, стимулирует к общению, а Ольга Васильевна к тому же, вне всякого сомнения, была рождена, чтобы блистать. Подозреваю, в молодости она вскружила не одну мужскую голову и разбила множество сердец.

Я отправилась на кухню, по дороге внимательно рассматривая висевшие на стенах картины. Поначалу я приняла их за репродукции, но теперь в каждом мазке мне чудилась рука великого мастера. Понятно, что я тот еще ценитель живописи, и все же, возможно, Ангелина права – и к полотнам стоит приглядеться внимательнее. Только как это сделать? Без эксперта не обойтись, а где его взять, и главное, как познакомиться с полотнами. Мысленно пожав плечами, я убедила себя не забивать голову всякими глупостями и довериться подруге. Тем более что не особенно понимала, зачем мы вообще явились в этот дом. Этот же вопрос, в конце концов, пришел в голову и хозяйке дома. Разлив душистый чай по красивым чашкам тонкого фарфора (остатки былой роскоши, как полагаю), дама наконец догадалась поинтересоваться о цели нашего визита.

- Видите ли, - Ангелина продемонстрировала собеседнице ослепительно белые и ровные зубы. Все до самого последнего моляра, - я частный детектив, ээээ... Донцова Елена Сергеевна.

- Что вы говорите? Как интересно! - Старушка, конечно, явно не из тех, кого называют внимательным слушателем, но, если она будет перебивать Ангелину через каждое слово, мы так и ко второму пришествию до сути дела не доберемся. Хорошо еще, что моя подруга ловила все на лету. Осознав, что бабушка настроена активно участвовать в беседе, она затараторила, не переводя дух и не давая Ольге Васильевне и слова вставить в вещаемый монолог.

- Да, меня нанял новый владелец нотариальной конторы, пытающийся самостоятельно отыскать убийцу своего брата, не особенно веря в способность правоохранительных органов это сделать. В рамках своего расследования я опрашиваю всех, кто так или иначе, пусть даже косвенно или отдаленно, имеет отношение к этому делу. Вот очередь дошла и до вас. В связи с чем у меня несколько вопросов. Первый - не могли бы вы мне показать завещание вашего покойного супруга? И второй - где вы были двадцать первого мая сего года? Меня особенно интересуют вечер и ночь. - Ангелина перевела дух и пристально посмотрела на Ольгу Васильевну, которая в тот момент напомнила мне курицу на насесте. Во всяком случае, она также вертела головой из стороны в сторону, переводя взгляд с меня на мою подругу. Наконец, видимо осмыслив, услышанное, выпалила:

- Надо же, как удивительно! Женщина - и частный детектив! Деточка, скажите, а вы сами додумались выбрать такую профессию или кто подсказал?

Пришел черед удивляться Геле. Подозреваю, она ждала какой угодно реакции на свою речь, но подобного явно не ожидала.

- Ээээ... это моя детская мечта. Мисс Марпл, Фишер и все такое.

- Ой, и что, вот так просто женщине работать детективом? Это же, наверное, опасно? У вас и оружие имеется, да? А клиентов много? А какие дела вы в основном ведете? Убийства-то, поди, не каждый день приходится расследовать? Кстати, уже разгадали хоть одно?

Вопросы сыпались из старушки словно из рога изобилия. Поймав растерянный взгляд Гели, я едва удержалась, чтобы не расхохотаться в голос. А ведь ее предупреждали!

Но я явно недооценивала подругу - та скоро взяла себя в руки и каким-то чудом сумела вынырнуть из потока захлестнувших ее вопросов и даже направить разговор в нужное русло. Правда, желаемых результатов это нам, увы, не принесло. Завещание на вид оказалось подлинным и дата создания мною файла и оформления документов фактически совпадали. Так что если и был другой документ, то он составлялся без моего участия и после того, как отец семейства сообщил шефу о существовании внебрачного ребенка.

Что касается ночи убийства, то у Ольги Васильевны на нее оказалось стопроцентное алиби. Я бы сказала, железобетонное. Бедная старушка в тот вечер сильно занедужила, а дочь с будущим зятем, как мы помним, были на концерте и планировали заночевать в гостинице. Поэтому бабушка не придумала ничего лучше, как отправиться в больницу. Отправиться с помпой - на «Скорой помощи». Так что в тот момент, когда жестокий убийца вонзал канцелярский прибор в тело моего шефа, бабушка лежала под капельницей под надзором врачей, свидетельством чего являлась соответствующая выписка, любезно продемонстрированная нам хозяйкой дома. Так что если отсутствие явных мотивов еще можно было оправдать наличием скрытых, то вот с возможностями дело обстояло совсем плохо - их

у Ольги Васильевны попросту не имелось. Не говоря уже о том, что представить себе, как эта едва передвигающая ноги старушка смогла дотащиться до нашей конторы и уж тем более вонзить в шефа орудие смерти, я лично никак не могла.

Геля, похоже, тоже сдалась, так как, бросив тоскливый взгляд на висевшие на стене картины, как видно, прощаясь с надеждой отыскать в них причину для жестокой расправы с Креольским, она нехотя поднялась и, сославшись на большое количество дел, предпочла откланяться. Я, как верный оруженосец, потрусил рядом, удивляясь, как это мне опять удалось превратиться в безмолвного спутника харизматичного лидера. Что ж за судьба у меня такая – все время на вторых ролях?

* * *

- И что теперь? – спросила я, покусывая губу от досады.

- Не кисни, – Ангелина оторвала руку от руля и растрепала мне волосы, отчего мы чуть было не «поцеловали» впереди идущую машину, – веселье только началось. Предлагаю заняться поисками таинственного внебрачного ребенка покойного отца семейства этой веселенькой семейки.

- Но зачем?

- Как зачем? – казалось, моя спутница знала нечто такое, о чем я и не догадывалась. Иначе как объяснить ее горящие от азарта глаза и охватившее возбуждение? – Сама подумай, – Ангелина лихо крутанула руль, перестраиваясь в левый ряд, на что идущая там машина возмущенно отреагировала громким гудком клаксона, – у кого, как не у внебрачной дочери завещателя, больше мотивов желать потери документа, содержащего его последнюю волю? Только представь, что бы было, не найдись завещания? Тогда она вполне могла бы претендовать на роль наследницы и получить то, что ей причитается по закону и справедливости.

Я с сомнением покачала головой – девственная белизна ниток, коими сшили эту теорию, слепила глаза.

- Все бы хорошо, если бы не одно «но». А если точнее, то далеко не одно. Во-первых, – принялась я загибать пальцы, – завещание никуда не делось. Пропал только нотариальный его экземпляр, что на суть дела не влияет. Во-вторых, – слегка повысив голос, я пресекла попытку Ангелины что-либо мне возразить, – даже если предположить, что наличие второго экземпляра документа досадная оплошность и отступление от первоначального плана убийцы, не думаешь ли ты, что убивать нотариуса, красть важные бумаги, а потом объявляться в роли наследника – прямой путь за решетку. Не настолько же она глупа, чтобы полагать, будто у Макаровых не возникнет никаких подозрений, после того как исчезнет завещание. В-третьих, – Ангелина явно хотела мне что-то возразить, но, закусив удила, я не планировала останавливаться, – как именно, по-твоему, убийца планировал устанавливать факт родства? Нет, экспертиза ДНК и все такое. Но ты хоть представляешь себе, какая это волокита? Особенно учитывая, что отца нет в живых? Дело могло тянуться годами. И все ради чего? Ради одной трети в не самой дорогой и престижной квартире? И, наконец, последнее и главное – где именно этот таинственный внебрачный ребенок? Учитывая затеянную им суету, ему пора бы уже объявиться. Не находишь?

Бросив торжествующий взгляд на Ангелину, я немало удивилась, заметив, что она ничуть не утратила былого энтузиазма. Казалось, мои слова не произвели на нее никакого

впечатления, и я понятия не имела, почему. Но недолго, так как женщина вскоре мне все объяснила. Лихо притормозив около симпатичного кафе, словно птичка, выпорхнула она из автомобиля и направилась к открытой террасе. Я последовала за ней.

- А как тебе такая история? - произнесла она, откидываясь на спинку стула после того, как мы сделали заказ. - Что, если внебрачная дочь старика Макарова не собиралась вообще убивать Креольского? Ты же сама говорила, что в тот вечер он неожиданно задержался допоздна. Что, если она просто хотела выкрасть завещание. Прodelать то же самое с экземпляром бедных родственников - вообще пара пустяков, ты же видела, какая там хлипкая дверь. Ну а дальше дело техники. Что касается «овчинки», то я все же настаиваю, что она может стоять выделки. Видела, какие картины висят в доме Макаровых? Вдруг они просто сами не подозревают, какими сокровищами обладают?

- Ну да, они не знают, а таинственная дочь, которая отца и в глаза не видела, конечно, все знает, - с сомнением покачав головой, я отпила воды из стакана, любезно принесенного официантом.

- Как знать, может, отец, чувствуя вину перед покинутым ребенком и предчувствуя скорую кончину, написал чаду и раскрыл ему великую тайну.

- И все равно это не снимает вопроса о том, на что она могла рассчитывать, выкрадывая документы, ведь стоило ей предъявить свои права на наследство, как всем сразу становится ясно, кто именно стоит за пропажей завещания.

- И что? - казалось, у моей подруги имелись ответы на любые вопросы. - Их слово против ее. Доказать-то ничего невозможно, а из вашей конторы пропали не только бумаги с последней волей Макарова. Кроме того, не сохранились данные на твоём компьютере, о чем предполагаемая убийца знать не могла, на эту семью и вовсе бы никто не вышел.

Невесело рассмеявшись, я уж было собралась съязвить по поводу чрезмерной увлеченности моей подруги женскими детективами, но слова застряли в горле, встретив преграду в виде трепыхавшегося там же сердца - возле кафе парковался черный автомобиль Креольского. Двух мнений быть не могло. И хотя тонированные стекла не давали мне разглядеть салон, я точно знала, кто именно сейчас находится за рулем. Не собираясь выяснять, заметил ли меня Олег, я резко поднялась и опрометью бросилась в глубь кафе. Поинтересовавшись у услужливо подскочившего официанта, где у них находится дамская комната, быстро в ней укрылась, спрятавшись в одной из кабин. Заперев дверь на шпингалет, села на унитаз и прислонилась головой к перегородке, пытаясь унять охватившее меня волнение. Щеки пылали алым пламенем, руки предательски дрожали - моя готовность предстать перед Олегом лицом к лицу находилась на нулевой отметке.

Резкий зуммер телефонного звонка заставил меня подскочить как ошпаренную. Боязливо потянув молнию сумочки, словно опасаясь, что оттуда выскочит сам Креольский, я с сомнением уставилась на экран, осветивший незнакомый номер. Как знать, вдруг коварный мужчина воспользовался чужим телефоном, чтобы наконец-то со мной связаться. С другой стороны, это вполне могла быть и Ангелина.

Утопив круглую кнопку, осторожно поднесла трубку к уху, готовясь в любой момент дать «отбой».

- Соня, - несмотря на то, что Геля говорила шепотом, меня едва не оглушил ее голос. У страха, видимо, не только глаза велики, но и уши. - Ты где?

- В туалете, - сомневаюсь, что Олег мог бы меня услышать, но все равно я почему-то тоже говорила шепотом.

- Там и сиди, тут Креольский.

- А ты думаешь, почему я так быстро сбежала? Он один?

Геля замешкалась лишь на секунду, но я поняла, каким будет ответ.

- Нет, мне жаль, - в голосе подруги слышалось искреннее сочувствие, но это не смягчило боль от удара острого ножа, который она вонзила мне прямо в сердце. Так, подумаем об этом завтра, пока нужно решать прочие вопросы.

- Они тебя видели?

- Пока нет. И надеюсь, что не увидят. О нет. Поздно! Он идет сюда. Здравствуйте, Олег... эээ... - Геля отключилась, а я так хотела послушать их беседу. Хоть и боялась, что голос Креольского окончательно выбьет уходящую из-под ног почву. Но разве может быть хуже? Оказалось - вполне.

Скрип открывшейся двери возвестил, что теперь я в туалетной комнате не одна. И, конечно, из всех посетителей явиться в туалет приспичило не кому-нибудь, а моей счастливой сопернице. С моим везением рассчитывать на что-то другое, разумеется, не приходилось.

Но и этого судьбе-злодейке показалось мало. Иначе как объяснить следующий ее финт?

- О да, - весело проворковала Ольга, явно продолжая начатый ранее телефонный разговор, - извини, но я не могла говорить при Олеге, пришлось спрятаться в туалете. Я так рада, что ты позвонила, мне о стольком тебе нужно рассказать. Самое главное - мы снова вместе! Оказалось, что все эти годы... Вся эта история с Юрой была досадной ошибкой. Я все еще люблю его, и он меня тоже... Разумеется, признался. Более того! Пока это секрет, но я знаю - на тебя можно положиться. В общем, мы с ним женимся!

Я вовремя успела сдержать рвавшийся наружу крик, затолкав кулак в рот и едва ли не до крови укусив руку. Ну почему? Почему из всех ресторанов, кафе и забегаловок они выбрали именно эту? И именно сейчас? Подозреваю, ответ на этот вопрос мне не узнать.

Что было дальше, помню с трудом. Даже не знаю, сколько прошло времени после того, как Ольга покинула дамскую комнату, и до того, как в нее вошла Ангелина, сообщившая, что я могу выходить.

Стоит ли говорить, что кусок не полез мне в горло?

- Не хочешь рассказать, что произошло? - спросила Геля, когда мы вновь сели в машину. Я отрицательно помотала головой. Больше всего сейчас мне хотелось навсегда стереть из памяти услышанное, и уж тем более я не могла и думать о том, чтобы его повторить. Обладая редким чувством такта, Ангелина от дальнейших расспросов предпочла воздержаться, за что я была ей безмерно благодарна.

Погрузившись в свои не слишком радостные мысли, я не сразу заметила, что мы покинули пределы города, и только когда за окном машины замелькали белоствольные березки, догадалась поинтересоваться у своего компаньона, куда мы едем.

- Навстречу приключениям, - весело воскликнула она, а я застонала, словно от зубной боли.

* * *

- Короче, слушай. Пока ты там в туалете отсиживалась, я времени даром не теряла. Сделала звоночек одному высокопоставленному субъекту из органов - о нашем с Вовой разрыве пока еще официально не объявлено, так что я по-прежнему жена весьма влиятельного человека. Дядька мой, как и положено, лишних вопросов задавать не стал, просьбу выполнил - навел справки о старике Макарове. А тот, я тебе скажу, личность простая, незасекреченная. Да и биография у него не так чтобы событиями насыщена. В общем, представляешь, до переезда в наш город он служил всего в одной больнице - здесь не так далеко. Так что если нам где и искать следы его романа, то только там. Я считаю, это хороший знак.

- Это да, - согласилась я, - интересно, что бы мы делали, если бы выяснилось, что для поиска таинственной наследницы нам нужно отправляться на Камчатку?

- Купили бы билет на самолет, - беспечно пожала плечами Ангелина.

Наградив ее восхищенно-удивленным взглядом, я отвернулась к окну, делая вид, будто интересуюсь окружающими красотами, а на самом деле снова погружившись в свои не слишком радостные мысли.

Представшее нашему взору здание психиатрической больницы, подозреваю, и во времена своей юности не претендовало на звание архитектурного шедевра, теперь же и вовсе являло жалкое зрелище. Осыпающееся крыльцо, окна, чью измененную геометрию не скрывали даже ржавые решетки, разве что отвлекающие на себя внимание стороннего наблюдателя. С первого взгляда и не поймешь, что оконные створки держатся едва-едва и, скорее всего, закрываются с большим трудом, оставляя достаточно свободного пространства для доступа в помещение пыли, холоду и сквознякам. Не лучше выглядел и фасад - облезлый, серый и унылый. И в этом здании больных лечат от депрессии! Хотя, наверное, тут есть определенный смысл - достаточно постоять рядом с домом пять минут, чтобы осознать собственную удачливость. Помести же меня сюда на день, другой, а затем выпусти, думаю, счастьем и радостью не было бы предела. Разбитое сердце, маячащая впереди перспектива тюремного заключения, отсутствие работы и безденежье - все это сущая ерунда по сравнению с незавидной участью тех, кто вынужден проводить дни, недели, а то и годы в столь мрачном заведении.

Видимо, нечто подобное испытала и Ангелина, которая, пожившись словно от холодного ветра, произнесла:

- Да уж... Глядя на такое, отчетливо понимаешь, как же тебе в жизни повезло все-таки!

Возразить на это было нечего.

Высокопоставленный дядька из органов, как выяснилось, не только снабдил Ангелину необходимой информацией, но и оказал практическое содействие, договорившись о встрече с главврачом больницы, в которой некогда служил ныне покойный старик Макаров. Стоит ли говорить, насколько это облегчало нашу задачу? Правда, как выяснилось, скоро только сказка сказывается. Дело делается куда медленнее.

- Даже не знаю, чем могу вам помочь, - любезно принявший нас розовощекий гражданин больше походил на прожженного чиновника, чем на достойного представителя одной из самых интеллигентных и благородных профессий. Бегающие глазки, пухлые пальцы, будто созданные

для приема mzды, подобострастность, сквозящая в каждом движении, – не так, ох, не так представляла я себе человека, возглавляющего столь печальное заведение. Мне казалось, что здесь можно работать исключительно по призванию, в то время как сидевший перед нами человек отнюдь не производил впечатления врача от Бога. По крайней мере, как я себе их представляю. Если кто и отличался здесь интеллигентностью, то разве что старые обои: дав единожды кому-то честное слово держаться на стенах, они из последних сил исполняли обещание. А вот потолок давно сдался в нелегкой борьбе со временем, перестав быть надлежащей преградой для дождевой воды – многочисленные подтеки свидетельствовали о том, что всякая непогода превращается для помещения в испытание. Легкое дуновение даже летнего ветерка вызывало у оконных створок недовольный стон. Представляю, какие «серенады» они пели осенью и зимой. Так что, если сидевший перед нами главврач со смешной фамилией Колобков и извлекал какую-то выгоду из своего положения, полагаю, догадаться о ней не смогли бы даже самые пронизательные умы. Передо мной же такая задача не стояла вовсе, поэтому я предпочла не ломать голову о том, как такой человек оказался на подобном месте.

– А я думаю, что вы просто не можете нам не помочь, – тоном лисы Алисы, разводящей Буратино на пять золотых, промурлыкала Ангелина. Я с удивлением взглянула на подругу, которая, оказывается, может быть разной.

Колобков был явно польщен, о чем сообщил яркий румянец, разлившийся по щекам, и загоревшиеся похотливым огнем глазки. Фу, мерзость какая! Меня едва не стошнило при виде этого зрелища. А Геля ничего – держится молодцом. Кажется, мне следует присмотреться к подруге лучше, во всяком случае, она точно обладает определенными актерскими талантами. Осталось только выяснить, когда она играет, а когда – настоящая. Не подозревая о моих мыслях, женщина продолжила оболъщение главврача, рассыпаясь в комплиментах и дифирамбах. Наконец, когда с церемониальными действиями было покончено, она перешла к сути, попросив у доктора доступ к личным делам служащих, работавших в больнице тридцать-сорок лет назад.

Эскулап заметно погрузстнел и, покачав головой, был вынужден в удовлетворении просьбы отказать, сославшись на закон, запрещающий ему разглашать конфиденциальные сведения. Правда, позиция его тут же изменилась, стоило Ангелине жестом фокусника извлечь из кошелька розоватую хрустящую бумажку, являющуюся достойным представителем одной из самых твердых валют в мире. Просто поразительно, на какие чудеса способны эти прямоугольники. Уж какие только двери они не открывают, каких языков не развязывают.

Одним словом, очень скоро мы оказались в мрачном сером подвале с длинными рядами стеллажей, доверху заполненных картонными папками на завязках. Похоже, о таком достижении современного мира, как компьютеры, в этом царстве холода и мрака и не слышали. А жаль... Насколько было бы проще, щелкнув пару раз мышкой, получить ответы, если и не на все, то уж точно на многие свои вопросы.

А так нам пришлось убить добрых два часа на поиск мало-мальски подходящих кандидатур любовниц тогдашнего главврача, способных родить ему ребенка. Таких оказалось немного – всего трое. Внимательно изучив личные дела каждой из них, мы и вовсе остановили свой выбор на одной – той, что уволилась из больницы почти одновременно с Макаровым. Даже если это был и ошибочный выбор, начинать в любом случае с чего-то надо было, и Лебединская Анна Николаевна нам показалась самым лучшим вариантом. Во всяком случае, именно так мы решили, отправляясь по адресу, указанному в ее личном деле. Разумеется, спустя тридцать лет дамочка могла сменить место жительства как минимум не единожды, не говоря уже о возможности отправиться в мир иной, но мы верили в свою счастливую звезду, и,

как выяснилось, не зря!

* * *

- Разумеется, я помню Дмитрия Ивановича, - женщина говорила шепотом, так как в соседней комнате спал ее маленький внук. Приняла она нас очень учтиво и даже «проглотила» историю о том, что мы пишем биографическое произведение о талантливом психиатре, работавшем некогда в их небольшом городке. Эту легенду мы наспех сочинили по дороге, справедливо полагая, что не стоит раскрывать все карты сразу. Тем более что, если к делу причастна внебрачная дочь Макарова, ее мать вряд ли согласится нам помогать. Пока все шло как задумано. Мы узнали, что у женщины действительно имеется дочка, возраст которой вполне позволяет ей быть чадом покойного доктора.

Удивительно, сколько всего может быть намешано в одном человеке. А ведь когда-то Ангелина казалась мне существом, сошедшим с небес. Сейчас же она больше напоминала асфальтоукладчик, медленно, но решительно прокладывая дорогу к намеченной цели. Наблюдая за очередной метаморфозой подруги, я уже во второй раз за день поймала себя на мысли, что, возможно, погорячилась, посчитав, что читаю ее, словно открытую книгу. Если она и была романом, то только тем, чей сюжет отличался неожиданностью поворотов. Еще три часа назад передо мной разыгрывались сцены любовного произведения, и вот я уже наслаждаюсь «деревенскими рассказами» - из утонченной барышни Ангелина превратилась в обычную бабу, с удовольствием сплетничающую на лавочке у подъезда. Интуитивно или сознательно выбрала она эту роль, не знаю, но свои плоды та принесла - с энтузиазмом, свойственным всем женщинам, чьим единственным развлечением является просмотр телесериалов да подслушивание скандалов соседей с банкой у стены, предавалась Анна Николаевна воспоминаниям. Пусть ее тайны давно уже стали преданьями старины глубокой, на эмоциональности повествования это не отразилось - хозяйка едва слюной не захлебнулась, рассказывая нам, у кого, с кем какие романы случались в далекие времена ее службы в психиатрической лечебнице.

Внимательно слушая, пыталась я уловить хоть намек на необходимые нам сведения, но, увы, безуспешно. Мы уже узнали о том, как санитарка Верочка разбила сердце столяру Василию, счастливому отцу семейства. Верочка поиграла в любовь и бросила, а Вася еще год ходил мрачнее тучи и пил горькую, пытаясь, по старой русской традиции, утопить свою боль в алкоголе. Не менее печально завершился роман врачей Ольги Николаевны и Николая Петровича. Пусть и по другой причине. Там в дело вмешалась жена неудачливого Ромео, обратившаяся за помощью в профком.

- В те времена, сами знаете, - вздохнула Анна Николаевна, - государство о своих гражданах заботилось, в том числе и за их моральным обликом следило. Не то что сейчас, - снова тяжкий вздох, - взять хоть мою дочь. Вот когда ее Федька загулял, ведь, как мы его ни стыдили, ни увещевали, ничего не помогло - ушел к полюбовнице своей, оставив Варьку мою одну с ребенком. И что? Пожаловаться некому - свобода нравов. Даже алименты и те толком не платит. Вычитают у него чего-то из зарплаты, да разве ж это деньги? Зарплата вся «черная», официальная - слезы одни. Эх, раньше такого не было. Вот и приходится дочке моей работать как проклятой, чтобы сына на ноги поставить, а я вот с внучком сижу, в сад-то тоже его не устроить - сами знаете, очереди какие, - горестный вздох вновь вырвался из груди женщины.

Как по мне, так река разговора и до того текла в направлении, далеко от нужного, а теперь и вовсе свернула в другое русло, но Ангелина сумела вернуть ей заданный курс, умело используя подввернувшуюся возможность:

- А муж ваш где? Отец Вареньки? Он что же, не смог зятя вразумить?

- Коля-то? Да будь жив, думаю, сумел бы. Заступился бы за кровиночку-то. Но нет его. Десять лет уж как помер.

- Примите соболезнования, - искренне опечалилась Ангелина, хотя подозреваю, причина ее расстройства крылась в другом - все явственнее осознавали мы, что вытянули пустышку - вряд ли стоит искать внебрачную дочь Макарова в этом доме. И все же так просто моя подруга сдаваться не собиралась.

- Скажите, а вы с Коленькой, наверное, тоже в клинике познакомились?

- Да бог с вами, - испуганно замахала руками женщина, - нет, Коля у меня из рабочих был, тут на заводе трудился. Мы с ним с детства дружили, а как восемнадцать исполнилось, так и расписались. И заметьте - у нас все по правилам было: сначала свадьба, а потом все остальное. И Варенька родилась в браке, аккуратно через год после свадьбы-то. Это нынче молодежь распущенная да разнузданная, а мы... - О том, каким было предыдущее поколение, Геля решила не дослушивать, тем более что мы едва ли не час слушали о романах и любовных интригах достойных его представителей. Но надежда, как известно, умирает последней. Ею и объяснялся следующий, решающий вопрос моей подруги:

- Скажите, а вот главврач, Дмитрий Иванович, он какой был? Видный мужчина? Женщины, поди, штабелями складывались?

Анна Николаевна взглянула на нас с некоторым недоумением, замешкалась на секунду, а потом ответила с достоинством:

- Дмитрий Иванович такой человек был. Такой! Настоящий интеллигент. Я когда Варенькой забеременела-то, он меня от всей работы освободил. К себе в приемную посадил, должность секретаря выбил, хоть и не положен он ему был. Работа-то у нас, сами понимаете, какая. А декрет только после седьмого месяца полагался. Вот и встал вопрос у меня: либо увольняться, либо здоровьем ребеночка-то рисковать - не самая лучшая атмосфера для его вынашивания в больнице ведь. А Дмитрий Иванович золотой человек, пожалел он меня, вона что придумал. Век ему благодарна буду.

Мы с Гелей переглянулись. Ого, а вот это уже что-то, чего бы это главврачу так о простой медсестре заботиться, если только... Женщина же, не подозревая о наших мыслях, продолжала свое повествование.

- Очень жалко было, когда он уволился. Я потом из декрета уже и возвращаться не стала - не захотела ни с кем другим работать, да и Коленька не шибко мою работу жаловал. Я в поликлинику обычную устроилась - тихо, мирно, там, правда, тоже свои недостатки имелись. Вот, к примеру, заведующая наша...

Что именно отчебучила заведующая медицинского учреждения, Ангелина решила не узнавать, в очередной раз вернув разговор в нужное русло:

- И что же, вот так ни разу главврач ни с кем и никогда? - подлила она масла в огонь.

Женщина заколебалась, как будто решаясь на что-то, и, гордо вскинув голову, ответила:

- Нет! Ничего такого я не знаю!

- Ну, может, слухи какие-то ходили? - не унималась моя подруга.

- Может, и ходили, - Анна Николаевна поджала губы и протестующе скрестила руки на груди, - только я пересказывать их не буду, так как и тогда не верила, и сейчас не верю. Марать имя хорошего человека не буду.

- Анна Николаевна, голубушка, - Ангелина подалась вперед и взяла женщину за руку, - только вы можете мне помочь. Только на вас вся надежда. Как раз чтобы очистить имя Дмитрия Ивановича от грязи, и прибыли мы в ваш город. Нас наняла дочь покойного. Да, да, - добавила Ангелина, поймав удивленный взгляд женщины, - Дмитрий Иванович скончался. - Анна Николаевна истово перекрестилась. - И после его смерти в Интернете появилась информация, что этот талантливейший человек, интеллигентнейший доктор, оказывается, был бабником и повесой, едва ли не растлителем малолетних. Мы - я и моя помощница, - кивком головы Геля обозначила мое присутствие, - являясь частными детективами, по поручению жены и дочери покойного расследуем это дело, пытаюсь установить источник распространения нелестных сведений и заодно обелить его имя.

Не знаю, кого озвученная моей подругой версия удивила больше - меня или хозяйку, но напряглись мы одинаково. Женщина - обдумывая ситуацию и решаясь, стоит ли ей раскрывать известную информацию, а я - боясь разоблачения - история не выдерживала никакой критики - кому может быть интересен моральный облик никому не известного доктора, да еще и события, являющиеся преданиями старины глубокой? Но, как оказалось, явные несоответствия предложенной Ангелиной истории заметны лишь мне - пожилая женщина «проглотила» наживку.

- Вот уж не думала, что спустя столько лет... - Анна Николаевна прервалась на полуслове, прислушиваясь к окружающим звукам. Словно гончая, почуявшая след, улавливала она малейшие колебания воздуха. По крайней мере, как еще можно объяснить тот факт, что женщина услышала ребенка до того, как он громким воплем сообщил миру о своем пробуждении?

- Простите, Мишенька проснулся, - на этот раз она напомнила мне всполошившуюся наседку. С несвойственной возрасту прытью подхватила наша хозяйка и скрылась в соседней комнате.

- Ну, что ты думаешь? - если бы вырабатываемую человеком энергию можно было использовать в бытовых целях, то, думаю, одной Ангелины хватило бы, чтобы осветить маленький город. Пока же ярким огнем горели только ее глаза. - Мне кажется, это она! Все сходится - возраст дочери, ее нежелание говорить о главвраче. А его о ней особая забота во время беременности! Нет, чую я - мы на верном пути, с первого же визита и бинго!

Увы, но мой генератор трудился на последних оборотах, и тот факт, что я с самого начала находила в Гелиной версии массу изъянов, отнюдь не повышал его работоспособность. Меня не хватило даже на споры, поэтому я ограничилась равнодушным пожатием плеч и короткой фразой: «Поживем - увидим».

Пожили, увидели и поняли, что паузу в разговоре Анна Николаевна использовала с пользой для себя. Тщательно обдумав разговор, она, облачившись в костюм мисс Марпл, приступила к собственному расследованию, грамотно начав его с допроса свидетелей. То есть нас.

- Простите, а где именно порочат имя Дмитрия Ивановича? Кому это нужно? И какая теперь разница, раз человека нет? Не могли бы вы показать мне, что именно о нем говорят? Сама я в компьютере не разбираюсь, но у дочки он имеется. И даже с этим вашим, как его. Тырнетом!

Во!

- Эээ, - решительность во взгляде Ангелины уступила место неуверенности, и теперь моя подруга выглядела весьма бледно. Дураку ясно - такого поворота событий она не ожидала. Миссия грозила провалом, и тогда в игру вступила я, применив единственное оружие, которым владела, - честность.

Набрав в легкие больше воздуха, как перед прыжком в воду, я рассказала нашей хозяйке все - и об убитом шефе, и о том, что нарушила подписку о невыезде, явившись сюда, и о том, как важно мне найти преступника, умолчав только об истинных причинах своей заинтересованности в этом. Вернее, поведав не обо всех из них.

Мою речь обе присутствующие в комнате дамы слушали с открытыми ртами. Вот только изумлялись они по разным причинам - для одной мой рассказ явился увлекательным повествованием, способным заменить просмотр одной серии, только одной, бандитского сериала. Вторая явно планировала завести меня по дороге в клинику, которую мы не так давно покинули. С ее точки зрения, я поступила крайне неразумно, раскрыв карты матери предполагаемой убийцы. Ведь каждому очевидно, что она станет защищать дочь до последнего. Не оспаривая справедливость данного предположения, я ставила под сомнение породившую его гипотезу. Не производила Анна Николаевна впечатление коварной обольстительницы, заставившей горячо любимого мужа всю жизнь воспитывать чужого ребенка. Да и будь это так, услышав имя Дмитрия Ивановича, она нас на порог бы не пустила. Тем более так откровенничать точно уж не стала бы. Кроме того, нельзя не отметить и явное отсутствие прочих возможностей получить от женщины хоть какую-то полезную нам информацию. Окажись права Ангелина, хозяйка нам все равно ничего не рассказала бы. А так мы хоть смогли увидеть ее реакцию на откровенный рассказ. Вот что я вам скажу: либо Анна Николаевна обладала удивительными актерскими талантами, либо и впрямь ничего не знала о случившемся.

По мере моего повествования на ее лице отражались самые разные эмоции: удивление, испуг, недоумение и, наконец, озарение.

- Так вот оно что! - воскликнула она и, вскочив, принялась наматывать круги по комнате. - Как интересно! Дмитрия Ивановича, пусть земля ему будет пухом, жаль, конечно, ну да годы наши такие. А он так и вовсе прилично старше меня был. А я, стало быть, эээ, - женщина запнулась, подбирая слова, - вы, стало быть, решили, что раз я забеременела в бытность его главврачом, то не иначе как от него? Так, что ли?

- Анна Николаевна, голубушка, - Ангелина встала, подошла к хозяйке дома и, взяв ее за руки, чуть ли не силой усадила в кресло. - Ничего мы не решили. Честное слово! Только предположили, нужно же было с чего-то начинать.

- Это я понимаю, - Лебединская кивнула головой, - но чтобы я... Да своему Коленьке! Да с кем? С Дмитрием Ивановичем... - женщина выглядела оскорбленной. Наконец, решительно потрянув головой, она, подавшись вперед и снизив голос до зловещего шепота, доверительно произнесла: - Ходили слухи. Разные слухи... Только вы там у себя запишите, что я им никогда не верила!

Изобразив китайских болванчиков, мы с Гелей заверили хозяйку в обязательном исполнении ее указания.

- Так вот, - продолжила она, - поговаривали, будто у главврача случился бурный роман

со Светой Павловой. Якобы из-за нее он и сбежал потом из больницы. Дескать, обо всем прознала жена, и любовь пришлось прекратить. Только я в это, убей, не верю.

- Почему? - в один голос вскричали мы с Гелей.

- Потому, - женщина плотно сжала губы, демонстрируя бескомпромиссность суждений, - Дмитрий Иванович был интеллигентнейшим человеком, кристально чистым, высоконравственным. Сейчас таких не встретишь. Да и жена у него такая, такая, - Анна Николаевна захлебнулась от восхищения, не в силах подобрать подходящие слова, - одним словом, сногшибательная красавица. А Света Павлова... Хорошая девочка, не спорю. Но ведь никакая! Моль она бледная, тихая, незаметная, всего-то и достоинств, что золотой характер.

Как по мне, так очень даже значимый аргумент в пользу неизвестной Светы, вот только мой собственный опыт свидетельствовал о том, что в словах Анны Николаевны правды больше, чем того хотелось бы скромным Золушкам. Принцы обращают на них внимание разве что в сказке, в жизни предпочитая эффектных и статных, пусть и злобных, «сестер».

Приободренная моим понимающим взглядом, женщина продолжила сыпать аргументами, словно перезрелый стручок горохом:

- Кроме того, вы ж поймите, в больнице, как в деревне, от посторонних глаз не спрятаться. Если бы что-то было, я бы непременно заметила, тем более что несколько месяцев работала секретаршей Дмитрия Ивановича. Нет, - женщина категорично тряхнула головой. - Все это слухи, и не больше.

- А как же «дыма без огня не бывает»? - губы Ангелины сложились в саркастическую улыбку. - Как же в «тихом омуте черти водятся»?

Набрав воздуха в легкие, хозяйка уж было собралась разразиться гневной тирадой, как сработавшая сигнализация нарушила ее планы. Вернее, «сигнализаций» было две - вой автомобильной сирены разбудил маленькое чудо, о чем оно сообщило миру оглушительным воплем.

На звук подскочили сразу две женщины - Ангелина бросилась к окну проверить машину, Анна Николаевна - в детскую со скоростью, которой мог бы позавидовать всякий эфиопский бегун.

Отсутствовала она недолго - довольно скоро хозяйка вплыла в комнату, неся на руках розовощекого бутуза, одного взгляда на коего было достаточно, чтобы понять, кто в этом доме хозяин. Подтверждая мое предположение, бабушка торжественно представила нам вновь прибывшего.

- А это наш Мишенька, - растягивая слова, произнесла Анна Николаевна, раздуваясь от гордости так, словно представляла нам будущего президента России, - вот он у нас какой!

Михайло Федорович икнул и надул огромный пузырь, который, лопнув, обрызгал слюной счастливую бабушку. Уверена, на сегодняшний день это достижение наследника семьи являлось главным и единственным, но его престарелой родственнице большего и не нужно было.

Натянув на лицо подобающую случаю улыбку, не особенно заботясь о том, насколько искренно она выглядит, Ангелина продолжила допрос с пристрастием, понимая, что время аудиенции подходит к концу:

- Скажите, а вот эта Света Павлова, где именно можно ее найти?

- Да откуда ж мне знать? - женщина всплеснула руками, едва не уронив розовощекого Мишеньку. Тот, недовольный неподобающим обращением, тут же разразился громким плачем. Поняв, что больше нам «ловить» в этом доме нечего, мы предпочли спешно откланяться, не забыв поблагодарить добрую хозяйку за интересную и содержательную беседу.

* * *

- И что теперь? - задала я уже традиционный вопрос.

- Едем к Свете Павловой, - весело провозгласила Ангелина, - мы сделали ставку не на ту лошадку, решив, что любовница Макарова официально рожала ребенка. А что, если она сделала все тайно? Сама понимаешь, в те годы внебрачный ребенок - не лучший факт в биографии.

- Да ладно-о-о-о, - с сомнением протянула я, - не в девятнадцатом же веке жили наши герои. Может, советской моралью ребенок, рожденный вне брака, да еще от женатого мужчины, и не приветствовался и даже всячески порицался, но на кол за это никто не сажал, из племени не изгонял. Да и потом, допустим, родить ребенка Светлана могла тайно, а растила она его, по-твоему, тоже в подполье?

Посмотрев на меня, словно на неразумное дитя, Ангелина издала протяжный горестный вздох.

- Соня, ну включи воображение! Женщина могла родить ребенка и подбросить его в детский дом, ну, или еще куда - даже в те времена это не было редкостью. Одинокая девочка-сирота, всю жизнь мечтавшая о восстановлении справедливости, нашла в итоге родного папашу, который к тому моменту так своевременно для него скончался - а то бы не избежать ему праведного гнева оставленного чада. Но, решив урвать с паршивой овцы хоть шерсти клок, та и затеяла всю эту историю с наследством. Как тебе такая версия?

Я посмотрела на подругу, даже не пытаюсь скрыть своего восхищения.

- Слушай, да тебе бы романы писать! Или сценарии к детективным сериалам. Подозреваю, неплохие деньги могла бы зарабатывать.

- Смейся, смейся, - проворчала Ангелина, - сама знаешь - лучше всех смеется тот, кто делает это последним. Посмотрим, как ты запоешь, когда окажется, что я права!

- Поверь мне, - произнесла я грустно, - если тебе удастся распутать это дело, я не только спою, но и станцую. Цыганочку с выходом, краковяк, танец живота и лезгинку - все, что твоей душе угодно.

Учув новый след, гончая Ангелина и не думала останавливаться. Адрес предполагаемой бывшей любовницы старика Макарова у нас уже имелся. Оставалось только молиться, чтобы женщина не поменяла место жительства и вообще оказалась жива - учитывая давность событий, случиться могло всякое.

* * *

- Да вы проходите, проходите, - миловидная женщина средних лет, все еще довольно привлекательная и явно следящая за собой, мало походила на образ, нарисованный моим богатым воображением. После того как о ней отозвалась Лебединская, Светлана Павлова

представлялась мне скромной старушкой, тихой, робкой и незаметной. Так что я была немало удивлена, увидев на пороге современную даму в модном спортивном костюме с тщательно нанесенным макияжем и уложенной прической.

- Вы ведь из банка, да? Рассмотрели мою жалобу? Откровенно говоря, не думала, что так скоро отреагируете. В прошлый раз полгода ждала. Но молодцы, делаете выводы. Вот бы еще сотрудников научили работать.

- Светлана Павловна, - Ангелина, вознамерившись ослепить собеседницу белизной зубного ряда, растянула губы в широкой улыбке, - видимо, произошло недоразумение. Извините, если ввели вас в заблуждение, хоть и не намеренно, - Геля прижала руки к груди, демонстрируя искренность своих слов, - но мы явно не те, за кого вы нас принимаете. Кто бы это ни был.

- Вот как? - в глазах хозяйки промелькнул испуг, но она достаточно быстро совладала с эмоциями. - Тогда кто же вы? - настороженность во взгляде сменилась решительностью, особенно после того, когда женщина подошла к столу и будто невзначай взяла с него столовую вилку. Так себе, конечно, оружие, особенно против двух здоровенных девиц, но все же явно лучше, чем ничего.

Геля рассмеялась:

- Бросьте, Светлана Павловна, мы пришли в ваш дом с мирными намерениями. Хотя в наше время впускать двух незнакомых женщин вот так, не спросив имени... Весьма опрометчиво, конечно.

- Да, я понимаю, - устало произнесла хозяйка и умелым жестом отправила выбившуюся прядь волос на место, благодаря чему прическа вновь стала идеальной, - просто я тут вчера в банке с сотрудницей повздорила, ну и написала жалобу. Вот и подумала, что представители кредитной организации ко мне с извинениями пожаловали - тем более что подобный опыт уже имеется.

- Ну, надо же, как интересно! Кто бы мог подумать? Что, вот так пришли извиняться? - Ангелину, казалось, и впрямь интересовали подробности деятельности отделов по работе с клиентами в кредитных организациях. С другой стороны, надо же поддержать беседу.

- Да, представьте себе. Конечно, оставь я жалобу просто в отделении, подозреваю, и внимания бы на нее никто не обратил, но меня Юленька научила, как нужно поступать. Она у меня большой молодец в таких вопросах. В общем, если зайти на сайт головной организации и оставить заявку там, то пусть не скоро, но реакция непременно последует. Ну, да у нас как - главному не пожалуешься, ничего и не произойдет.

- Да, да, да, - покивала головой Ангелина и, как бы между делом, поинтересовалась: - А Юленька - это кто?

- Так дочка моя, - в голосе женщины послышалось обожание, - она у меня умная очень, образованная, вся в отца. Я-то так выше медсестры и не поднялась в жизни, а она медакадемию закончила, сейчас вот в ординатуре учится.

Не веря своим ушам, уставилась я на женщину. Я-то считала Гелину версию не более чем результатом разгулявшейся фантазии, а оно вон как все получается. Кто бы мог подумать?

Видимо, нечто подобное промелькнуло в голове и моей подруги, так как, бросив на меня торжествующий взгляд, она поинтересовалась как бы между прочим:

- А папа у нее, значит, тоже доктором был, получается?

- Ну да, - согласилась Светлана Павловна, - а вы, собственно, кто и по какому вопросу? - в глазах женщины снова мелькнул испуг, а в голосе явственно слышалась тревога.

- Да вы не волнуйтесь, мы к вам с миром и добром. Вести наши хоть и печальные, но и радостные одновременно, - моя подруга принялась излагать «легенду», придуманную нами по дороге сюда, но закончить ей не удалось - во дворе «завыла» автомобильная сигнализация, и тут же тонкой трелью завибрировала Гелина сумочка. Чертыхнувшись, Ангелина извлекла из ридикюля миниатюрный брелок, звуковым сигналом сообщавший, что с машиной какой-то неполадок.

- Подождите секунду, - крикнула моя подруга и умчалась спасать транспортное средство от невидимой угрозы, - Соня, без меня ничего не рассказывай! - крикнула она уже с лестничной клетки, и мы остались с хозяйкой дома один на один.

- Что, собственно, происходит? - в голосе Светланы Павловны явственно слышалась тревога.

- Да вы не волнуйтесь, сейчас Ангелина Олеговна вернется и все вам объяснит. Ой, а это ваша дочка? - кивнув на стоящую на комодe фотографию, поинтересовалась я. - Надо же, какая красавица, - я говорила совершенно искренне.

- Да, это моя Юленька! Вы правы, очень красивая девочка, а уж умница какая.

«Надо же, как молодо выглядит», - подумала я. По нашим расчетам, внебрачной дочери Макарова должно быть не меньше тридцати лет, в то время как девушка на фото едва-едва тянула на двадцать пять. Хотя, может, просто фотография старая.

- Скажите, а где она сейчас? - как бы невзначай поинтересовалась я, презрев просьбу Гели не касаться без нее главного вопроса. В конце концов, надо же мне как-то поддерживать беседу.

- Так в область же уехала, к подруге. Уж недели две как, - ответила ничего не подозревающая женщина.

Вот это да! Инстинкт охотника погнал мою кровь по венам с бешеной скоростью, а мы ведь и впрямь на верном пути. Неужели Ангелина права?

Казалось, разгадка совсем близко, еще пара наводящих вопросов, и дело раскрыто. Ну, где же Геля? Мне не терпелось наконец-то узнать всю правду, и я уж было собралась нарушить обещание и приступить к допросу самостоятельно, как в квартиру ворвалась запыхавшаяся подруга.

- Представляете, - пояснила она, - моя машина какой-то вашей соседке помешала. Видите ли, она загораживает проезд грузовому транспорту. А вдруг пожар или там «Скорой» проехать нужно, - подражая старческому голосу, произнесла женщина, - никакие уговоры, что я тут ненадолго, не помогли, пришлось переставить.

- Так на чем мы остановились? - наконец вернулась она к сути дела. - Соня, ты не рассказала еще Светлане Павловне, зачем мы здесь?

- Нет, Ангелина Олеговна, вас ожидала, - мы заранее распределили роли в этой игре, и мне по традиции досталась роль младшего помощника нотариуса, которого, как нетрудно

догадаться, и изображала усердно моя подруга.

Согласно легенде, мы являлись посланниками последней воли старика Макарова, который завещал внушительную часть якобы имевшегося у него состояния своей внебрачной дочери. Конечно, план с треском провалился бы, окажись наша визави в курсе дочкиных похождениях, но, если нет, мы могли получить весьма ценную информацию как минимум о местонахождении милой дочурки. Кроме того, ничего лучше нам придумать не удалось, поэтому предпочли рассказать правду. Ну, почти правду.

Сказать, что Павлову удивил наш рассказ, значит ничего не сказать. Но изумление очень быстро сменилось гневом. Побелев словно полотно, Светлана Павловна сжала кулаки и прошипела, едва сдерживаясь от ярости:

- Не знаю, кто вы и зачем на самом деле явились в мой дом, но это уже слишком. Я достаточно натерпелась от этой семьи, неужели им все мало? Не верю, что Дмитрий Иванович способен на подобное. Наверняка это его змея! Мало она мне крови попила, так теперь решила разворошить былую рану. А вы? Как вам не стыдно? Молодые, красивые, неужто нет иного способа заработать, кроме как... Я даже представить не могу, для чего вам всем понадобился этот спектакль. И гадать не буду! Вон из моего дома! Немедленно!

Ничего себе реакция на такую в целом нейтральную новость, если не сказать приятную! Допускаю, что известие о смерти Макарова могло расстроить его бывшую возлюбленную, но вызвать такую бурю негодования...

Но Светлана Павловна явно не собиралась нам что-либо объяснять. Да и не смогла бы - словно рыба хватала она ртом воздух, хватаясь рукой за сердце. Ангелина соображала значительно быстрее меня, поэтому опрометью метнулась на кухню и принялась открывать все шкафчики в поисках лекарства. Обнаружив таблетки, она быстро вскрыла флакон и сунула пилюлю под язык нашей хозяйке. Очень скоро та успокоилась, обмякла и задышала ровнее.

- Светлана Павловна, голубушка, что случилось? Простите, если чем обидели, но, право слово, и в мыслях не было.

Женщина недоверчиво взирала на нас со своего места.

- Вы что, действительно ничего не знаете? Ну, тогда я... Вообще ничего не понимаю. Странные у Ольги, однако, шуточки. Хотя она и раньше не отличалась душевной теплотой, а уж теперь, видимо, еще и возрастные изменения добавились. Разве вы не знаете, что Юленька умерла?

Настал наш черед изумляться.

- Как умерла? Вы же только что сказали, она у подруги.

Хозяйка дома быстро перекрестилась и затараторила, как будто боялась не успеть поведать нам самое главное:

- Что вы! Это не дочь Дмитрия Ивановича. Моя Юленька, эта Юленька, - женщина быстро кивнула на стоящую на комодке фотографию, - она родилась спустя пять лет после... И совсем от другого мужчины. Может, оно и к лучшему... Что бы я делала одна с ребенком на руках, как бы моя жизнь сложилась? Не знаю... Но только верите, ни дня не было, чтобы я не вспоминала свою первую дочь. Потерять любимого мужчину и ребенка одновременно... Как я тогда выжила... Но вот выжила, - горько усмехнулась Светлана, - и, как видите, даже вполне счастлива. Время лечит.

- Светлана Павловна, милая, ничего не понимаю, так вы хотите сказать... - Ангелина прижала руки к груди, демонстрируя открытость намерений.

- Да, именно это я и хочу сказать, - горько промолвила хозяйка, - мы очень ждали с Дмитрием Ивановичем ребенка. Имя придумали, договорились, если родится девочка, назовем ее Юлей, мальчика - Ваней, в честь его отца. А потом все рухнуло. В одночасье и сразу. Девочка родилась слабенькая, больная, дня три только и прожила. Дмитрий же Иванович и не пришел ни разу. Я тогда словно обезумела от горя. Хотя почему словно, - Светлана Павловна горько усмехнулась, - как меня только в психушку не упекли к моим же пациентам... Как бы то ни было, но от депрессии я очнулась только через год. Еще через два смогла вернуться к нормальной жизни, на мужчин смотреть стала, а потом и своего Сереженьку встретила. А девочку нашу назвала Юлей в честь того, первого ребенка. Виновата я перед ним сильно. Я ведь тогда в своем горе даже похоронить ее не удосужилась, даже могилки не оставила, куда цветы положить можно. Упокой господи душу ангелочка моего, - и женщина залилась слезами, оплакивая давно умершую дочь.

* * *

- Что ж, отсутствие результата тоже результат, - в который раз уже меня восхитила удивительная способность Ангелины сохранять бодрость духа и оптимистичный настрой в любой ситуации.

- Ну да, только мы снова оказались там же, откуда начали.

- Не скажи, - Геля весело мне подмигнула, - зато мы теперь знаем, что никакой внебрачной дочери нет. Исключили одну версию, сузив круг подозреваемых.

- Да там уже почти никого и не осталось. Разве мы только что-то упускаем, и убийца все же кто-то из нас: ты, я, Андрейка и так далее.

- Ой, да ну тебя, - проворчала Геля. - Уж точно не мы с тобой. Вот в этом я уверена на сто процентов. Слушай, а где моя машина? - Мы огляделись в поисках автомобиля, но заметной красной «Мазды» не наблюдалось - одни выдавшие виды представители отечественного автопрома - судя по всему, в этом дворе проживали исключительные патриоты. Поддержав российского производителя лет двадцать назад, они, уверена, и сейчас не давали ему умереть с голоду, формируя спрос на автозапчасти.

- Блин, страна идиотов, - проворчала Геля, - на пять минут отлучиться нельзя. По ходу, свистнули наше с тобой средство передвижения.

Я удивилась, насколько спокойно Ангелина это говорила. Если бы у меня был автомобиль и потом его украли, я бы уже носилась по двору с криками «Караул! Ограбили!» и рвала на себе волосы.

Словно угадав мои мысли, подруга пояснила:

- Тачка все равно застрахована. Конечно, проблем с бумагами и волокиты не избежать, да и надо думать, как мы отсюда выбираться будем, но что толку эмоционировать?

- Слушай, а ты ее точно здесь оставляла? Никуда не отгоняла?

- А ведь и правда! - Ангелина хлопнула себя рукой по лбу. - Это ж все та скандальная старушка. Как по мне, так там и фура развернулась бы на триста шестьдесят градусов.

Пришлось поставить машину за домом.

Я удивилась:

- Так здесь же полно места для парковки?

- Это сейчас. Видимо, отъехали, - пояснила подруга. - А то яблоку негде было упасть.

С сомнением оглядев тихий двор, не производивший впечатление сильно оживленного, я решила выкинуть сомнения из головы. В конце концов, зачем Ангелине водить меня за нос?

- Эй, ты куда? - погружившись в свои мысли, я не сразу заметила, что подруга бодрой рысью покидает двор, стремительно увеличивая расстояние между нами.

- Так за машиной же, - весело крикнула Геля, - подожди меня здесь.

Пожав плечами, я пнула носком туфли лежащий на дороге камешек. Можно и подождать.

От нечего делать оглядевшись вокруг, я поразились безлюдности дворовой коробки: ни малышей, копошащихся в песочнице под пристальным взором скучающих мамаш, ни зорких старушек, ни забивающих «козла» мужичков - ни-ко-го. Взирающие тусклыми окнами окружающие дома казались необитаемыми и безжизненными. Двор выглядел как современный Чернобыль - город, покинутый своими жителями много лет назад, совсем обветшалый, хоть и сохранивший различные признаки кипевшей некогда жизни. Совсем недавно я смотрела о нем фильм, и увиденное стройной цепочкой ассоциаций напомнило мне его сюжет.

Но тут, будто в ответ на мои мысли, один из домов «выплюнул» своего обитателя - потрепанного мужичка неопределенного возраста, демонстрирующего все признаки жесткого похмельного синдрома. Оглядевшись по сторонам, он тут же проложил курс в мою сторону, демонстрируя неслыханную для его состояния скорость. Намерения его не вызывали никаких сомнений.

«Наверняка станет просить денег», - пронеслась в голове стремительная мысль, но получить дальнейшего развития не успела - шуршание шин возвестило о прибытии моей колесницы. Ангелина влетела во двор лихо, выбивая из-под колес автомобиля россыпь гальки. Виновато улыбнувшись мужичку, мол, и рада бы помочь, да не успеваю, я повернулась к транспортному средству, готовясь запрыгнуть в него едва ли не на ходу - судя по всему, Геля, закусив удила, не собиралась терять ни минуты. Но то ли подруга перепутала тормоз с газом, то ли уснула за рулем, но снижать скорость она явно не собиралась. Напротив, машина стремительно неслась на всех парах прямо на меня.

Осознав в последний момент грозящую опасность, я попыталась заскочить на тротуар, но соперничать с шустрым представителем японского автопрома по скорости передвижения оказалось затеей зряшной. Направляемый решительной рукой, автомобиль зацепил меня своим краем, подбросил, словно тряпичную куклу, в воздух и погрузил во мрак небытия.

Глава двадцать девятая

Ой, какая худая девочка! Совсем нет мяса, одни кости.

Как же я буду воспитывать ее? Я отоблю себе руку!..

Ничего не было. Ни света в конце тоннеля, ни архангела Гавриила, ни иерихонских труб... Хотя трубы тут, наверное, ни при чем. А что при чем? Как можно понять, что там - в загробном мире? И вообще, существует ли он? И, если я об этом думаю, может, я все еще здесь - на свете этом? Или застряла между, превратившись в привидение. Или... Размышления прервал незнакомый голос, звучавший откуда-то издалека:

- Николай Петрович, кажется, она приходит в себя.

- Вижу, Зиночка, оживает наша красавица. Глянь-ка, как там ее зовут?

- Ангелина Олеговна Татарская, - спокойно ответил женский голос. Услышав имя несостоявшейся убийцы, я затрепыхала, словно выброшенная из воды рыба. Вернее, попыталась это сделать. Но единственное, на что оказался способен мой организм, - это выдать невнятное хрипящее бульканье.

- Тише, милая, тише... Зина, два кубика...

Кубики, шарики, мягкие игрушки... Я погрузилась в сладостное небытие.

* * *

Как же болит голова! Странно, не помню, чтобы вчера выпивала, хотя, что я вообще помню о дне минувшем? Я попыталась открыть глаза, но не тут-то было - тело категорически отказывалось мне подчиняться. Так бывает иногда, когда стараешься проснуться, но не можешь. И хочется крикнуть, позвать на помощь, а ничего не выходит. Видимо, это как раз один из таких случаев. По опыту я знала - лучшее, что можно сделать в подобной ситуации - вновь погрузиться в объятия Морфея. Вот только за какие-то прегрешения я, по всей видимости, утратила благосклонность бога сновидений, который теперь явно не спешил принимать меня в свое царство. А что, если мне суждено навсегда застрять в этом состоянии? Что, если именно так чувствуют себя люди, впавшие в кому после ужасной аварии?

Авария! Ну, конечно! Одновременно с озарением меня посетила и способность владеть своим телом! Ура! Я снова могу открывать глаза и даже шевелить руками и ногами. Пусть слабо, но все же могу! Приподняв ресницы, увидела серый, потрескавшийся и облупившийся потолок. Морщась от боли, повернула голову в слабой попытке оглядеться по сторонам - больничная палата, одиночная и явно не в лучшей клинике. Убогость обстановки вполне соответствовала термину «бесплатная медицина» - больнице явно давно никто ничего не платил. Хотя на другое мне, разумеется, рассчитывать не приходится. Но я жива, и это главное. Правда, я снова поморщилась, выдергивая из вены иголку капельницы, это вполне может оказаться «кратковременным эффектом», ведь где сейчас Ангелина, мне неизвестно, а это значит, что я в серьезной опасности - женщина в любой момент может довести задуманное до конца. Нужно сматываться отсюда, и как можно быстрее. Хотя в моем теперешнем положении это вряд ли возможно - тут хотя бы скорость улитки развить. Что ж, значит, будем уползать. Сказано - сделано. Пошевелив руками и ногами, закусив губу от боли, я убедилась в целостности конечностей. Учитывая скорость автомобиля и то, с каким «гостеприимством» меня принял асфальт, первым пунктом назначения, который мне следует посетить сразу после клиники, станет церковь - неплохо бы поставить свечку ангелу-хранителю. Но для начала не мешает доковылять до двери палаты. На реализацию задуманного у меня ушел как минимум час. По крайней мере, мне тогда именно так и показалось. Кстати, а ведь и впрямь не мешает проверить, который сейчас час. И день... И кто знает, может, и год сейчас другой. Я ведь

понятия не имею, как долго была без сознания. Что, если прошло уже лет сто и мир изменился до неузнаваемости? Вдруг по улицам гуляют злобные мутанты или пришельцы? А что, если... Да уж, видимо, голова пострадала в аварии больше всего, в чем я тут же убедилась, потянувшись за сотовым телефоном и обнаружив, что оставила его в сумочке. А ее на тумбочке возле кровати. Вернее, ридикюль, туда поместила наверняка не я, а вот прихватить с собой не додумалась моя бедовая головушка. А ведь без денег, без документов и без сотового, да еще и в больничной сорочке, я вряд ли далеко уползу. Затратив еще добрый час на обратную дорогу, я наконец доковыляла в пункт промежуточного назначения. И как раз вовремя – вибрировавшая сумка издала пиликающий звук, возвестивший о том, что меня кто-то разыскивает. Вздрогнув от неожиданности, я кое-как извлекла мобильный аппарат и с недоумением уставилась на экран. Тот демонстрировал мне фото незнакомого парня и надпись «Андрей». Все еще туго соображая, я провела рукой по сенсору.

- Геля, ты где? – в голосе звонившего сквозила тревога. – Как все прошло? Ты избавилась от нее?

Трясущимися руками я нажала на красную трубку, а затем и вовсе вырубил телефон. Как же так? Что происходит? Я схожу с ума или... Объяснение отыскалось быстро – внимательнее присмотревшись к сумочке, я поняла, что она того же цвета, что и моя. И только. На этом сходство заканчивалось. Этот дизайнерский аксессуар был столько же похож на принадлежащий мне «подарок братского Китая», как «Феррари» на вазовскую «копейку» – в конце концов, и то, и другое машина.

Все ясно! Мы с Гелей по ошибке обменялись сумочками. Вот почему медсестра в «Скорой» назвала меня ее именем – она определила личность по документам – документам Анжелины! А что, если обмен аксессуарами состоялся не случайно? Что, если все это часть коварного плана? Ведь в ДТП сейчас погибла бы не я, а Ангелина. То есть меня и разыскивать не стали бы. Да нет, бред какой-то, ведь наверняка для опознания пригласили бы Татарского. Или не его? Что, если бы труп опознал его пасынок? Тогда официально Геля оказалась бы мертва. И никаких проблем с обвинением в убийстве. Неплохой способ избежать тюрьмы. Но возможно ли это? Пожалуй, я подумаю об этом потом, сейчас нужно уползать отсюда, пока убийца не добралась до меня. Странно еще, что она до сих пор этого не сделала.

Описывать дальнейшее в подробностях слишком утомительно и не очень интересно. Скажу только, что мне повезло – ни на посту, ни в процедурной медперсонала не оказалось. Вполне нормальная ситуация для скромной городской лечебницы. Зато мне удалось найти белый халат, нацепив который я вполне смогла сойти за медсестру. В таком виде я и покинула гостеприимное медицинское учреждение.

На мое счастье, Геля, судя по всему, не сильно жаловала кредитки. Иначе как объяснить тот факт, что в ее кошельке я нашла довольно внушительную сумму наличных денег? Хотя, может, это она только для меня внушительна... Как бы то ни было, но это оказалось весьма кстати. О моральной стороне вопроса я решила не думать. В конце концов, деньги можно считать компенсацией за нанесенные мне физические и моральные увечья.

Белый халат помог выбраться из больницы – охранник на входе лишь скользнул по мне равнодушным взглядом, даже не удосужившись задать какие-либо вопросы. Скорее всего, он работал на «вход», а не на «выход» – главное, не дать посетителям войти, все остальное его мало заботило.

Остальное тоже нетрудно – рядом с больницей на мою удачу нашелся небольшой рынок, где мне удалось отхватить чудный костюм ярко-розового цвета с лейблом «Abidas» и значком

известной на весь мир марки. Контрафактный товар произведен из такой «едкой» синтетики, что теперь я представляла собой ходячий электрошокер – вырабатываемого при ходьбе электричества вполне хватило, чтобы обезвредить любого злоумышленника. Во всяком случае, искрила я знатно. Теперь главное держаться подальше от продавца фейерверков – не ровен час, взорву этот рынок к чертовой матери.

Но тут уж, как говорится, не до жиру. К тому же я и прежде не была особой модницей, и сейчас не лучшее время, чтобы ею становиться.

К тому же мне предстояло решить массу самых разных вопросов, и первым в их списке значился поиск жилья. Мне явно требовалось время на залечивание ран и поиск ответов на многие вопросы.

Но в тот день мне явно везло – фонарный столб, расположенный возле входа в рынок, явно, помимо основного своего назначения, играл роль доски объявлений. Ознакомившись с расположенными на нем листовками, я быстро нашла то, что искала. Конечно, искать именно тут жилье, возможно, и не лучшее решение, но на безрыбье, как известно, любая квартира – особняк.

Презрев опасность попасть в притон гастарбайтеров, я отправилась по указанному адресу – благо, согласно схеме, недвижимость располагалась неподалеку.

Глава тридцатая

У меня хватило ума прожить жизнь глупо...

Ф. Раневская

Год прошел как сон пустой, царь женился на другой. На самом деле, конечно, прошел не год, а месяц, и на другой женился не царь, а Олег Креольский. И женился ли, я не знаю, но, по всей видимости, скоро выясню.

Залечивать раны я уползла в бедненькую чистенькую квартирку с престарелой хозяйкой – любительницей пустых сплетен и дневных сериалов. Ее необременительное общество оказалось лучшим для меня лекарством. Всю свою сознательную жизнь, следуя за лидерами, на встречи с которыми судьба явно не скупилась, я даже не имела возможности проявить себя, понять, на что же действительно способна. И вот, попав в по-настоящему трудную ситуацию – без друзей, практически средств к существованию и каких-либо мало-мальски ясных перспектив, я наконец-то осознала – рассчитывать в этой жизни следует только на себя. Посему, презрев все опасности, включая арест за нарушение меры пресечения и завершение начатого убийцей дела, я сделала то, что должна была. Сама! Без помощников и посредников!

В любой момент рискуя быть арестованной и даже убитой, колесила я по городу в поисках истины. Правда, риск оказался не так уж и велик, ведь благодаря случившемуся я изменила свою внешность до неузнаваемости. Начать с того, что я сильно похудела. Не то любовная тоска иссушила мое тело, не то сказались полученные в ДТП травмы, из-за которых первое время любое движение отдавалось резкой болью в каждой клетке организма. Как бы то ни было, но факт остается фактом – по крайней мере, один размер я точно «скинула». Кроме того, не желая быть узнанной, я предприняла немало усилий для смены образа, превратившись из невзрачной шатенки в эффектную блондинку. Спасибо местной парикмахерше Зиночке – вот уж не ожидала встретить в этой глуши мастера от Бога. Но иногда судьба и ко мне поворачивается нужным местом.

Полностью сменился и свой гардероб. Не то чтобы мне так хотелось заниматься шопингом, но не ходить же мне в самом деле век в больничном халате и электрическом спортивном костюме. Разумеется, в провинциальном городке с известными брендами было «туго», но, никогда не являясь их поклонницей, я решила, что сейчас не время ею становиться, и ограничилась вполне привлекательными китайско-турецкими аналогами.

В хлопотах и заботах пролетели незаметно четыре недели, в течение которых мне удалось сделать то, на что я не решалась в течение стольких лет. Мне наконец-то удалось обрести свободу, как бы парадоксально это ни звучало в сложившихся обстоятельствах.

И вот теперь мне предстояло решиться, пожалуй, на самый сложный шаг в жизни. Честное слово, будь у меня выбор, я предпочла бы еще раз стать жертвой ДТП. И это вовсе не ради красного словца.

Я очень долго собиралась с силами, то беря телефон, то откладывая его вновь. Сотни раз отрепетированное перед зеркалом непринужденное «привет» в нужный момент прозвучало жалко и неуверенно. Конечно, дрогнувший голос выдал мое волнение, за что я себя тут же люто возненавидела.

- Соня, где ты? Куда пропала? - Мне показалось, или Креольский тоже утратил самообладание? Это немного воодушевляло, поэтому дальнейшую свою речь я оттараторила без запинки и, как мне кажется, вполне непринужденным тоном.

- Олег, послушай, нужно встретиться. Только, пожалуйста, никому ни слова. Даже Ольге. Я тебя очень прошу, это очень, очень важно.

Будучи понятливым парнем, Креольский лишних вопросов задавать не стал, поинтересовавшись только, где меня нужно забрать. Я вежливо отказалась от предложенной любезности, изложив ему вместе с тем целый ряд дополнительных просьб.

- Соня... - нерешительно проговорил Олег, когда я уж было собралась повесить трубку.

- М-м-м?

- Нет, ничего, я просто... Я...

Вот уж не замечала за Креольским косноязычия. Хотя, в сущности, что я вообще о нем знаю?

- Тогда до встречи, - весело прочиркала я и с облегчением нажала кнопку «отбой». Показное веселье далось нелегко, сердце саднило и ныло. Раны, которые только начали затягиваться, снова кровоточили. Стоило мне услышать его голос, как подавляемые эмоции вновь вырвались на свободу, рискуя разорвать сердце на части.

Но довольно сантиментов! Прекращай жевать сопли, Алтуфьева! Сколько можно, в конце концов?! Новая у тебя жизнь или как? Или где? Или кто? В общем... все это не так уж и важно.

Вдохнув воздух, словно перед прыжком в воду с огромной вышки, я шагнула в неизвестность.

* * *

- Привет, - на этот раз мне удалось изобразить безмятежность. Конечно, момент был неловким, но почему, собственно? В конце концов, встреча двух деловых партнеров. Не более того.

Как ни странно, но Креольский как раз выглядел очень смущенным. С чего бы это? Но слишком долго ломать голову над этим вопросом было недосуг. В конце концов, сейчас предстояло решить куда более важные задачи.

- Итак, ты выполнил мою просьбу? - решив обойтись без долгих предисловий, я сразу же взяла быка за рога.

- Да, конечно, хотя это и было нелегко.

- Ну, в твоих организаторских способностях вряд ли кто-то усомнится, - мне даже каким-то чудом удалось выдать из себя непринужденный смех. По крайней мере, изобразить нечто, здорово его напоминающее.

Сидя на своем любимом месте в уютной квартире Олега, я с удовольствием пила вкусный кофе, делая вид, что совсем не интересуюсь окружающей меня обстановкой. Разумеется, это было не так! С мазохистской настойчивостью пыталась я обнаружить следы присутствия счастливой невесты, отыскать хоть какие-то намеки на состоявшуюся или предстоящую свадьбу. Но то ли после моего отъезда Ольга неожиданно превратилась в превосходную хозяйку, перестав разбрасывать вещи по дому, то ли раньше она делала это исключительно ради меня, но мне не удалось заметить даже следов присутствия женщины в этом доме. Окружающая обстановка была такой, какой я увидела ее в первый раз, - аккуратной и по-мужски лаконичной.

Не решив, как к этому относиться, я по традиции отложила этот вопрос на завтра. Но у Креольского на этот счет оказались другие планы, потому что он, не откладывая разговор в долгий ящик, неожиданно для меня, а возможно, и для себя самого, выпалил:

- Ольги здесь нет.

- Не понимаю, почему это меня должно волновать... - я было попыталась изобразить незаинтересованность в этом вопросе, но, махнув рукой на только недавно обретенное самоуважение, выпалила, не слишком заботясь о том, чтобы голос звучал непринужденно: - И где же она? Готовится к предстоящему бракосочетанию? Фату примеряет? Свадебный торт заказывает?

Олег подошел ко мне, взял за плечи и взволнованно произнес:

- Все, что она наговорила тогда... и сделала... и... - мужчина сбился, махнул рукой и, отпустив меня, принялся мерить комнату шагами. - В общем, все это неправда! - выпалил он наконец.

- Как это? - я даже дышать перестала, но ведь я сама слышала и... видела. Та самая ночная сцена вновь встала перед моими глазами, едва не разорвав миокард на части.

- Понимаю, все это выглядит нелепо, невозможно и... как-то мелодраматично, что ли... Но все, что ты видела, чистой воды подстава. В тот вечер Ольга предложила мне выпить, мол, разговор предстоит серьезный и все такое. Подозреваю, она хотела просто напоить меня и соблазнить, но злоупотребление алкоголем к моим порокам, слава богу, не относится. Тогда она привела в исполнение план «Б» - подсыпала в виски какой-то снотворный препарат. Утром меня ждал сюрприз - Оля пыталась убедить меня в том, что... ночью... Ну, в общем, ты понимаешь.

Я-то как раз понимала. И даже очень хорошо, но ведь все это не объясняло то, что я видела собственными глазами, а затем еще и слышала своими ушами. Эти вопросы я и озвучила Креольскому, с трудом подобрав формулировки - каждое упоминание тех событий больно отдавало в груди.

- Да она просто решила «убить двух зайцев» разом. Услышав, как ты спускаешься по лестнице, быстро сообразила, что ей делать. И то, что ты видела... Соня, звучит так, как будто я дешевый сериал пересказываю, я понимаю, конечно, но как есть - видимо, эта дурочка оттуда этот прием и позаимствовала.

- Ну а свадьба? Я же сама слышала...

- Ну, это следующий акт комедии. Я когда утром проснулся в объятиях белокурого ангела, на «развод» не повелся. Я же не совсем дурак в самом деле, да и не пью я столько, чтобы на следующий день не помнить, что творил. И вообще, сколько бы ни выпил, но с девушкой брата... Да еще сразу после его похорон... В общем, я ей указал на дверь в довольно грубой, каюсь, форме. Только она упертая страшно. Пришлось лично помогать с переездом. А дальше просто стечение обстоятельств. Она попросила остановиться у кафе, где вы с Татарской сидели. Ну и... Ольга первая в зал вошла, тебя заметила. Подозреваю, сначала не обрадовалась, ведь мы ж могли встретиться и объясниться, но ты ей вновь на руку сыграла - спряталась в дамской комнате. Вот она и порезвилась напоследок.

- То есть ты хочешь сказать, что...

- Ага, вся эта сцена с телефонным разговором специально для тебя была разыграна.

Вся кровь отхлынула от моего лица, собравшись в области сердца, заставив работать его интенсивнее. Я всерьез опасалась, главный орган не выдержит, разорвется от напряжения. Неужели все так и было? А если и нет, какая мне разница? Главное, что Олег по какой-то неведомой мне причине хочет, чтобы я в это поверила. А ведь он не обязан передо мной объясняться. А это значит... Это значит... Что это значит, я озвучить даже себе не решилась, опасаясь спугнуть удачу. Вместо этого зачем-то продолжила допрос:

- А ты откуда знаешь про то, что... Ну, про то, что я видела и слышала? Неужели Ольга призналась?

- Пришлось. После того, как мне Татарская все рассказала.

- Ангелина? Она что, была здесь? Когда? Зачем? - словно из рога изобилия сыпала я вопросами, даже не пытаюсь скрыть охватившее меня волнение. Эх, а ведь так тщательно репетировала роль хладнокровной мисс Марпл, и вот все коту под хвост - снова суечусь и эмоционирую.

- Совсем недавно, дня три назад. Она рассказала о ваших изысканиях и о том, что ты попала в дэтэпэ. Мы безуспешно пытались разыскать тебя. Но ты как в воду канула. Ты где была, кстати, и почему сбежала из больницы?

- Об этом потом, - отмахнулась я от расспросов Олега, - ты лучше скажи, что она тебе про аварию рассказала?

- Да что рассказала?! Говорит, что, как только за угол зашла, ее кто-то по голове сильно ударил. Она потому и явилась ко мне так поздно, что все это время в больнице в беспамятстве пролежала. Вот только недавно оклемалась. У нее к тому же документы украли, так она вообще как неизвестная числилась.

Я понимающе покивала, предпочтя не высказывать до поры до времени свое мнение об этой истории.

- Ну а как очнулась, стала выяснять, что да как, машину разыскала. Ее на штрафстоянку отогнали. Дальше - больше. Ангелина узнала, что, оказывается, тебя за нее в больнице приняли и что местная полиция не сильно старалась разыскать ее родственников, чтобы сообщить о случившемся. Отправили запрос участковому по месту ее прописки, тот пару раз на квартиру сходил, в пустую дверь позвонил да и успокоился. Отписался, мол, близких людей найти не удалось. Вот такая история. Мы с ней весь город на уши подняли, тебя разыскивая, но какой там. Ты не представляешь, что я пережил! Сначала просто пропала, потом выяснилось, что тебя покалечили. Разве можно так, Соня? - Креольский, к моему неописуемому удовольствию, выглядел искренне взволнованным и обеспокоенным. То-то же! Это ему за все мои мучения! И хотя формально он не был в них виноват, я все еще на него злилась - зачем он вообще пустил в дом эту змею подколенную?

Надув губы, я проворчала:

- А что мне оставалось делать? Думаешь, тот наезд случайным был? По-твоему, мне нужно было лежать в палате и дожидаться, когда убийца доведет начатое до конца, да?

- Но почему ты мне не позвонила? Почему не обратилась за защитой? Почему даже не дала объясниться, ведь я... - мужчина резко подошел ко мне, снял с барного стула и поцеловал. Казалось, само время остановилось, чтобы мы могли дольше насладиться этим моментом. Но... Это только так казалось, так как, по некогда заведенной, не очень приятной традиции, в этот самый миг, разумеется, раздался звонок в дверь.

Чертыхнувшись, Олег нехотя от меня оторвался.

- Может, ну их всех на фиг? - с надеждой в голосе спросил он.

Я рассмеялась:

- Я бы с удовольствием, но назвавшись груздем... Зря ты их всех собирал, что ли. Подозреваю, нелегко это было.

- Да уж, - по дороге проговорил Креольский, - пришлось попотеть. Хотя ты мне так ведь ничего и не объяснила.

- Наберись терпения, - крикнула я ему в спину, - скоро все узнаешь.

Первой, конечно же, явилась Ольга. Кто бы сомневался. Окажись я на ее месте, честное слово, от стыда сквозь землю бы провалилась. Хотя кого я обманываю - я бы и не оказалась. Может, я и решила начать новую независимую жизнь, но авантюристкой так и не стала.

Надо отдать должное неудачливой сопернице - держалась она на удивление хорошо и свободно. Умеют же люди. Моя же решительность, напротив, с каждой минутой утекала, как песок сквозь пальцы. Все сильнее я волновалась, не будучи уверенной, что справлюсь с поставленной перед собой задачей. И кого я обманываю? Зачем затеяла этот спектакль в духе финальной сцены детектива Агаты Кристи? Не проще было бы рассказать все Креольскому или уж сразу следователю. С другой стороны, очень мне хотелось произвести впечатление на Олега, чтобы он понял, что именно потерял.

* * *

- Итак, все в сборе? - стремясь скрыть дрожь в руках, я засунула их в карманы брюк. Расхаживая по комнате, я старательно изображала мучительный мыслительный процесс.

- Мы-то в сборе, - властный голос Татарского заставил всех присутствующих обернуться в его сторону. Кажется, я теряю аудиторию. - Только вот зачем? Что за спектакль вы тут решили устроить? Что, нельзя было просто сообщить кому надо, кто убийца?

Я растерянно озиралась по сторонам, ища поддержки - в моих фантазиях все было несколько иначе. Помощь пришла с неожиданной стороны.

- Дай уже Соне договорить, - зло оборвал отчима Андрей, - прояви, в конце концов, свое человеколюбие, о котором твои «пиарщики» так старательно трезвонят на каждом шагу.

- А ты вообще молчи, сосунок, - прошипел депутат, сжимая кулаки.

- Так, ша, я сказал, - вмешался Семавас, демонстрируя свойственную представителям его «профессии» решительность. Погладив мощный бритый затылок, он обратился к Татарскому: - Слышь, мужик, я не знаю, что ты за фрукт, но по всему видно, человек серьезный, занятой. Но уж коль нашел время сюда явиться, сиди и слушай. Быстрее сядешь, быстрее выйдешь.

- Ой, ну надо же, до чего интересно, - всплеснула руками Ольга Васильевна Макарова, - я детективы все больше по телевизору смотрю, а тут живую довелось увидеть. Сонечка, деточка, не останавливайтесь, продолжайте. Очень интересно узнать, кто же все-таки вашего бедного шефа убил. Хотя, - тут она выразительно посмотрела в сторону Семаваса, - как по мне, так все очевидно.

Ух ты! А старушка-то не робкого десятка! Смелая, однако, бабушка! Но бандит отваги не оценил, да и мое восхищение разделять явно не собирался.

- Слышь ты, подруга дней моих суровых, - грозно сдвинув брови, обратился он к Макаровой, - ты на что намекаешь? Думаешь, раз я сидел, так сразу и убийца? Может, это ты сама нотариуса того самого.

- Я?! - возмутилась Макарова. - Ну, знаете ли!

- Отставить балаган! - грозный окрик следователя Семенова заставил всех замолчать. - Софья Семеновна, продолжайте, пожалуйста. А то мы так и до второго пришествия не узнаем, зачем вы нас собрали. А нам с вами еще необходимо побеседовать относительно нарушения режима избранной меры пресечения.

- Доберемся и до этого, Казимир Модестович. - Услышав диковинное отчество представителя сысского ведомства, Ольга изумленно хмыкнула. Семенов и бровью не повел - вот ведь выдержка.

Я оглядела взглядом присутствующих еще раз. Уж не знаю, каким чудом Креольскому удалось собрать эту разношерстную компанию в одном месте и в одно время, но факт остается фактом - в комнате присутствовали все, кто имел повод, мотив и возможность для убийства моего шефа.

- Олег, искренне прошу меня простить, - начала я, - но твой брат был человеком... - я запнулась, подбирая подходящее слово. - В общем, непростым, - кажется, удалось выкрутиться.

- Это еще мягко сказано, - выкрикнула Ольга. Головы всех присутствующих обернулись в ее сторону, но если представительницы слабого пола тут же обратили взоры на меня, то мужчины взгляд задержали. И можно ли их за это осуждать?!

- Как бы то ни было, но практически каждый в этой комнате, включая меня, имел мотив для убийства Юрия Павловича.

- Как это, - встрепелась Марья, - я Креольского очень даже любила и уважала. - Они с Андрейкой явились вместе и сейчас сидели, тесно прижавшись друг к другу, так что каждому было ясно, что характер их отношений давно за рамками дружеских.

- Маша, прошу тебя! - я умоляюще подняла вверх руки. - Если ты будешь меня перебивать, мы рискуем здесь Новый год встретить. Это и других касается, - я грозно обвела взглядом присутствующих.

- И потом, - продолжила я, обращаясь вновь к Марье, - так ли ты проиграла от смерти начальника, учитывая, что вы с Андреем теперь вместе? Смотри, какая интересная картина вырисовывается - шефа нет, Андрейка главный претендент на его место, а ты его возлюбленная.

- Ой, ты бы помолчала, - вмешался мой экс-жених, - с чего бы это я оказался главным претендентом на место нотариуса? Не ты ли так неожиданно перехватила инициативу?

- Да, ты прав, - я согласно покивала головой, - вот только мог ли ты предусмотреть подобное развитие событий? Ведь поначалу все складывалось для вас как нельзя лучше. Шеф убит, я в тюрьме, гуляй не хочу. И ведь нельзя не вспомнить, что это благодаря тебе я стала подозреваемой номер один. А твои советы покаяться, а, Андрей? А отсутствие Маши в офисе в день убийства? И ведь алиби ты так и не предоставила. Почему это вы, Казимир Модестович, не присмотрелись к барышне пристальнее. Шикарный план, да, Андрюша? - со злорадной радостью я отметила мертвенную бледность лица бывшего возлюбленного. - Смотри, как все замечательно складывается. Мы выходим из офиса, а затем ты отправляешь меня за ключами, которые якобы забыл. Специально, чтобы я повозилась подольше. В это время Марья проникает в контору, убивает шефа, отзванивается тебе или как-то иначе подает сигнал, ты отзываешь меня, и дело в шляпе. Креольский мертв, я в тюрьме, вы празднуете победу и свадьбу одновременно. Скажи, как давно продолжаются ваши отношения? Я-то, конечно, та еще дурочка, мне бы заподозрить, учитывая наши... Да не важно, - я махнула рукой.

- Да ты что?! - Господи, до чего противный фальцет у моего бывшего возлюбленного. И как только я этого раньше не замечала?

- Все это ложь! Олег Павлович, Казимир Модестович, - Андрей чуть не плакал, - вы же не думаете в самом деле. Неужели вы поверите бредням взбалмошной девицы?

- Ой, да не хнычь ты, - брезгливо поморщился Креольский. - Эта, как ты выражаешься, взбалмошная девица стоит тысячу тебе подобных. У меня лично нет оснований не доверять ее суждениям. Тем более что логика в них, согласись, присутствует.

- Спасибо, Олег, - я бросила благодарный взгляд на Креольского, - но на самом деле Андрей с Марьей и впрямь ни при чем. Извините, не могла удержаться от соблазна отомстить бывшим коллегам за все хорошее. Андрей, конечно, тот еще карьерист, но на решительные поступки явно не способен. Кишка тонка. Не то что у вас, да, Семен Андреевич? - я повернулась к Семавасу.

Тот лишь расхохотался в ответ.

- Да уж, - отсмеявшись, произнес он. - Всякие следяки меня «кололи», но такое впервые.

- Это даже интересно, - мужчина сложил руки на груди и с нескрываемым любопытством уставился на меня. - Ну, давай, детка. С удовольствием послушаю твою «сказку». Только перед этим скажу, что на ночь убийства твоего шефа у меня алиби имеется. Братва подтвердит - человек двадцать в клубе видели. Но ты давай, рассказывай свою историю.

Я пожала плечами, стараясь скрыть ледяной страх, сковавший сердце. В конце концов, не каждый день мне приходится обвинять в убийстве бандитских авторитетов.

- Ваше алиби, Семен Андреевич, ни один суд в мире не убедит, вы же понимаете. Вашей братве соврать что воды испить. А мотив расправиться с шефом у вас тоже имелся. Он же вашего дядю обобрал - такой позор для «честного» бандита. Отомстить Креольскому - дело чести, не так ли?

- Вот именно, чести, - оскалился Семавас, - это какой же честный бандит станет ножницами-то в человека тыкать. Ну, там, на зоне, заточка еще ладно, но чтобы вот так, на воле, да канцтовары использовать, тьфу, - Семавас смачно сплюнул себе под ноги.

- Ваша правда, Семен Андреевич, да только времена нынче пошли беспокойные. Менты понятия о воровской чести не уважают, не ровен час загребут. Только дай повод, - я неожиданно для себя переняла манеру разговора визави. Тому явно понравилось.

- Ну, так-то да, - оскалил он зубы, - есть логика, гражданочка начальница, только доказательства где? Нету? Так о чем разговаривать?

- Это да, вы правы, Семен Андреевич, нет у меня доказательств, но это вовсе не означает, что вас следует исключать из списка подозреваемых. Впрочем, - тут я повернулась к неприметной паре, тихонечко сидевшей в углу, - как и вас, уважаемые мои Анна Ивановна и Сергей Владимирович.

Женщина вздрогнула как от удара, а парень, оказавшийся неробкого десятка, только усмехнулся.

- Я вообще не понимаю, что мы тут делаем, - спокойно произнес он, - нам сообщили, что открылись какие-то новые обстоятельства по папиному наследству, мы явились, а тут какой-то балаган в духе дешевых мыльных опер. У вас есть что нам сообщить по поводу завещания отца? Просто если нет, - парень развел руками, - мы пойдем, а то, знаете ли, дел много, некогда тут разговоры разговаривать. Хотя и чрезвычайно занятно, конечно.

- Подождите уходить, Сергей Владимирович, - я пристально посмотрела мужчине в глаза, - в конце концов, мотивов для убийства шефа и кражи его завещания у вас было не меньше, если не больше, чем у всех здесь присутствующих. В самом начале расследования, когда мы с Олегом только изучали пропавшие документы, а ведь не все знают, наверное, что мне удалось найти на компьютере их копии, - я торжествующе обвела взглядом присутствующих. Казимир Модестович попытался возмутиться, но я пояснила, что он непременно их получит.

- Так вот, - продолжила я после недолгого препирательства со следователем, - на семью Питерского мы не обратили никакого внимания. Действительно, обычное дело - отец оставил все свое имущество в обход жене любимому сыну. Таких случаев в практике всякого нотариуса, что называется, пруд пруди. И, как правило, никаких споров не возникает - решение принимается с согласия супруги. Но ведь проверить не мешало бы, правда? Я и проверила, и что же выяснилось? А выяснился весьма интересный факт - оказывается, ваш муж, к вящему вашему неудовольствию, отписал свою долю в вашем совместно нажитом имуществе сыну от первого брака, обойдя и вашего общего ребенка, и вас саму.

- Да неужели? - усмехнулась женщина. - И где же, я прошу прощения, это завещание?

- Нету этого документа, Анна Ивановна, - я горестно вздохнула, - вы совершенно правы. Но смотрите, как все удачно для вас складывается. Нотариальный экземпляр пропал. Экземпляр вашего супруга также не нашелся. Не находите, что для вас это чрезвычайно выгодное стечение обстоятельств?

- Безусловно, - вмешался в разговор сын, - при условии, что завещание вообще существовало. А доказательств тому, я так понимаю, не имеется, да? Ну, кроме каких-то там черновиков, которые я лично могу вам тоже штук сто самых разных предоставить. Даже таких, где мой батюшка отписывает все свое имущество марсианам на Луне.

- Лунатикам, - в разговор вмешалась Ольга Васильевна. Старушка с интересом наблюдала за происходящим, безусловно радуясь представившейся возможности немного развлечься.

- Что? - мужчина вперил в бабушку недоуменный взгляд.

- Ну, на Луне лунатики, а марсиане на Марсе, - на полном серьезе пояснила женщина.

- Да хоть сатурниане, - Питерский неожиданно сорвался на крик, - мне-то какая разница. Я только хочу сказать, что никакого завещания нет и не было, так что нечего нам тут «лепить бабушку».

- Вот об этом и речь, Сергей Владимирович, - спокойно продолжила я, - завещание, безусловно, было, а потом пропало, и вы в этом заинтересованы как никто.

- Да неужели? - к Питерскому вновь вернулось утраченное было самообладание. - Доказать сможете?

Я сокрушенно покачала головой:

- Доказательства, доказательства, всем нужны доказательства. Что ж, наберитесь терпения, все будет. А пока перейдем к моей дорогой подруге.

Я взглянула на Ангелину. С самого начала встречи нам не удалось и словом перемолвиться, и все это время она безуспешно пыталась поймать мой взгляд, но я сознательно и старательно отводила глаза. И вот теперь наконец-то я ответила на ее немой призыв. Геля приветливо мне улыбалась, даже не подозревая, какие черные кошки скреблись в моей душе.

- От смерти шефа ты тоже ведь выигрывала, да, Ангелина? - Женщина удивленно вскинула брови. - Пропажа брачного контракта вам с Андреем, - я кивнула в сторону пасынка Татарского, - была только на руку, не так ли?

Взгляд Гели окаменел.

- Да, ты права, не знаю, как Андрей, но я-то выигрывала уж точно. Вот только ты забываешь два немаловажных обстоятельства. Во-первых, у меня алиби на момент убийства. Во-вторых, я ведь вернула контракт Володе.

- О да, - я усмехнулась, - это был гениальный план, не так ли, Андрей? - я повернулась к Коровину. - И алиби тоже гениальное вы придумали. Опить мачеху снотворным, раздеть ее, инсценировав факт супружеской измены. О том, что ваш отчим следит за женой, вам было хорошо известно. Подозреваю, вы сделали все, чтобы зародить в его душе сомнения. Так что

найти вас он вполне мог и без частного детектива – не так уж вы и скрывались. А уж с сыщиком-то! Что же до убийства шефа, то тут и вовсе все просто – сегодня за деньги можно нанять кого угодно. А вам, Владимир Степанович, – я повернулась к депутату, – настоятельно рекомендую проверить свои счета. Уверена, вы недосчитаетесь солидной суммы денег – все это время сынок подворовывал у вас средства. План был прост – охмуряем мачеху и крадем брачный контракт. А дальше развод, веселым пирком да за свадебку, сынок богат, папенька посрамлен. Подозреваю, что убивать Креольского вы поначалу не планировали. Зная его алчность, решили подкупить нотариуса. И тут звезды сложились в вашу пользу: испытывая материальные трудности из-за, – я кивнула в сторону Семаваса, – шантажа, Юрий Павлович пошел бы на сделку с самим дьяволом. Отсюда, к слову, и неожиданное его богатство – еще вчера он не мог расплатиться с Семеном Андреевичем, а уже сегодня, посмотрите, у него откуда-то взялась солидная сумма денег. Но что-то пошло не так, да, Андрей Владимирович? Так что же произошло? Шеф зарвался, да? Запросил слишком много? Дешевле было его убить, да?

Коровин воспринял обвинения совершенно спокойно. Кажется, я недооценила парня.

– Ох и фантазии у вас, Софья... Простите, запамятовал, как по батюшке. Только подозреваю, что и в этот раз у вас нет доказательств, да? Да и не выиграл же я ничего от этой истории. Только с отцом поссорился.

– Это да-а-а, – протянула я, – даже самые выверенные планы не всегда срабатывают. Вы-то, как и все, полагали, что Ангелина с вашим батюшкой из-за денег. Потому думали, что охмурить ее – пара пустяков. Действительно, ну какая девушка предпочтет молодому красавцу почтенного старика, уж простите Владимир Степанович, – прижав к груди руки, повернулась я к Татарскому.

Тот только кивнул в ответ, с явным интересом внимая каждому моему слову. Еще бы!

– Но, – я продолжила свое повествование, – вы серьезно просчитались. Геля и впрямь любит мужа и не собиралась ему изменять. Вот и пришлось вам пойти на явный подлог. Рассудили вы правильно – ревнивый Татарский ей все равно не поверит. А значит, будет настаивать на разводе. Договор вы выкрали, только вам-то он все равно ни к чему, без Ангелины папенькиных денег вам все равно не видать как своих ушей. Вот и изобразили вы благородного рыцаря, бросившего к ногам дамы сердца все имущество, чужое, правда. Ну а дальше одинокая, преисполненная благодарности женщина рано или поздно все равно оказалась бы в ваших объятьях, не так ли? – я пристально посмотрела Андрею прямо в глаза. Криво усмехнувшись, тот вскинул руки и принялся неторопливо мне аплодировать.

– Bravo! – воскликнул он. – Отличная версия. Вот только ничего я Ангелине не подмешивал, и измена, вы уж мне поверьте, была. О, какая это была ночь, отец! Какая ночь! – парень торжествующе посмотрел на Татарского. Тот долго ждать не стал. Присутствующие и ахнуть не успели, как он вскочил на ноги и набросился на пасынка с кулаками, несколько раз нанеся ему ощутимые удары, пока остальные мужчины не разняли дерущихся.

Зло ухмыльнувшись, Коровин вытер тыльной стороной ладони кровь с лица и зло произнес:

– Ну же, Геля, расскажи папеньке, как мы здорово покувыркались в постели. Я ведь лучше его, а? Лучше? Чего же ты молчишь?

Ангелина, сидевшая все это время понуриив голову и оживившаяся только в момент драки, сейчас прижимала ладони к пылающим щекам. Она укоризненно посмотрела на меня, потом

на Андрея, потом на супруга и, поколебавшись, произнесла:

- Ничего не было. Я помню только, что мы выпили с тобой шампанское, а затем я проснулась раздетая в твоих объятиях под крики Володи. Да, признаюсь честно, я решила, что мы с тобой действительно переспали, и я просто не помню этого из-за выпитого алкоголя, но теперь-то я поняла истинную причину своей амнезии. Спасибо Соне за это.

- Ах ты тварь! - закричал Коровин и метнулся в сторону Анжелины. Мужчины, пытавшиеся удержать вырывавшегося Татарского, бросились наперерез, оставив депутата без присмотра, чем он не преминул воспользоваться, вновь набросившись на пасынка с кулаками. Завязалась потасовка, некоторые дамы завизжали от страха, остальные отпрянули к стене, боясь, что в узком помещении дерущиеся мужики могут задеть и их.

Как долго бы это продолжалось, если бы не Казимир Модестович, неизвестно. Поначалу приняв деятельное участие в усмирении дерущихся, он наконец вспомнил, что является представителем власти, вынул наручники и не без усилий замкнул их на запястьях Татарского. Второго комплекта браслетов у него, по всей видимости, не оказалось, так как руки Коровина он оставил свободными, предупредив того, правда, что, если он не успокоится, будет помещен в участок на пятнадцать суток.

Наконец все утихомирились и расселись по своим местам. Коровин, часто дыша, прижимал к губе носовой платок, который ему любезно одолжила Ольга Васильевна.

Багровый Татарский, которому поединок, по всему видно, дался особенно трудно - чай не мальчик уже, исподлобья смотрел на пасынка, стремясь, по всей видимости, прожечь в нем взглядом дыру. А может, родовое проклятье накладывал, кто его знает. Главное, что я вновь потеряла аудиторию, в которой явно наметился «разброд и шатание» - Питерские о чем-то шушукались между собой, Ольга, не тратя времени даром, принялась кокетничать с Семавасом, Валюшка внимала речам Сомова.

- Сергей Владимирович, - обратилась я к нему, - не поделитесь с нами, о чем это вы так оживленно беседуете?

Сомов встрепенулся, замешкался, но быстро взял себя в руки.

- Нет, - сказал как отрезал, - мы-то уж точно лишние. Наше с Валею алиби вы, помнится, проверили досконально. Не так ли? Вообще не понимаю, зачем нас-то сюда позвали.

- Ой, ну что ты, Сереженька, - проскрипела Макарова, - деточка такие любопытные вещи рассказывает. Никакого кино не нужно. Сонечка, милая, - обратилась Ольга Васильевна ко мне, - продолжайте, пожалуйста. Я вот только никак не пойму, а убийца-то кто в итоге? Удалось вам это выяснить?

- Ольга Васильевна, голубушка, - я переняла тон собеседницы, - уж вам ли не знать ответ на этот вопрос. Полно лукавить-то.

Макарова оказалась на редкость талантливой актрисой, так как изобразила подлинное изумление.

- Я? - воскликнула она недоуменно. - А мне-то откуда о том ведать? Я убиенного-то вашего видела один раз в жизни, когда он к моему мужу покойному приходил завещание делать.

- Да?! - на этот раз пришла пора мне изображать удивление. - А по моим данным, не менее

трех-четырёх раз. Точнее выяснить не удалось, да и ни к чему это.

- Что вы такое говорите, - дочь Макаровой едва ли не задыхалась от возмущения. Сама же старушка, держась за сердце, хватала ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

- Ольга Васильевна, что с вами? - участливо спросила я. - Может, вам врача позвать? Так я мигом. Метнувшись в соседнюю комнату, я пригласила ожидавших там мужчин.

- Вот сюда, пожалуйста, тут женщине плохо.

- Кто это? - прохрипела Ольга Васильевна, все больше оседая в кресле.

- Как? Вы не узнаете? Это та самая бригада, которая спасала вас от сердечного приступа вечером, накануне убийства шефа.

- Да, да, что-то припоминаю, - пробормотала Макарова, - да разве ж всех врачей упомнишь?

- И то правда, Ольга Васильевна, забывчивость в вашем возрасте вполне оправданна. Уж простите мою бестактность. Но вот у этих людей прекрасная, можно сказать, профессиональная память. Скажите, вы узнаете эту женщину? - обратилась я к сотрудникам «Скорой помощи».

- Впервые видим, - мужчины покачали головой.

- Да что вы такое говорите? - возмутилась Макарова. - У меня и выписка есть. - Старушка потянулась к сумочке.

- Не сомневаюсь, Ольга Васильевна, - я миролюбиво подняла вверх руки. - Меня даже не удивляет, что вы носите этот документ с собой. В конце концов, почему бы и нет? У каждого ведь свои странности, не так ли? Вот только в больнице в ту ночь были не вы.

- Как не я? - Макарова побелела. На этот раз по-настоящему. - А кто же тогда?

- Олеся Стефановна, войдите, - позвала я громко.

По лестнице спустилась миловидная женщина одного с Макаровой возраста. Ради чистоты следственного эксперимента я «поместила» ее в другой комнате - подальше от врачей «Скорой».

- Ну вот теперь наконец-то все в сборе.

- Мама, мама, что с тобой? - пронзительный крик Валентины Макаровой огласил комнату. Присутствующие вновь вскочили со своих мест, создав сутолоку и сея хаос. И только я безучастно взирала на происходящую комедию.

Медработники, растолкав образовавшуюся толпу, пробились к «умирающей» и споро взялись за неизменные в таких случаях процедуры: один мерял пульс, другой извлек из недр оранжевого саквояжа тонометр и, намотав его манжету вокруг руки, принялся качать «грушу».

Я же взирала на всю эту суету, ожидая окончания «спектакля». Сколько можно меня прерывать? В конце концов, даже моему ангельскому терпению приходит конец.

Будто угадав мои мысли, Валюшка Макарова вознамерилась довершить начатое матерью дело и таки довести меня до белого каления. Бросившись на меня с кулаками, она завопила так,

будто ей на ногу наступил носорог:

- Это все вы! Маме нельзя волноваться! А вы! По всем прошлись и до старой женщины добрались? Что она вам сделала? Зачем ее так мучить?

Отойдя от разъяренной дочери на безопасное расстояние (на всякий случай, кто их в этом семействе знает, может, жестокая расправа с недругами в их традиции), я ничего не ответила, приберегая свою главную речь на потом.

Но настал конец и этой суете. Врачи диагностировали легкое повышение пульса и давления у пациента, которые, впрочем, не представляли угрозы ни для здоровья, ни тем более для жизни. Хотя могло быть и хуже - оказался я на месте Макаровой, у меня бы точно инфаркт случился, а бабулька-то кремень, железобетон, я бы сказала.

- Ну что, Ольга Васильевна, представление окончено? Я могу продолжать? - спросила я, когда все наконец-то вновь расселись по своим местам (правда, их не хватило докторам и вновь прибывшей Олесе Стефановне, так что они остались стоять, прислонившись к стене).

- Да как вы смеете? - задохнулась негодованием дочь «умирающей», - Сережа, а ты-то чего молчишь? - гневно сверкнула она взглядом в сторону своего жениха. Но тот, видимо, мамочку, мягко говоря, недолюбливал и заступаться за нее не считал нужным, о чем мне и поведал его одобрителный взгляд. Правда, потом он быстро взял себя в руки и вперился в меня уже с негодованием, положенным для будущего зятя, в присутствии которого оскорбляют тещу. Хотя кого он пытался обмануть? Чтобы любить такую «маман», нужно быть воистину святым, коим Сомов, само собой, не являлся.

- Валентина Дмитриевна, - я постаралась вложить в свой голос все сострадание, на которое только была способна. - Мне правда очень-очень жаль, но, подозреваю, то, что вы сейчас услышите, причинит вам настоящую боль. Вместе с тем иного выхода у меня нет.

- Не-е-е-т, - возопила старуха Макарова и, умелым жестом фокусника выхватив неизвестно откуда взявшийся нож, кинулась в мою сторону. Для старой женщины она оказалась крайне проворной, но все же не настолько, чтобы опередить Креольского. Пулей промчался он мимо меня и перехватил злобную старуху. Для старой женщины она оказалась весьма сильной, так что, пока Семенов не замкнул на ее запястьях наручники - для этого ему пришлось освободить Татарского, что заняло определенное время, - она успела нанести Олегу несколько весьма ощутимых ударов в разные части тела. В том числе туда, куда приличные барышни стараются бить только в самых крайних случаях. Но, по мнению Макаровой, сейчас был именно такой, что, лично в моих глазах, правда, ее ничуть не оправдывало.

Тем не менее явное неравенство сил не оставило женщине ни единого шанса на победу. Уж не знаю, рассчитывала она на нее или нападение совершалось в крайней степени отчаяния. Как бы то ни было, но вскоре тяжело дышавшую и злобно смотрящую исподлобья Макарову общими усилиями усадили на место. Семенов даже остался рядом, сторожевым псом для взбесившейся старухи. А я наконец-то смогла продолжить.

- В общем, все всем ясно, да? - обвела я взглядом присутствующих, искренне надеясь, что, получив столько подсказок, они сделают необходимые выводы сами. Я же смогла, хоть и имела первоначально на руках куда меньше информации.

Но то ли я оказалась крайне сообразительной, то ли присутствующие решили создать клуб тугодумов, но по их удивленным физиономиям было ясно - никто ничего не понял. Изредка проблеск какой-то мысли озарял то или иное лицо и тут же гас, не получив достаточно топлива

для того, что разгореться в пламя.

Вздыхнув, я принялась излагать очевидные, как мне казалось, вещи.

- Ольга Васильевна, - я вновь обратилась к старушке, - вы разработали просто гениальный план убийства, продумав все до мелочей. Но даже самые талантливые преступники допускают иногда ошибки. В вашем случае таковой оказалась кража завещания. Скажите, ну на кой ляд вы его выкрали? Мы бы до второго пришествия искали преступника, перебирая документы, если бы вы сознательно не сузили круг подозреваемых буквально до трех семей.

- Пошла ты на... - о, надо же, а бабушка не столь интеллигентна, как кажется. Ну да, сквернословие - точно не главный из ее пороков.

Нисколько не смутившись и даже не подумав пойти по указанному адресу, я продолжила:

- Вы перестраховались, унеся папку со своим делом. Действительно, вдруг следствие стало бы проверять все нотариальные дела, вышло на вас, а там чем черт не шутит. А так всякие упоминания о связи вашей семьи с Креольским вы уничтожили, и, не найди я на своем компьютере завещание, ваш план непременно бы сработал. А остальные папки вы прихватили на всякий случай, да? На тот самый, который и произошел? Умно, ничего не скажешь. Да, мы в итоге вышли на вас, но ведь и не только на вас. И на вашу удачу, у остальных подозреваемых мотивов убить Креольского было значительно больше. Хотя, если честно, удача здесь, разумеется, ни при чем - учитывая способность нашего шефа наживать себе недругов даже в самых неожиданных ситуациях... Думаю, прихвати вы не эти, - я кивнула головой в сторону Татарских и Питерских, - а другие документы, картина была бы примерно той же.

- Вообще не понимаю, о чем ты, - сквозь зубы прошипела Макарова. Ее дочь, закрыв рот рукой, с ужасом взирала то на меня, то на мать, не решаясь вымолвить ни слова. Я ей искренне сочувствовала, конечно, но что я могла сделать? Придется потерпеть, хотя, конечно, будет больно.

Машинально заправив выбившуюся из идеальной прически прядь на место, я обратилась к Валентине:

- Валя, скажите, у вашей мамы есть драгоценности? Или, возможно, деньги? Вы что-то знаете об этом?

Девушка растерянно посмотрела на мать, будто ища поддержки.

- Не знаю... - пробормотала она, - с деньгами у нас всегда было туго. Да вы и сами видели, как мы живем. Драгоценности... Откуда? У мамы, конечно, много украшений, но все это бижутерия. Не больше.

- Вы уверены?

И снова тот же растерянный взгляд.

- На экспертизу я бусы и кольцо, конечно, не носила, если вы про это, но мама всегда... А к чему, собственно?..

Не обращая внимания на вопрос, я продолжила допрос:

- А сейчас они на месте? Вы не проверяли?

- Нет, зачем бы мне это? Хотя... Вы правы, я как-то заметила, что мамина шкатулка пуста, но она сказала, что просто убрала украшения в другое место. Мол, они все равно ей ни к чему, она и из дома-то не выходит.

Я торжествующе обвела взглядом присутствующих, надеясь, что уж теперь-то они все поняли, но вновь наткнулась на те же удивленно-недоуменные взгляды. Да е-мое, ведь все же так очевидно! Ладно, довольно подсказок, не хотят шевелить извилинами, будем «разжевывать» информацию.

- Дело в том, Валентина Дмитриевна, - я обернулась к младшей Макаровой, - что то, что вы долгие годы принимали за бижутерию, на самом деле являлось изделиями из вполне себе драгоценных камней и металлов. И, судя по той сумме, которую вашей маменьке удалось за них выручить в ломбарде (а там, само собой, далеко не рыночные расценки), коллекции драгоценностей вашей родительницы вполне могла бы позавидовать иная знатная особа.

- Мама, о чем она говорит? - Валентина обернулась к старухе Макаровой, но та лишь злобно оскалилась в ответ.

- Видите ли, Валя, ваш папенька, долгие годы будучи главным врачом психиатрической клиники, сумел сколотить неплохое состояние, которое предусмотрительно конвертировал в золото и бриллианты. Ну а во что еще? Это сейчас никто не стесняется своего богатства и даже всячески его выпячивает. Окружающие, конечно, догадываются, откуда у скромного полицейского или госслужащего доходы, сопоставимые с доходами какого-нибудь арабского шейха средней руки, но лишних вопросов не задают. В конце концов, заглядывать в чужую тарелку невежливо. Раньше же все было совсем иначе. Вот и получается, что отец ваш деньги имел, а тратить их, как хотелось, не мог, превратившись в итоге в эдакого Корейко в медицинском халате. Кстати, он оказался прав, ведь только драгоценности и смогли сохранить свою ценность в стремительно меняющейся российской действительности. Отдай он предпочтение деревянной валюте, не видать ему богатства, нажитого непосильным трудом, как своих ушей.

- Я не понимаю, - растерянно обернувшись к матери, проговорила Валюшка, - о каком богатстве она толкует, мама?

- А мне-то почему знать? - осклабилась Макарова. - Мелет тут ересь какую-то, а вы все слушаете, уши развесив.

- Напрасно вы так, Ольга Васильевна, - я великодушно улыбнулась. - Я ведь и доказательства могу предоставить. Работника ломбарда сюда тащить не стала - и так уж публики достаточно, но он вас прекрасно помнит. Еще бы! Не каждый день ему приходится заключать столь солидные по сумме сделки. И это еще одна ваша ошибка - вам бы разбить драгоценности на части и заложить их в разных ломбардах, но... Видимо, вы очень торопились, да? Что случилось? Шеф подгонял? Понять его можно. Ему Семен Андреевич счетчик включил, так что деньги нужны были срочно. Вы уж не взыщите, тем более что отомстили вы ему в итоге знатно.

- Ерунда какая-то, - пробормотала Валюшка, - какие деньги? Какие ломбарды? Какие драгоценности? Папа - подпольный миллионер? Вы что? Откуда?

Я сочувственно покачала головой - еще никогда мне не доводилось сообщать столько неприятных новостей разом, но делать нечего - назвавшись груздем, полезай в кузов.

- Мне очень жаль, Валя, но ваш отец, подозреваю, в семье очень милый, любящий

и заботливый, когда нужно, мог быть совсем иным. Будучи главным врачом психиатрической лечебницы, он имел практически неограниченную власть над пациентами. К ним и сейчас относятся, мягко говоря, не очень, а уж в советские времена... В общем, папенька ваш занимался банальным грабежом. Уж простите.

- Нет, - Валя охнула и снова закрыла рот ладонью. Семавас хмыкнул и, оторвав плотоядный взгляд от Ольги, глубокомысленно изрек:

- Се ля ви. - Вот уж действительно ни убавить, ни прибавить.

- Валентина, я думаю, отец искренне не видел в своем поведении ничего дурного. В конце концов, он обирал лишь одиноких, подозреваю, немолодых людей, чьи деньги после смерти все равно отошли бы государству. Зато он, судя по всему, обеспечивал им в клинике отличный уход - там до сих пор с теплотой вспоминают интеллигентного и доброго главврача. Как бы то ни было, - я устало провела рукой по глазам, - но деньги у отца имелись. В советские времена сорить ими было опасно. Вот он и перевел их в золото, бриллианты. А потом... Наверняка в вашей семье были разные периоды? Но ведь как-то вы жили? Никогда не задумывались, откуда волшебным образом берутся средства на вашу одежду, обувь, продукты, наконец.

Валя растерянно осмотрела присутствующих, будто гадая, как вообще здесь очутилась, а затем обратила взгляд к матери.

- Мама, о чем она говорит? Мы ведь никогда не жили богато?

Макарова лишь презрительно фыркнула.

- Конечно, не жили, - зло прошипела она, - твой папенька все твердил - это на черный день, это на черный день. Разрешал продать колечко или сережки, только когда есть нечего было. Старый скряга! А потом и вовсе подложил свинью и отправился на тот свет. Сотворил этот самый черный день своими руками. Вот и пришлось этому, - старуха кивнула головой в сторону Олега, - все отдать.

- Ну, положим, - уточнила я, - отдали вы не этому, а его брату. Он ведь шантажировал вас, да? Грозился поведать миру то, чем ваш муж поделился с ним на смертном одре? Вот вы и отдали все деньги. Да только мой шеф тот еще фрукт был. Присосавшись, он так просто не отстал бы. Что он у вас потребовал за молчание? Квартиру?

Макарова ничего не ответила, только гневно глазами сверкнула.

- Да это и не важно. Важно то, что вы поняли - только смерть заставит его замолчать. И тогда вы разработали гениальный план. Спровадив дочку с будущим зятем на концерт, вы отправились к старой приятельнице. Конечно, было бы лучше пригласить Олесю Стефановну к себе домой, чтобы «Скорая» увезла ее из вашей квартиры, но в вашем районе вас каждый фельдшер знает. Так что этот вариант не подходил. С другой стороны, кто бы стал проверять ваше алиби так дотошно? Тем более что вы вообще были уверены в том, что полиция на вас никогда не выйдет. В общем, отправились вы к Олесе Стефановне. Почему именно к ней? Да потому что, будучи гражданкой Украины, она не имеет страхового полиса. На то и был расчет. Там вы подсыпали ей в чай предварительно растолченные сердечные таблетки - благо недостатка в них в вашем доме не имеется. Полезные для больного человека, здоровому они, напротив, способны причинить вред. Особенно если подгадать с дозировкой. В общем, вызвать сердечный приступ у сердечной подруги, уж простите за тавтологию, вам труда не составило. Впрочем, как и убедить ее воспользоваться своим паспортом и полисом. Напуганная женщина, конечно же, согласилась, понимая, что отсутствие страховки

может отразиться на отношении к ней врачей.

В этом месте присутствующие медработники протестующе замахали руками.

- Прошу прощения, - обратилась я к ним, - не о вас конкретно речь. Как бы то ни было, но докторам важно лишь наличие документов, внимательно в них никто не вчитывается и фотографию на паспорте не изучает. Тем более что обычно качество той, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Мне порой кажется, что фотографы даже проходят специальные курсы, чтобы нельзя было идентифицировать человека по фото в паспорте. Наверное, иначе их и к работе-то не допускают. Как бы то ни было, но врачи подлога не заметили и даже не заподозрили. Таким образом, Олеся Стефановна попала в больницу, обеспечив вам, Ольга Васильевна, стопроцентное алиби.

Макарова презрительно усмехнулась, но вновь промолчала. Да и что тут скажешь - с фактами ведь не поспоришь.

- А дальше все просто. Еще накануне, передавая шефу деньги в офисе, вы заглянули в наш туалет и запихали в унитаз тряпку. Вам нужно было как-то пройти мимо камеры, не привлекая внимания. Сделать это можно, только смешавшись с толпой старушек, но днем в офисе многолюдно, так что привести свой план в исполнение вы никак не могли. Домой вас шеф, по понятным причинам, не звал, а на улице убивать его было крайне рискованно. Кроме того, необходимо было подsunуть следствию подозреваемых. Мы с Андреем подошли на эту роль идеально. Я особенно. И вот в назначенный день, отправив Олесю Стефановну в больницу, вы помчались к конторе. Вам нужно было подгадать к открытию после обеда - в это время толпа у входа ничуть не меньше, чем с утра. Смешаться с ней, не привлекая внимания, труда не составило. Затем вы спрятались в помещении туалета, куда по понятным причинам в тот день никто не заходил. Ну а дальше все просто - шеф убит, подозрение падает на меня, завещания вашего мужа в конторе нет, как и ниточек, ведущих к вам. Все идеально, но с последним пунктом вы перестарались. Не нужно было красть папки. Если бы не этот промах, мы бы до скончания века проверяли все документы, найдя, я полагаю, тысячи подозреваемых - Юрий Павлович, как я уже говорила, умел наживать себе врагов.

Макарова бросила на меня злобный взгляд и презрительно плюнула, так и не нарушив, правда, обет молчания.

Зато в беседу вновь вмешалась дочь:

- Но зачем? Неужели из-за того, что папа покаялся перед нотариусом в своих грехах? Ну, обирал он пациентов, разве после его смерти это было так важно?

- А вот это, Валентина Дмитриевна, и самое главное. Да, Ольга Васильевна?

Тут случилось неожиданное. Семенов заковал старушку в наручники, но не додумался приковать ее к какой-нибудь опоре. А зря. Эмоциональная бабушка явно не собиралась успокаиваться. С диким воплем кинулась она в мою сторону и пребольно пнула меня в ногу. Я вскрикнула и принялась скакать на одной ножке по комнате, держась рукой за ушибленную конечность. Семенов и Креольский вдвоем кое-как усадили сопротивляющуюся женщину на место и держали ее до тех пор, пока она не затихла, утомленная. Валя с рыданиями кинулась к матери, но ее удержал на месте Сомов.

Остальные взирали на разыгрываемый спектакль с разными чувствами - кто равнодушно, кто с удивлением, но вмешаться так никто и не решился.

- Ольга Васильевна, голубушка, - я вложила в голос все сочувствие, на которое только оказалась способна, - не торопитесь вы так. Ну, к чему эти эмоции? Все равно уже ничего не изменить. Так что давайте уж допьем чашу до дна вместе и посмотрим, что будет. Ваша дочь вас искренне любит, и вряд ли это можно изменить. Хотя, конечно, то, что ей предстоит услышать... Да ведь из песни слова не выкинуть, не так ли?

- Мама, о чем говорит эта женщина? - проговорила Валентина, даже не сдерживая рыдания. Макарова растерянно смотрела на нее и силилась что-то сказать, но слова не шли из горла. Наконец она сдавленно прошептала:

- Доченька, я... Прости меня. Все это только ради тебя. Я... - глаза женщины закатились, и она провалилась в небытие. На этот раз приступ оказался подлинным. Снова возня, осмотр врачей, уколы. Наконец бабушку привели в чувство. Жизни ее ничто не угрожало, поэтому от перевозки в больницу медики отказались. Что ж, по всей видимости, Макаровой предстоит пройти этот путь до конца. Ничего не попишешь.

А вот прочие участники встречи начинали терять терпение. Татарский демонстративно поглядывал на часы, Питерский так и вовсе пару раз пытался уйти, ссылаясь на неотложные дела. Зато Семавас никуда не торопился - он явно наслаждался обществом Ольги, не особенно, правда, следя за происходящим. Да, не так я себе представляла эту встречу. Совсем не так.

- Послушайте, - я повысила голос, пытаюсь привлечь внимание присутствующих, - наберитесь терпения, осталось совсем чуть-чуть. Я практически закончила. Итак, ясно, кто убил Креольского. И даже ясно, за что, но, думаю, - тут я торжествующе обвела взглядом присутствующих, - всем интересно, что за тайну унесли с собой в могилу Макаров и мой шеф.

На самом деле интересно было немногим. Семавас и Ольга крайне нехотя прервали беседу и теперь томились происходящим, Питерский нетерпеливо постукивал носком ботинка по полу, демонстрируя крайнее напряжение, а его маменька и вовсе откровенно зевала. Зато Ангелина взирала на меня с откровенным любопытством, в то время как ее саму пожирала глазами муж и пасынок. Демонстрировали интерес к происходящему также Олег и Семенов. Разумеется, внимали речам и Валюшка с женихом. Он безучастно, она с вполне оправданным интересом и ужасом.

Одним словом, публика поделилась примерно поровну, и тем не менее мне этого хватило, чтобы воодушевиться. Набрав в грудь воздуха, я приступила к повествованию, избрав для него тон старухи-рассказчицы из старых кинофильмов Михаила Ромма.

- Наша история берет свое начало в те далекие времена, когда деревья были большими, цены низкими, а страна великой. В одной психиатрической клинике, главврач которой справедливо слыл милейшим человеком, трудилась милая девушка Светочка Павлова. Чистое, светлое создание. Натура романтическая, что, впрочем, вполне оправданно в ее возрасте. И случилось ей влюбиться в интеллигентного главврача - событие откровенно банальное, учитывая возраст нашей героини и незначительный выбор среди ее окружения достойных особей мужского пола. Возможно, этой любви так и суждено было остаться неразделенной, если бы не обстоятельства жизни ее объекта. Макаров, который в молодые годы женился на очень красивой, но алчной и властной женщине, браком своим к тому времени тяготился. Да и возраст заставлял задуматься о потомстве, которое, вот незадача, супруга никак ему не дарила. Все друзья, приятели нашего героя с упоением обсуждали успехи своих чад, а кое-кто даже сетовал на подростковую невменяемость, и только Дмитрий Иванович с женой обивал пороги клиник, пытаюсь установить причину семейного бесплодия. Врачи лишь руками разводили - и он, и жена были совершенно здоровы, а почему им не удается зачать ребенка, оставалось

загадкой. Какая-то природная несовместимость, видимо.

Как бы то ни было, но брак трещал по швам, а тут еще и кризис среднего возраста нагрелся. В общем, когда наш герой стал замечать восторженные взгляды молодой девы, сердце его дрогнуло. Случился роман – бурный, яркий, восхитительный. Во всяком случае, именно так мне описывала его главная героиня. Ее юный возраст и пренебрежение мерами контрацепции (да и до них ли, когда кипят такие страсти) сделали свое дело – девушка забеременела. Радости Макарова не было предела: еще бы, он так мечтал о ребенке, и вот свершилось. Брак с супругой, как я уже говорила, его давно тяготил, Свету он искренне любил, поэтому причин отказываться от совместного счастья не видел. Конечно, в те времена подобные адюльтеры не одобрялись, но и не карались сильно – пожурили бы на собрании профкома, вынесли какое-нибудь порицание да и успокоились. В конце концов, у начальства Макаров был на хорошем счету, так что должности бы своей он точно не лишился.

Одним словом, складывалось все просто замечательно. Осталось только объясниться с супругой, уладить неприятные, но не смертельные формальности, и дело сделано. Впереди маячила перспектива долгой и счастливой жизни в новой семье с долгожданным ребенком. Возможно, даже и не одним. Но злые силы ведь не только в сказках вмешиваются в ход событий. Да, Ольга Васильевна?

Старуха Макарова лишь презрительно усмехнулась в ответ, а я продолжила, обращаясь уже непосредственно к ней:

– Перспектива остаться после стольких лет брака одной вас не прельщала, не так ли? Да и не привыкли вы уступать кому бы то ни было. И уж тем более какой-то такой «серой мышке», у которой из всех достоинств-то возраст и способность к деторождению. Чем вы удержали супруга, а, Ольга Васильевна? Думаю, вы пригрозили рассказать кому следует о его темных делишках. А это ведь уже не формальное профкомовское порицание, да? Это уже на тюремный срок тянет, ведь так? Как бы то ни было, но, по каким-то причинам, ваш супруг в браке решил остаться. Но как быть с отпрыском? Отказаться от юной возлюбленной он скрепя сердце еще мог, но от долгожданного чада... И тогда вы придумали вероломный план – подкупив врача в родильном отделении, вы выкрали ребенка Светы Павловой. Ей же доктора сообщили о его, точнее ее, смерти. Убитая двойным горем – предательством любимого и гибелью младенца, девушка не додумалась даже попросить тело для захоронения. Хотя в те времена подобное в любом случае не практиковалось.

Конечно, больничный пост пришлось оставить, как и родной город. Неожиданное появление у пары младенца неизбежно вызвало бы множество вопросов. Дальше просто – вы отправились в какой-то глухой уголок, обратились в местный ЗАГС, объяснив, что дитя родилось раньше срока в пути. Необходимую для получения свидетельства о рождении справку вам выписал все тот же доктор. И вот Юля Павлова превратилась в Валю Макарову, к вящему удовольствию новоиспеченной матери.

– Мама, что она такое говорит? – в который раз за день вскричала девушка. – Это ведь неправда, да? Это не может быть правдой, да? – девушка разразилась рыданиями на груди возлюбленного. Она больше не делала попыток добраться к матери.

Та сидела совершенно раздавленная – беспомощная, жалкая женщина, утратившая всякий смысл существования.

– Вот такая история, – подвела я итог вышесказанного. – Зло победило добро, и зажали Макаровы долго, хоть и не счастливо. Думаю, в отличие от вас, Ольга Васильевна, ваш супруг

все же терзался совершенным. Вот почему, оказавшись перед лицом вечности, он решил покаяться перед обманутой им женщиной. Но, будучи тяжелобольным и прикованным к постели, связаться ней лично он никак не мог. О том, чтобы попросить об этом вас, и речи быть не могло, вот и обратился он к нотариусу, поручив тому деликатное дело – разыскать Светлану Павлову.

- Но почему? – Валентина оторвала руки от залитого слезами лица и впервые посмотрела на мать. – Почему он не рассказал ничего мне, мама?

Лицо старшей Макаровой исказила гримаса гнева:

- Потому что он слабак, – прошипела она, – всегда им был, таким и помер. Побоялся тебе открыться, привык чужими руками жар загребать. Всю жизнь всего боялся, трус!

Валюшка снова зашла в рыданиях, мне опять пришлось прерваться. Дождавшись, пока девушка хоть как-то успокоится, я продолжила, обращаясь уже ко всем присутствующим.

- Креольский щепетильностью не отличался и исполнять последнюю волю клиента не торопился. А тут еще эта история с Семеном Андреевичем. Остро нуждаясь в деньгах, мой шеф ничего лучше не смог придумать, как заняться шантажом. Возможно, он действовал наудачу, а может, Макаров ему во всех грехах покаялся, рассказав о нажитом нечестным путем состоянии, только счет он нашей героине выкатил нешуточный. А что делать? Пришлось платить. Да, Ольга Васильевна? – я вновь обратилась к Макаровой. – Уверена, в самом начале вы не собирались убивать шефа, раз согласились расстаться с драгоценностями. Но уже очень скоро вы поняли, что Креольский так просто не отстанет. Да и не могли вы так рисковать, ведь он в любой момент может нарушить свое обещание и рассказать правду. Так и созрело решение его убить. Да, Ольга Васильевна?

- Как же так? Почему? Зачем? – рыдала Валя на груди у Сомова, даже не решаясь посмотреть в сторону матери. Та кинула страдальческий взгляд на дочь и тут же отвела глаза. – А моя настоящая мать? – встрепенулась девушка. – Что с ней? Она жива?

Макарова застонала. В тот момент я ей даже посочувствовала. В конце концов, все, что она совершила, было продиктовано любовью. Пусть и в таком извращенном ее понимании.

- Да, жива и здравствует, – ответила я Вале. – Более того, после вас она родила еще одного ребенка, девочку. Так что у вас даже сестра имеется.

- Сестра?! – девушка даже плакать перестала. – Как же так? Я же ничего... И где они?

- Здесь, в городе, – я кинула взгляд на Макарову-старшую, опасаясь ее реакции, но женщина, похоже, смирилась со своей участью и сейчас просто сидела, вперив взгляд в пол, не поднимая головы. – Они очень хотели с вами увидеться, рвались прийти сюда, но я решила, что, пожалуй, для одного дня это будет как-то слишком. Кроме того, я не была уверена, захотите ли вы их видеть. Я оставлю вам их координаты, а вы уж сами решите, встречаться или нет.

- О чем вы говорите? Я... – тут Валя бросила страдальческий взгляд на мать и, вырвавшись из объятий жениха, уткнулась в ее колени. – Мама, прости меня, что же ты наделала, мама... – твердила и твердила она как заведенная одну и ту же фразу. Это стало последней каплей для «железной» старухи, которая наконец-то тоже дала волю столь естественным в сложившихся обстоятельствах эмоциям.

- Доченька, прости меня, – заплакала она. – Это все только ради тебя, ради нас... Я...

Происходящее стало сильно напоминать сцену из индийского кинофильма. Видимо, остальные тоже так решили. Брезгливо отводя взгляд, некоторые поднялись со своих мест и принялись прощаться. Итог подвел Семавас:

- Всегда знал, что бабы – дуры. Зачем такой огород городить-то было? Ну, украла ты ребенка. Дело-то прошлое. Пришла бы, покаялась, посидели за рюмочкой и дружили бы семьями. А теперь что? Чалиться тебе на нарах до конца дней своих. Эх...

Макарова злобно посмотрела на бандита, но промолчала. Да и что тут скажешь? Может, Сема Васильев и не самая приятная личность, но он определенно был прав.

* * *

- А ты молодец, – Ангелина задумчиво размешивала трубочкой морковный фреш, – и как только до этого додумалась?

- Ну, времени на размышления благодаря старухе Макаровой у меня оказалось предостаточно. Зализывая раны на окраине маленького городка, я перебирала в уме всех возможных кандидатов на роль убийцы. Очень уж не хотелось в твою виновность верить, хоть все на нее и указывало. Не обижайся...

- Да я понимаю, – Ангелина согласно кивнула. – Я бы тоже на себя подумала. Ты ж не знала, что меня саму чуть на тот свет не отправили.

- Ну да, – задумчиво произнесла я, – Макарова поступила очень умно – нашла во дворе скучающую пенсионерку, «накрутила» ее по поводу чужого автомобиля. Сделать это нынче проще простого – иные старушки на улицу-то выползают исключительно для того, чтобы с кем-нибудь повздорить.

- Ну да, – согласилась Геля.

- Ей нужно было выманить нас из двора, где в каждом окне мог найтись свидетель. Как там она планировала справиться с нами обеими, я не ведаю, но, на ее удачу, делать это и не пришлось. План использовать твой автомобиль и вовсе родился внезапно. Мне еще повезло, если бы не забулдыга, который неожиданно выполз во двор, думаю, Макарова довела бы начатое до конца. А так она испугалась пусть и не очень надежного, но все же свидетеля и бросила меня как есть – недобитую.

- Но зачем ей вообще было нас убивать?

- Ну как? – я изумленно уставилась на Ангелину. – Она боялась, что мы докопаемся до сути. Когда ты явилась в ее дом, представившись частным детективом, она сильно испугалась. Потому и явилась к дому Павловой, чтобы выяснить, что нам известно. Не знаю, может, хотела осторожно поговорить с бывшей соперницей, прощупать, так сказать, почву. А тут мы... Макарова понимает, что мы подобралась слишком близко, и начинает действовать.

- Понятно... – Геля рассеянно посмотрела в окно. – Ну а ты-то как до всего этого додумалась?

- Да очень просто. Сначала я решила, что попытка убийства – дело твоих рук, но, как ни старалась, не могла придумать мотив. Можно было бы решить, что все это из-за контракта, но ведь ты его еще накануне отдала Креольскому. Конечно, ситуацию усугубил звонок пасынка Татарского на твой телефон. Ты не знала, что он звонил мне, то есть тебе, то есть он думал, что звонит тебе, в общем, ты поняла. Так вот, он в панике спрашивал, избавилась ли ты от нее.

Я и решила, что речь обо мне, – я виновато улыбнулась. – Прости...

– Да ладно, не извиняйся. На самом деле он спрашивал про запись наших с ним любовных «игр». Я зачем-то сняла их на телефон. Хотя что значит зачем-то? Сделала это с вполне реальной целью – хотела отправить Володе, чтобы отомстить за причиненную мне боль. Но... Тот ведь и сам все выяснил, да и я, протрезвев, решила, что продемонстрировать ему подобное – это как-то чересчур. Отдав контракт Креольскому, я лишила себя шанса на получение хоть какой-то доли семейного имущества. И Андрея, как ты понимаешь, это не устраивало. Он решил бороться, уговаривал меня судиться, доказывая, что снимки, сделанные Володей, фейковые, сцены подстроены и так далее. Разумеется, видеозапись на моем телефоне могла разрушить его планы. Вот он и настаивал на ее удалении. Хотя я, если честно, давно это сделала. Кстати! – лицо Ангелины озарила внезапная мысль. – А что это за история с подмешанным в шампанское снотворным? Ты же знаешь, что ничего этого не было.

– Знаю, – я заговорщицки улыбнулась, – но мужу твоему об этом знать совсем не обязательно. Идею мне подала Ольга. Когда я узнала, что она сделала, то подумала, отчего бы не использовать ее «чудный» план в благих целях. Уж не знаю, поверит ли мне твой супруг, но попытка ведь не пытка.

– Точно! Спасибо тебе большое. Я... – Геля прижала руки к груди, – да чего уж там. Ты и сама ведь все понимаешь.

– Ага, – я довольно кивнула и шумно отпила кофе из чашки.

– Кстати, – опомнилась моя подруга, – а что именно сделала Ольга?

– Ой, а ты ведь и впрямь еще не знаешь последние новости... Хотя погоди, сначала я все же расскажу тебе, как раскрыла убийство. – Роль мисс Марпл мне чрезвычайно понравилась, и я решила растянуть удовольствие. – В общем, слушай. Как ни пыталась я найти у тебя мотив для убийства, ничего не выходило. Тогда я решила отложить пока эту версию и заняться прочими. И тут, как ни крути, все дороги вели к Макаровой, ведь именно после визита к ее бывшей сопернице состоялось покушение на мою жизнь. А кто еще был связан с той давней историей? Правда, у Ольги Васильевны на момент убийства Креольского имелось алиби, с которым трудно поспорить. И тут меня осенило! Я вспомнила, как врачи «Скорой помощи» нас с тобой перепутали. А ведь мы совсем не похожи! Что, если и в больнице вместо Макаровой лежал кто-то другой? Я отправилась в стационар, опросила медсестер, которые хорошо запомнили добрую, милую, неприхотливую пациентку по фамилии Макарова. Согласись, данный ими психологический портрет совсем не подходил под описание подозреваемой. И тут мне повезло! Оказалось, что одна из медицинских работниц подружилась с «Макаровой» и даже обменялась с ней телефонами. Сочинив какую-то сказку и потратив немного денег на конфеты и шампанское... Кстати, твоих денег, – я виновато улыбнулась и добавила: – Ты не думай, я непременно все до копейки верну.

Геля только руками замахала:

– Какая глупость! И не вздумай!

– Так вот, телефон пациентки я получила, ну а дальше и вовсе все просто. Мало того, что у Макаровой не было алиби, так она еще потратила уйму усилий на создание ложного. Зачем, если она не имеет отношения к убийству? Оставался главный вопрос – вопрос мотива. Версия о похищении ребенка возникла у меня почти сразу. Другое дело, что поверить в ее правдоподобность было уж больно сложно. Как-то все это... По-киношному, что ли... Но жизнь,

она и не такие фокусы выкидывает. Если честно, у меня не имелось ни малейшего доказательства, что Валентина – дочь Павловой. Я просто решила сыграть ва-банк. Так что там, в доме у Креольского, я банально блефовала, рассчитывая, что Макарова сама себя выдаст. И заметь, она меня не подвела!

- Угу, - Ангелина отщипнула виноградину от огромной грозди и с удовольствием отправила ее в рот. Подняв бокал с соком, она торжественно провозгласила: - Так выпьем же за это!

Я чокнулась с ней кофейной чашкой, и мы расхохотались.

- Ты уверена, что не хочешь отметить это дело чем-нибудь покрепче? - в который раз за вечер поинтересовалась Ангелина, а я в который раз отказалась. - Понимаю, - Ангелина кивнула головой, - рассчитываешь на продолжение вечера с НИМ, - подруга заговорщицки подмигнула.

Я отрицательно покачала головой:

- Нет! Если бы рассчитывала, осталась бы, тем более что Креольский просто умолял меня об этом, - перед глазами вновь предстал растерянный взгляд Олега, когда он услышал мой категорический отказ остаться для серьезного разговора.

- Слушай, я что-то тебя совсем не понимаю. То ты находишься на грани суицида, узнав, что у него роман с Ольгой, то убегаешь, выяснив, что это неправда. Это что? Та самая знаменитая женская логика?

Я рассмеялась:

- Просто дурость, наверное. Да нет... Понимаешь... - я замерла, подбирая слова. - Практически всю свою сознательную жизнь я от кого-то зависела: от родителей, Андрейки, даже от тебя. Но там, в захолустной квартирке на окраине маленького городка, вдруг осознала, насколько это неправильно. Я же понимаю, к чему все идет. Вижу, что Креольский увлекся. Но надолго ли? И главное кем? Размазней Соней Алтуфьевой или тем, кем она совсем недолго была? Какое-то время, преисполненный чувством благодарности за поимку убийцы брата, он, конечно, будет терпеть мою «серость», а потом? Да и, в конце концов, сколько можно зависеть от мужчин?

Ангелина понимающе кивнула:

- И что думаешь делать?

- Для начала вернусь к родителям в Волгоград, подлечу раны, переосмыслю жизнь, запишусь на курсы.

- Какие? - удивилась Геля.

Смущенно помявшись, я выпалила:

- Частных детективов! Хочу открыть свое агентство. Конечно, я понимаю, для этого нужны деньги, но для начала я планирую искать клиентов в Сети, встречаться с ними в кафе и ресторанах. Авось удастся обойтись без офиса. Брать буду низкой ценой и высоким качеством, - я расхохоталась. - А там, когда продвинусь, и свою контору заведу.

Геля восхищенно присвистнула:

- Ого, а ты, оказывается, все продумала?

- Время было, сама понимаешь, - ответила я.

Модная мелодия зазвучала в Гелиной сумочке, сообщая о чем-то намерении пообщаться с обладательницей телефона. Виновато улыбнувшись, та достала аппарат и посмотрела на экран. Судя по волнению, отразившемуся на ее лице, звонок был важным.

- Да... Да... Могу... Конечно... Хорошо, - дав отбой, Ангелина еще добрую минуту пялилась на гаджет, не говоря ни слова. Инстинктивно чувствуя важность момента, я тоже не решалась задавать вопросы.

- Это Вова, - наконец выдавила из себя подруга.

- Да я уж поняла. Хочет встретиться? - проявила я чудеса смекалки. А что вы хотите, как-никак будущий частный детектив, мисс Фанни Прайс, е-мое.

- Да, - кивнула Ангелина, - и судя по голосу... Мне кажется, он тебе поверил. По крайней мере, явно волновался и... Мне кажется, мы...

- Да беги уж, - великодушно позволила я, понимая, что подругу все равно не остановить.

- Ты не обидишься, правда? - виновато поинтересовалась Ангелина.

Я возмущенно фыркнула:

- Что ж я, совсем, что ли, по-твоему? Думаешь, ничего не понимаю?

Глава тридцать первая

Жить надо так, чтобы тебя помнили и сволочи...

Ф. Раневская

Снова тот же сон. Каждый день один и тот же. Пожалуйста, продлись, пожалуйста, только не будильник, неееет. Хотя что это я? Какой будильник? Я ведь теперь сама себе хозяйка - когда хочу, тогда встаю. Вспомнив об этом, я счастливо улыбнулась, повернулась на другой бок и попыталась вернуться в сновидение. Из сладких объятий Морфея меня буквально выдернула настойчивая трель телефона. У, чтоб тебя! Кому там нейметя в такую рань?

Слегка открыв глаза, посмотрела на электронное табло часов и присвистнула. Ого, а время-то совсем не раннее. Нет, нужно завязывать с отмечанием удачно завершенных дел - их становится все больше, а здоровья после подобных празднеств все меньше.

- Соня, ты спишь? - Как это Ангелине всегда удается быть такой бодрой с утра, ведь вчера вместе гуляли?

- Угу, - проворчала я, все еще надеясь досмотреть сон.

Но у подруги явно имелись иные планы на мое утро. Или, точнее сказать, уже день.

- Вставай, - безапелляционно заявила она, - у нас новый клиент.

Сон как рукой сняло. Сделав стойку охотничьей собаки, я насторожила уши:

- Интересный? - Разумеется, меня интересовал не сам клиент, а дело, но Ангелина все поняла правильно.

- Очень, - радостно провозгласила она, - там какая-то запутанная история с похищением.

- Ух ты, - восхитилась я, - а что украли?

- Мне-то почему знать? Встретишься с клиентом, сама и расспросишь. Встреча в пять. Слушай, мне некогда. У меня еще дел по горло, сегодня к врачу.

- Ах да, - вспомнила я, - сегодня у тебя знаменательное событие. Наконец-то пол скажут, да?

- Ну, еще не факт, малыш вполне может повернуться попой к монитору. Если характером пошел в папу, уверена, так и сделает, - в голосе Ангелины слышалась теплота, которая всегда появлялась, стоило ей заговорить о муже. - Но ведь может и повезти. Хотя мне...

- Да-да, я помню, - перебила я подругу, - тебе все равно. Иди уж давай. Только адрес встречи скинуть не забудь на электронку.

- Уже, - ответил мой партнер по бизнесу, она же лучшая подруга, и повесила трубку.

Сладко потянувшись, я решила еще немного поваляться в постели, благо времени в моем распоряжении имелось предостаточно.

Но вернуть сон не удалось. Сладостное томление внизу живота еще порхало бабочками, но волшебство рассеялось с приходом утра, а точнее, вместе со звонком моей дражайшей подруги. Поворочавшись в постели еще немного, больше для вида, нежели в реальной надежде вернуться в сладкий мир грез, я нехотя выползла из кровати и поплелась в ванную.

Поймав свое отражение, скорчила недовольную гримасу. Да уж, с таким лицом мне только в социальных рекламах сниматься. В качестве модели, наглядно демонстрирующей последствия нездорового образа жизни. Включив душ и радио почти одновременно, я скинула остатки одежды и шагнула в кабинку. Подпевая отечественному исполнителю, страдающему, судя по песне, от несчастной любви, с удовольствием подставила свое тело под горячую воду и закрыла глаза от удовольствия. Нет, определенно не правы те, кто говорит, будто утро добрым не бывает. Может, и не все гладко в моей жизни, но такие моменты, как этот, компенсируют все недостатки. Конечно, куда лучше было бы, принимай душ сейчас со мной мужчина. И не просто мужчина, а конкретный, но... Я вздохнула. Сколько можно тешить себя бесплодными фантазиями? За полгода после нашей последней встречи Креольский не сделал ни одной попытки встретиться, даже не позвонил узнать, как у меня дела. Сомневаюсь, что он вообще помнит о моем существовании. Нет, решительно эту страницу моей жизни пора перевернуть и забыть, как будто ее и не было. Хотя, конечно, сказать куда проще, чем сделать.

После душа последовал макияж - слабая попытка скрыть мешки под глазами и оживить тусклый цвет лица. Но негоже являться на первую встречу с клиентом в таком виде, будто жить тебе осталось от силы дней пять. Как говорится, краше в гроб кладут. Правда, после того, как на холст были нанесены все краски, картина преобразилась. Из зеркала на меня смотрела молодая, привлекательная, весьма уверенная в себе женщина - образ, к которому я до сих пор не могла привыкнуть. Иногда, глядя на себя со стороны, попросту себя не узнавала. Впрочем, куда важнее внешних изменений были изменения внутренние. Наверное, именно они и были той самой первопричиной, за которой и следовали внешние перемены.

Жизнь, которую я вела последние полгода, нравилась мне чрезвычайно, и пусть расследования убийств мне никто еще ни разу не поручал, как говорится, грех жаловаться. А я и не роптала. Ну, разве что только иногда... Как известно, своя ложка дегтя всегда найдется в каждой, даже огромной бочке меда. Иногда одинокими вечерами, забравшись с ногами в уютное кресло с огромной чашкой травяного чая и укутавшись в уютный плед, я предавалась фантазиям, представляя, как меня обнимает не кашемировая ткань, а любимые руки. Да еще эти сны...

Выйдя из ванной, я сварила кофе и, уютно расположившись за крохотным столом, потянулась к ноутбуку. Для начала проверила почту – ежедневный утренний ритуал, зашла на наш сайт проверить, нет ли сообщений, а затем набрала в поисковике заветные имя и фамилию – действие, которое я также совершала каждый день. Никакой новой информации не появилось – пресс-релиз, рассказывающий об участии Олега в благотворительном вечере, я видела и раньше.

С того дня, когда я так удачно изображала мисс Марпл, мы ни разу не пересеклись. Даже случайно. Поначалу Креольский проявил удивительную настойчивость, названивая едва ли не каждые полчаса и умоляя о встрече. Но я проявила совершенно несвойственную для себя и вообще для влюбленной женщины твердость, понимая, что, стоит мне увидеть его, все благие намерения испарятся как дым. А мне казалось очень важным доказать миру и себе, конечно, тоже, что я способна состояться сама. Мне хотелось обрести независимость даже ценой собственного счастья. Нужно сказать, мне это удалось. Причем и то, и другое – и независимость обрела, и от счастья отказалась.

Смахнув со лба прядь волос, отгоняя вместе с этим жестом накатившую волну грусти, я решительно захлопнула крышку ноутбука и отправилась в новый день. Встреча была назначена на вечер, а пока есть время заняться рутинной – встретиться с бухгалтером, поискать офис (мы наконец-то могли себе его позволить) и так далее.

* * *

- У вас заказан столик? – вежливый администратор расплылся в улыбке Чеширского кота.

- Да, столик на Алтуфьеву, – я постаралась воспроизвести нечто подобное, но, подозреваю, вышло слабо.

- Сюда, пожалуйста, – служащий ресторана проводил меня в зал, усадив за стол в центре. Хм, я предпочитаю уютные малоприметные кабинки где-нибудь в углу – издержки профессии, знаете ли.

- Скажите, а нельзя ли сменить столик? – вежливо поинтересовалась я у мужчины. Растянув губы еще шире – а мне-то казалось, что это невозможно, – парень отрицательно покачал головой.

- Простите, но все остальные столики уже заняты.

С недоумением оглядев совершенно пустой зал, я решила промолчать. Новая жизнь новой жизнью, а качать права я так и не научилась.

- Хорошо, – недовольство в голосе решила не скрывать, хоть так выкажу свое отношение к этому заведению, – тогда мне кофе, пожалуйста.

- Одну минутку. – Интересно, медицинская страховка парня покрывает профессиональные травмы? Такие, как вывих челюсти, к примеру. Так улыбаясь, он вполне рискует ее заполнить.

От размышлений о судьбе администратора меня отвлек звонок Гели.

- Ты уже в ресторане?

- Ага, - кивнула я, будто подруга могла меня видеть, - только клиента все еще нет. Опаздывать на первую встречу - дурной тон, а уж заставлять барышню ждать...

- Ну, во?первых, клиент всегда прав, а во?вторых, ты не барышня, а детектив. Включай уже наконец профессионала.

- Да, да, конечно, ты права, - согласилась я. - Ты лучше скажи, как твое УЗИ?! Удалось узнать пол?

- Достоверно нет, но я уверена, что мальчик. Весь в папеньку. Отвернулся попой, как я и думала.

Я рассмеялась:

- Ну, Геля, девочки тоже, знаешь ли, вполне могут пойти характером в отца. Ой, - вскрикнула я, услышав резкий хлопок прямо у уха. Честно сказать, испугалась. Тоже мне детектив. Это всего лишь официант открыл шампанское. Стоп, а почему... Я ведь не заказывала.

- Это от мужчины за соседним столиком, - будто угадав мои мысли, пояснил работник питейного заведения.

Возмущенно развернувшись в указанном направлении, я едва не лишилась чувств. Вот это сюрприз! Вот так встреча! Бывают же в жизни совпадения. Только сегодня ведь о нем думала. С другой стороны, чего кривить душой, был ли день, когда я о нем не думала?

- Ангелина, я тебе перезвоню, - прошептала я и, не дожидаясь комментариев подруги, нажала отбой.

Олег поднялся из-за своего столика и медленно направился в мою сторону. Время растянулось, предоставляя мне возможность взять себя в руки и вернуть утраченное самообладание. Увы, я не из тех, кто использует удачные шансы. Как ни старалась я натянуть на лицо хотя бы подобие улыбки, ничего не получалось. Мне бы умение этого администратора. Может, он какие-то специальные курсы окончил, типа: «Натяни улыбку до попы»? Надо бы поинтересоваться на выходе. Переведя взгляд на руки, я заметила, что они дрожат. Быстро сунув их под стол, пожалела, что не могу забраться туда вся. Ох уж мне эта неловкость первой встречи.

- Привет, - небрежно бросил Креольский, присаживаясь напротив.

Привет?! Привет?! И это все, что он имеет сказать после полугода откровенного игнора? Никаких тебе «извини, что не звонил, не искал встреч, не иссох от любви», а, напротив, свеж, подтянут и весьма привлекателен? В тот момент я как-то упустила, что сама несколько месяцев подряд уклонялась от его настойчивых предложений встретиться и пряталась у родителей в Волгограде, строго-настрого запретив Ангелине сообщать их адрес. Хотя мог бы и узнать. Да, я несправедлива, но что вы хотите от влюбленной женщины?

- Привет, - буркнула я, старательно отводя взгляд.

- Как дела? - спросил Олег, закидывая ногу на ногу.

- Отлично, а у тебя? - разговор напоминал игру в пинг-понг: словно мячики, отбивали мы вопросы друг друга.

Заиграла тихая красивая мелодия, и я с удивлением поняла, что, сосредоточенная на своих чувствах, не заметила появления на эстраде музыкантов.

- Потанцуем? - предложил Креольский, подавая руку.

Я растерянно посмотрела по сторонам, словно ища поддержки у невидимых зрителей. Но зал был пуст. Даже странно, учитывая вечернее время.

Я вложила свою ладонь в ладонь Олега, молясь, чтобы он не заметил, как сильно дрожат пальцы. Хотя для этого, пожалуй, ему придется полностью лишиться осязания.

Скользя по полу в медленном танце (я хотела бы, конечно, написать, что мы вальсировали, словно заправские танцоры, но, подозреваю, со стороны это выглядело совсем непрофессионально), мы какое-то время молчали, просто наслаждаясь обществом друг друга. Вернее, наслаждалась я, а уж что там чувствовал Креольский, оставалось лишь догадываться.

- Что ты тут делаешь? - наконец решилась я нарушить молчание. Скорее, из вежливости. В конце концов, меня не особенно интересовал ответ на этот вопрос. Впрочем, как и любые другие вопросы и ответы. Если бы можно было остановить время и навсегда остаться в этом моменте, я так бы и сделала.

- У меня деловая встреча, - коротко ответил Олег.

На меня словно ушат холодной воды вылили, не скрою, где-то на краю сознания уже успела поселиться приятная мыслишка о том, что... Да ладно, чего уж там. Успела размечтаться.

- Надо же, какое совпадение. У меня тоже, - как можно более непринужденно промычала я, стараясь скрыть разочарование.

- Угу, - промычал Олег.

Мелодия закончилась, и я попыталась отстраниться, но не тут-то было. Олег крепко держал меня в объятьях. Музыканты снова заиграли «медляк». У них что, другого репертуара нет? Или сегодня вечер одиноких сердец? Возможно, именно этим и объясняется отсутствие иных посетителей в заведении - кому охота кинуть под слезоточивые баллады, когда можно оторваться под энергичную музыку?

Что ж, какая, в сущности, разница, если мне этого хочется? Я склонила голову Олегу на плечо, закрыла глаза, и весь мир перестал существовать - есть только он и я, я и он, и больше никого и ничего.

Но всему когда-нибудь приходит конец. Закончилась и эта мелодия, Олег нехотя отстранился, и я поплелась на негнущихся ногах к своему столику. Стремясь унять охватившую меня дрожь, взглянула на оставленный телефон и удивилась - клиент опаздывал уже на полчаса. Не то чтобы я жаждала его сейчас увидеть, просто констатировала факт.

Залпом осушив выдохшееся шампанское, моментально почувствовала приятную слабость в ногах. Пусть завтра будет что будет, а сегодня я намерена получить то, о чем мечтала так

долго. Превратить сны в явь.

- Слушай, а поехали ко мне, - неожиданно выпалила я Олегу, стоило тому устроиться удобно напротив. Удивленно вскинув бровь, он спросил:

- Ты уверена?

Я кивнула головой. Что тут думать? В конце концов, он привлекателен, я чертовски привлекательна. А об остальном подумаем потом, завтра. Или, если все хорошо пойдет, даже послезавтра.

Уже поднявшись со стула, неожиданно вспомнила о клиенте. Вот черт! Во мне боролась вечная отличница, не нарушающая свои обязательства, и страстная безрассудная женщина. Победила последняя, хоть и с некоторыми уступками первой.

- Извини, я только позвоню Ангелине, чтобы она предупредила клиента. - Я виновато улыбнулась.

- Не нужно, - ответил он, - я и есть твой клиент.

- То есть? - для детектива я на редкость плохо соображаю, нужно отметить. Хотя что тут не понять - моя лучшая подруга сговорила с Олегом Креольским, устроив эту встречу. Надеюсь, не она же выступила ее инициатором. А что, вполне в ее духе позвонить Олегу и сообщить, как я страдаю от любви к нему. Еще не хватало!

- Соня, - Олег взял меня за руки и пристально посмотрел в глаза, отчего перед ними тут же поплыл весь зал. Что он там говорит? Напрягись, Алтуфьева, слушай внимательно, потом будешь таять, как масляная розочка на торте, забытом у открытого огня.

- Черт, - мужчина смешался, - я ведь даже целую речь заготовил. Что-то типа у меня похитили сердце, прошу помочь в его поиске, - Олег усмехнулся, - глупо, да?

- Ну, вообще есть немного, - улыбнулась я, - нет, для какой-нибудь сериальной мелодрамы вполне пойдет, но вообще-то, - я сморщила нос, - слегка перебор. Может, ограничишься банальным объяснением в любви? Мы не гордые, нам пойдет, - я дерзко подмигнула.

- А так можно? - притворно удивился мужчина.

- Ну-у-у, не знаю, - я счастливо расхохоталась, - может, конечно, потребовать пройти пару испытаний, звезду с неба достать или подвиг какой совершить, но ведь с чего-то начинать в любом случае нужно. Ведь так?

Олег кивнул:

- Для тебя все, что угодно! Любимая, для тебя все, что угодно...